

КИРЕЙ МЭРГЭН
ТАЙНА КАРАИДЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

КИРЕЙ МЭРГЭН

КИРЕЙ МЭРГЭН

ТАЙНА КАРАИДЕЛИ

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВЕЛ С БАШКИРСКОГО
А. ТВЕРСКОЙ

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
1 9 7 2

С (Башк) 2
К 43

РИСУНКИ Г. ЮМАГУЗИНА

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Писатель Кирей Мэргэн (Ахняф Нуреевич Киреев) вырос на севере Башкирии, в лесной стороне, на границе республики с Пермской областью. Начальное образование он получил у своего отца, сельского учителя.

В конце двадцатых годов четырнадцатилетний Ахняф вместе со своими сверстниками, пятью мальчиками-пионерами, участвовал в лодочном походе по реке Караидели. Много увлекательного увидели юные путешественники на прекрасной реке. Но, своенравная, она доставила и им много хлопот и волнений. Поход этот оставил неизгладимое впечатление. А через несколько лет комсомолец Киреев, будучи уже корреспондентом республиканской молодежной газеты, отправился в новый поход — по следам легендарного рейда полководца гражданской войны Василия Константиновича Блюхера по Уралу. Длинный и тяжкий путь героев-партизан пролегал по горам и лесам Башкирии. Именно впечатления этих двух походов, дух романтики и поисков послужили впоследствии толчком для написания повести «Тайна Караидели». В этой книге Кирей Мэргэн зовет тебя, юный читатель, быть пытливым и смелым, не бояться дальних путей и дорог, познавать друзей и недругов, искать свое место в жизни. Мужество, стойкость, находчивость — таков девиз этой книги.

И под этим же девизом живет и работает сам писатель.

...Год 1932-й. По путевке комсомола приезжает он в степь под Уфой. Здесь начали воздвигаться корпуса мощного моторостроительного завода. Киреев — сотрудник редакции многотиражной газеты «Ударная стройка». Молодежь живет в бараках, ей нелегко. Но стройка растет. Растут и сами строители, а вместе с ними — и журналист Киреев. Вскоре его командировуют в редакцию областной комсомольской газеты «Ленинсе» («Ленинец»).

В конце тридцатых годов в уфимских газетах и журналах появляются

очерки и рассказы молодого писателя. В 1938 году выходит первая книжка рассказов Кирея Мэргэна «Подарок». За ней следуют сборники рассказов «Поиск» и «Расторопный человек». Это правдивые эпизоды из жизни людей колхозной деревни и нового города. Герои этих рассказов сразу полюбились читателям.

С первых дней творчества было у молодого писателя одно увлечение: любил он прислушиваться к народной речи, пословицам и поговоркам, загадкам и песням, сказаниям и легендам. Собирал и записывал образцы устного творчества. Это увлечение никогда не покидает писателя. Он объездил свою республику, соседние области Урала и Поволжья в поисках жемчужин народной поэзии. Впоследствии он стал крупным ученым-фольклористом.

Грозные годы Великой Отечественной войны Кирей Мэргэн встретил коммунистом, корреспондентом «Комсомольской правды». Не раз он ездил на фронт в башкирскую кавалерийскую дивизию. В очерках и рассказах, написанных по горячим следам боев, писатель рассказывал о героизме воинов-конников. На фронте родились его книги рассказов «Башкиры», «Джигиты», сборник «Военный фольклор», пьесы «Война» и «Моя семья».

Как любой писатель, Кирей Мэргэн всю жизнь учится. Он окончил Башкирский педагогический институт, затем — аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве. За ценный научный труд «Эпические памятники башкирского народа» писателю присуждена ученая степень доктора филологических наук. Кирей Мэргэн — профессор Башкирского государственного университета.

За три с лишним десятилетия творческой работы издано едва ли не четыре десятка его книг. Среди них — роман о башкирских нефтяниках «На склонах Нарыш-тау», повести «Беспокойное лето», «Гора Фирузы», драмы «Утро города», «Прерванная мелодия», многочисленные рассказы и научные монографии, путевые заметки, очерки и публицистика. Многие книги Мэргэна переведены на русский и другие языки народов СССР.

В 1972 году писателю исполнилось шестьдесят лет. Этот знаменательный день своей жизни он встретил в расцвете творческих сил, полный замыслов, трудов и забот.

Непрестанный поиск — такова стихия писателя.

К его юбилею читатели получили несколько новых его произведений. Среди них и эта повесть «Тайна Караидели», обращенная к тебе, дорогой юный друг. Надеюсь, она тебе понравится.

Гилемдар Рамазанов

ТРИ ДРУГА

Вы никогда не были в ауле Тальгашлы? О-о, тогда вы ничего, ничего не знаете! Это сказочное место, чудесный уголок земли.

Вот майский вечер спустился на аул.

Затушеваны сумерками маленькие дворики, темно-зеленые ковры, что стелются перед каждым домом. Потихоньку журчит речушка Безымянная. Ей весело. Потому что весна. Ей тревожно. И тоже потому что весна.

Весна! Мне кажется иногда, что весной я куда-то лечу, лечу, как на крыльях или даже на воздушном корабле.

С шумом распахиваю окно, глубоко вдыхаю весенний воздух. Воздух Тальгашлы. Мне кажется, что нигде в мире нет такого воздуха. С чем его сравнить? Не с чем! Им надо просто-напросто подышать нашим воздухом, только тогда поймешь, что он вкуснее кумыса, слаще шербета, душистее полевых цветов.

Воздух родного края, воздух родины, благословен ты во веки веков!

* * *

Ивовым прутиком подгоняет Гульнур утят и гусят. Если бы не она, не было бы их на свете. Это она попросила посадить гусыню и утку на яйца. И едва только вылупились пушистые ко-

мочки, девочка стала за ними ухаживать: кормить, поить и выгуливать, зорко следить, чтоб не унес коршун или ястреб.

Вперевалочку следом за гусыней и уткой вошли гусята и утята в хлев. Гульнур вздохнула. Вот уже неделю просит она своего брата Иршата устроить для малышей место, где они могли бы спать. Но этот Иршат... Что с ним такое случилось? Увлечен он чем-то, что ли? Только и слышишь от него: «Отстань, не до тебя!»

Доски есть. Да вот как их прикрепить одну к другой? А Иршата, наверно, как всегда, еще нет дома.

Но едва успев так подумать, Гульнур услышала шуршание соломы над головой и голос брата. Прислушалась. Кажется, Иршат на крыше. Ну да, точно. Разговаривает с кем-то. С кем?

Сквозь щель в крыше она увидела Иршата. Он был только в трусах и майке, и поэтому особенно заметна была его полнота. Рядом с ним — длинный Юлай с черными как смоль волосами, издали похожий на обгоревшую головешку, и плотный и ладный голубоглазый Сабит, известный всей школе сын уборщицы тети Фатхии, Фатхии-апай¹.

Гульнур притаилась и наострила уши. Даже закрыла глаза, чтобы лучше слышать. И услышала...

У девочки застучало в висках, сердце ее забилося. Скорее к маме! Она вбежала в дом. Никого. Позабыв о гусятах и утятах, которые еще только что казались самым главным в жизни, Гульнур во весь опор помчалась в больницу. Дежурной сестры на месте не оказалось, и поэтому она сразу побежала к маме.

— Мамочка, мама! — закричала она, вбегая в палату, где мама склонилась над больным. — Иршат уезжает!

— Тише,— сказала мама.

Она отошла от больного и, взяв Гульнур за руку, вышла с нею в коридор.

— Куда уезжает? Зачем?

— Я... я слышала... Они собираются в тайгу... Вот знаешь, знаешь, этот Юлай... Так вот, вместе с ним... И с Сабитом...

— Да успокойся, пожалуйста! Говори толком.

— Юлай говорит: «В тайге с тиграми будем сражаться».

¹ А п а́й (башкир.) — вежливое, уважительное обращение к женщине, старшей по возрасту.

А Иршат говорит: «Незачем тащиться в тайгу, на Урале тоже интересно».

— Ну хорошо,— проговорила мама.— Успокойся и расскажи все по порядку.

— Что же еще рассказывать? — нетерпеливо сказала Гульнур.— Бежим скорее, а то Иршат уедет, и тигры съедят его за одну минуту!

Мать усадила дочку в коридоре около стола дежурной сестры, быстренько закончила дела, потом сняла белый халат и вместе с Гульнур вышла на улицу.

А было так.

Однажды Юлай прочитал в «Пионерской правде» маленькую заметку, в которой говорилось, что дальневосточные пионеры во время летних каникул собираются в поход по следам приамурских партизан гражданской войны.

Юлай задумался. Живут же люди! И неожиданно захотелось ему очутиться среди этих ребят, вместе с ними шагать по следам героев. «А что, если написать им письма?» Эта мысль Юлаю понравилась, и он решил немедленно взяться за дело в ближайшие дни.

Секрета не было в том никакого, и, разговаривая со старшей вожатой Фатимой об очередных делах своего отряда, Юлай поделился с нею своими мыслями.

— Ты прав,— сказала вожатая и положила руку мальчишке на плечо.— В самом деле, чем вы хуже тех ребят? Почему бы и вам не поговорить на сборе о таком интересном и полезном деле?

Юлай обрадовался.

И, не откладывая, написал дальневосточникам письмо на трех тетрадных листках.

Через две недели пришел ответ.

На конверте стояло имя председателя совета отряда Иршата, и он прежде всего прочел письмо сам.

Письмо было такое:

«Дорогие ребята!

Спасибо вам за добрые пожелания.

Мы обещаем вам подробно рассказать обо всем, что увидим во время нашего похода.

Вы тоже, наверно, куда-нибудь отправитесь летом. Мы слышали, что у вас в Башкирии происходило в годы гражданской

войны много интересных событий. Просим и вас написать нам о ваших поисках и находках. Если не трудно, пришлите копии хотя бы самых важных документов. Мы тоже сделаем это.

С пионерским приветом —

*пионеры села Вознесенского,
Приморского края.*

Прежде чем читать письмо на сборе, Иршат показал его своим ближайшим друзьям, Юлаю и Сабиту.

— Что же мы ответим? — пожал плечами Сабит.

— Отвечать нечего, — хмыкнул Иршат. — Мы вроде бы никуда не собираемся. А сидя на месте, вряд ли документы раздобудешь. Под лежащий камень вода не течет.

— Так давайте и мы... — сказал Юлай. — Ну, хотя бы туда же, где были партизаны...

— А кто нас отпустит? — возразил Иршат.

— Хо-хо! Сама вожатая за нас! Все будет в порядке! — убежденно произнес Юлай.

— Если так, — закричал Сабит, — пройдем весь Урал! Зверьков наловим, птиц. Золото найдем. Ура!

Но Иршат недоверчиво покачал головой.

— Фатима-то, Фатима, — рассудительно заметил он, — но надо еще узнать, что скажут родители. Это ведь такие люди, что могут и не разрешить.

— Ничего, — успокоил его Юлай. — Фатима-апай договорится и с родителями, и с учителями. И тогда...

— Тогда, — сказал Сабит, — мы отправим на Дальний Восток такой ответ, что они ахнут!..

— Ладно, — перебил его Юлай. — Лишние слова — это так называемая болтовня. Сказано — сделано. Кто «за» — пусть поднимет руку. — И он первым поднял руку сам.

Сабит и Иршат тут же присоединились к нему.

С этой минуты они, собственно говоря, и почувствовали себя пусть небольшим, но сплоченным отрядом единомышленников.

Они долго еще не расходились и когда, сами того не замечая, как-то оказались на крыше, Гульнур подслушала их разговор и решила, что открыла тайну.

Ох эти девчонки, только и знают, что разводят панику!

Иршат пришел домой, уселся в свой угол и молча уткнулся в книжку.

Гульнур изо всех сил сдерживала себя, чтобы не высказать-

ся, но ей не сиделось на месте, она подошла к брату и задела его локтем. Иршат дернул ее за косу.

— Ах, так! — обиделась Гульнур. — Ишь какой важный! Думаешь, я не знаю, о чем ты думаешь?..

— Ну-ка, ну-ка, расскажи, о чем я думаю! — засмеялся Иршат. — Гадалка ты, вот кто!

— Не дразни ее, — сказала мать. — А что ты думаешь, об этом лучше расскажи сам. Кажется, ты куда-то собираешься? На Урал, что ли?

— На Урал? — переспросил Иршат с удивлением. — Ну да, на Урал. Конечно, на Урал! — продолжал он уверенно. — Наш отряд, наверно, пойдет в поход. А ты откуда узнала?

— Если вы соберетесь в поход, то я хочу дать тебе с собой компас и часы отца, — торжественно сказала Маги-апай, словно не слыша вопроса сына.

— Спасибо, мамочка! — Иршат подбежал к матери, крепко обнял ее и поцеловал.

Гульнур с удивлением посмотрела на мать.

СУДЫ-ПЕРЕСУДЫ

И все-таки три друга беспокоились не зря.

Никогда еще в ауле Тальгашлы не было столько шумных споров и разговоров.

Обычно тихий и спокойный, загудел он, словно улей.

А причиной всему были дети.

Дети! И они, оказывается, тоже могут внести беспокойство в жизнь целого аула с его солидными людьми, уважаемыми стариками и почтенными учителями, которые могут быть спокойны и невозмутимы даже в сложной обстановке.

О походе заговорили всюду: на улицах и в школе, на полевых станах и во всех домах.

Задавалось много вопросов. Но главными были два: куда и зачем?

— Дети — в поход? Это что еще за новости! Кому это нужно? Утонут! Сломают ноги! А есть что будут? Где возьмут? И вообще... что они там будут делать? Комаров кормить?

А в школе каждый учитель давал ребятам свои задания.

Лысый географ Нуриев и слышать не хотел о том, что может состояться какой бы то ни было поход без изучения топонимии,

то есть названий сел, рек, гор и прочего. Ему так хотелось, чтобы уроки географии как бы продолжались и во время каникул! Ботаничка Людмила Ивановна требовала сдать к концу лета дюжину гербариев. Преподавательница литературы, по прозвищу Кюхля, заявила, что без сбора народных песен, частушек, пословиц и прочих произведений фольклора поход — не поход.

Учителей рассудил директор школы Рустам Мустафаевич, которого между собой ребята называли Мустай Мустафаевич, что означало нечто вроде Вани Ивановича или Кости Константиновича.

— Гербарии, коллекции, частушки и даже топонимика — все это очень хорошо, — сказал он, — но это, как говорится, между делом. А вообще-то надо завести «Партизанскую книгу» и записывать в нее все, что известно о партизанах гражданской войны, воевавших в тех местах, по которым вы пройдете.

Это предложение ребятам понравилось больше всего, потому что они уже сами настроились быть следопытами.

— Когда доберетесь до Уфы, — говорил директор, — разыщите там Заки Бурхана Сайтова. Он мастер спорта. Бывший ученик нашей школы. И, думаю, будет вам полезен.

В школе был в это время старый плотогон Юсуф-агай — пришел поговорить с учителями о своем внуке, которого с осени надо было отдать в первый класс.

Услышав речь директора, Юсуф-агай прямо-таки возмутился.

— Э! — сказал он. — И надо же такое придумать! Тащиться за тридевять земель, чтобы услышать рассказ о партизанах! Будто бы у нас в ауле нет людей, которые могут об этом рассказать!

Но директор успокоил старика и даже уговорил его подготовить четыре лодки для похода так, чтобы можно было крепить к ним брезентовый навес.

Однако, занимаясь усовершенствованием лодок, старик все время ворчал, что все-таки поход — затея несерьезная.

Двенадцать семиклассников из краеведческого кружка, которых решено было отпустить в поход, так как они заслужили поощрение своей активной работой в течение учебного года, слушали все эти разговоры не очень внимательно: их влекли дальние дороги, манила неизвестность, им нравилось само по себе слово «поход», в котором было какое-то романтическое содержание.

Вожатая Фатима была человеком деловым. И поэтому вместо долгих рассуждений она запаслась книгами, инструкциями о походах, думала о снаряжении и обо всех прочих мелочах, без которых нет и не может быть никакого большого дела.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ И ПЕРВАЯ НОЧЬ

Холмы и леса. Леса и холмы. А меж ними — река, красавица Караидель, стремительная и проворная, веселая и лукавая, словно озорная девчонка.

Сверху, подгоняемые течением, плывут и плывут откуда-то издалека баржи с хлебом и рыбой, тянутся длиннющие, едва ли не километровые, плоты.

И маленькие пионерские лодочки тоже плывут по стремительной Караидели.

К полудню становится жарко.

— Сворачиваем к мысу, короткий привал! — командует Фатима.

Лодки утыкаются носом в песок. Мгновенно соскочив с них, ребята подхватывают цепи и привязывают лодки к прибрежной черемухе. Лодки на привязи. Им остается только покачиваться на волнах.

Искупавшись, мальчики и девочки решают до ужина перекусить. Они развязывают свои вещевые мешки и угощают друг друга всякой всячиной — ведь родители каждому положили разные вкусные вещи. Тут и печенье из душистого домашнего теста, и копченая баранина, и гусятина, и пироги, и удивительно вкусный сухой сыр-курут.

Едят быстро, по-деловому.

И — снова в путь.

Незаметно, медленно спускаются сумерки. Поднимается и ложится на реку сизый туман.

Второй раз причаливают путешественники, чтобы отдохнуть. Разводят костер. Со всех сторон летят на пламя пестрые бабочки. На прочных перекладинах висят ведра — кипит, бурлит пионерский походный ужин.

Что за наслаждение пить чай, черпая его кружкой из ведра, тронутого подпалиной черной копоти!

Вечерний воздух наполняется приятным ароматом еды, который смешивается с запахом травы и пылающих дров.

И вот уже раскинуты палатки, в них постелена свежая трава, разбросаны ветки.

Ох, сладок будет нынче сон! Разве что надо еще выкурить назойливых комаров.

Настал час отдыха. Отбой. Двое мальчиков — Иршат и Юлай — остались дежурить, охранять покой товарищей. Они встали под раскидистый дуб и зорко смотрят вокруг, и каждый молча думает о своем.

Небо ясное, прозрачное, звезды хочется достать рукой. Ни ветерка. Тихо-тихо.

В правом кармане Иршата — электрический фонарик, в правой руке — толстая суковатая палка. В нагрудном кармане — отцовские часы со светящимся циферблатом, на руке — отцовский компас. Часы и компас дала мать. Мама, мама, какая же ты умница — сразу поняла, что не надо возражать против похода, даже помогла! А ведь у Юлая, например, было не так. Его бы не пустили, если бы не заступился отец. А мама Асхата пришла в школу и просто-напросто потребовала, чтобы ее сын летом оставался с нею. Ох и пожалеет же она об этом, когда следопыты вернутся с богатыми трофеями, — разыщут такие вещи и документы, которых до сих пор никто не видал! Даже Мидхат оказался дальновиднее ее. Когда совет отряда постановил не брать его в поход за нежелание помогать отстающим, Мидхат поднял шум, засуетился, даже, говорят, всплакнул, разговаривая с Фатимой. И в конце концов добился своего — стал участником похода.

Вспоминая все эти подробности, Иршат тихонько напевал песенку, одну из тех, которые придумал сам. Он ведь сочинял стихи, ну, а мелодии к ним брал известные.

— На посту петь нельзя, — сказал Юлай.

— А ты не разговаривай на посту, — сказал Иршат.

Сказал — и пожалел об этом. Теперь даже поговорить с другом не удастся.

Пришлось снова предаться воспоминаниям. Вспомнил, как тальгашлинцы провожали отряд. Получился настоящий праздник. На берегу Караидели устроили сбор. Собрались все школьники, родители, учителя. И даже было много людей, которые не имели к походу никакого отношения.

Ребята выступили со своей самодеятельностью, пели песни, читали стихи, танцевали.

Потом хором спели знаменитую партизанскую песню:

Наливались знамена
Кумачом последних ран,
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.

...Где-то рядом звякнула железная цепь.

Иршат насторожился, напряг зрение. Но что можно увидеть в темноте? Запустил руку в карман, чтобы вытащить фонарик, но в ту же секунду услышал, как чьи-то весла ударили по воде.

— Юлай! — зашептал он. — Юлай! Кто-то плывет по реке!

— Где? Кто? — спросил Юлай.

В несколько прыжков часовые оказались на крутом берегу, нависшем над самой Караиделью.

— Лодка! — прошептал Иршат. — Видишь?

— Вижу! — ответил Юлай.

Сердце Иршата застучало, заколотилось в груди.

Кто же это и зачем в лодке сейчас, среди ночи?

Что делать? Кричать? Поднять всех по тревоге? А не поднять ли на смех? И все-таки надо остановить незнакомца.

И Юлай поднялся во весь рост и закричал:

— Стой! Кто идет?

— По воде не ходят, — ответил из лодки спокойный и насмешливый мужской голос.

Юлаю стало не по себе. Тоже часовой выискался! Пристал к человеку. Он ведь в лагерь не идет, какое же дело до него Юлаю? Мальчику даже жарко стало.

— Кто такой? — закричал Юлай.

— А вы кто такие? — расхохотались на лодке, и эхо разнеслось по реке. — А-ха-ха! Мальчики с пальчик! Сколько вас? Одним пальцем подниму? А?

— Кто вы такой? Отвечайте! — не унимался Юлай.

— Хотите познакомиться? А-ха-ха! Тогда спускайтесь сюда, эге?

Юлай пересилил себя, спустился с берега и зашагал к лодке. Иршат последовал за ним.

Незнакомец причалил к берегу, выпрыгнул из лодки.

— Ну, мальчики, ну, пальчики, подходи! Давно ли родились на свет божий?

— Мы спрашиваем вас официально, кто вы такой? — сердито проговорил Юлай.

— Официально? Так, значит, вы из милиции?

— Кто мы — это неважно, — сказал Иршат.

— В таком случае, неважно, кто и я. Что же это вы так грубо со старшими разговариваете? Ай-вай-вай! У вас тут лагерь, да? Иршат прямо-таки в толк не мог взять, как же вести себя дальше. Вроде бы попали они с Юлаем в глупое положение.

Но незнакомец сам помог уладить недоразумение.

— Ладно уж, выдам вам военную тайну, — все с той же насмешкой в голосе сказал он. — Я бакенщик. Теперь довольны? Здесь мой участок. Захочу — на своем участке реку остановлю, захочу — заставлю течь в обратную сторону. А вы раскричались: кто да кто. Чай есть у вас? Может, угостите ночного гостя?

Не прошло и пяти минут, как «нарушитель» сидел рядом с часовыми у небольшого костра.

БАКЕНЩИК ЗАКИРЬЯН

Разговаривали вполголоса, чтобы не разбудить ребят.

Чай закипел. Угостили бакенщика. Он много пил и много говорил, почесывая свою черную бородку, рассказывал всякие веселые истории, так что время шло незаметно.

Небо над вершинами холмов стало из черного серым, потом заалело. Серо-алая полоса завладела и горизонтом, стала шириться, расти. Наконец из-за окоема показалось солнце.

Наступило утро.

Иршат глянул на отцовские часы. Было всего шесть. Будить ребят было рано.

— Здесь лагерь ваш будет или дальше отправитесь? — спросил бакенщик.

— Поход у нас, — ответил Иршат. — Тальгашлы — Уфа.

— Жалко, — покачал головой бакенщик. — Я бы вас тут поводил по хорошим местам, и вообще, если что помочь, то я здесь как-никак человек не последний. Может быть, надумаете что, так знайте: к Закирьяну запросто всегда можно прийти и попросить. Сделаю все, что смогу.

— Спасибо, — сказал Иршат. — Но нам как будто ничего не нужно.

Бакенщик вспотел от чая.

— Вы шапку бы сняли, — посоветовал Иршат, — а то жарко. Но Закирьян только улыбнулся:

— Ничего, я человек привычный. В полной форме и днем, и ночью.

— А почему вы ночью не спите? — спросил Юлай.

— О! Работа такая. Мало ли что — браконьеры или другие незванные гости могут по участку бродить. Вот ведь вы даже меня самого в чем-то заподозрили.

— А давно вы тут работаете? — спросил Иршат, чтобы заманить неловкость.

— Я? Я всю сознательную жизнь на воде. С пятнадцати лет. Сперва на катере кочегаром был. Вернее, сперва помощником кочегара. Потом перешел на большой пароход. По Каме плавал, по Волге, оттуда на Каспий попал. До лоцмана дослужился. Гражданская началась — стал красноармейцем. Воевал. В ногу ранило. Контузило. Очухался, на Каспий вернулся, теперь уж старшим лоцманом поставили. Не так-то просто с покалеченной ногой работать было. Да ничего, справился. Деньжонок поднакопил, приехал сюда, здесь приземлился. Дом построил, пенсию получаю. Все бы хорошо, да опять война — ну, в сорок первом. Сразу я в военкомат, а там не берут — инвалид ведь. Тогда я телеграмму народному комиссару (теперь министром называется). Жалобу. Ну, меня бакенщиком и назначили. Раз, мол, солдат — служи, но только в тылу, поскольку нога. Вот и трублю с тех пор. Вроде бы не обижаются на мою работу. За всю войну ни одного происшествия не было. Ну, а сейчас, как говорится, сам бог велел, чтобы все было в порядке.

Иршат потупился. А Юлай несколько не смутился. Он прямо смотрел на бакенщика, словно не он, Юлай, а кто-то другой кричал на этого заслуженного пожилого человека.

— А где вы живете? — спросил Юлай.

— Километров пять отсюда. А если разобраться по существу, так дом мой — вот он, — и он кивнул туда, где стояла лодка. Вышла из своей палатки Фатима.

— Через пятнадцать минут подъем! — предупредила она Юлая. — Здравствуйте! — весело сказала бакенщику, и Юлай снова подумал, что незачем было бросаться на человека.

— Здравствуйте, девушка, — приветливо отвечал бакенщик, — здравствуйте и до свиданья. Мне пора.

— Подождите, посидите, пожалуйста, с нами, — быстро заговорила Фатима, — я с ребятами вас познакомлю. Может, расскажете нам что-нибудь. Может, вы знаете что-нибудь интересное о партизанах гражданской войны... О походе Блюхера... Не знаете?

— Не знаю? Как не знать, — улыбнулся бакенщик. — Да

только если рассказывать все, что знаю, так три дня и три ночи потребуется.

— Прекрасно! — обрадовалась Фатима. — Вы бы нам рассказали, а мы бы все записали! Вы, наверно, сами бывший партизан?

— Да. Только не здесь партизанил, а на Волге и на Каспии.

— Но и о здешних боях, наверно, слышали?

— Слышал, конечно... Мои товарищи здесь воевали.

— И про Блюхера тоже?

— Да. Блюхер действовал южнее этих мест, ниже Красного Яра. Когда через Караидель переправлялся, много здешних жителей за ним пошло.

— А про Карабаша не слышали? — спросил Юлай, который вспомнил рассказ деда Юсуфа.

— Карабаш? — переспросил бакенщик. — Какой Карабаш?

— Он здесь с бандой своей ходил, грабил и убивал крестьян, выдавал партизан врагам, вешал, расстреливал.

— Нет, не знаю, не слышал. Но думаю, что нет его в живых. Таких, как он, давно осудили. Или, может быть, сбежал он за границу. — Бакенщик немного задумался и добавил: — Помоему, вам, пионерам, надо интересоваться не такими, как этот самый Карабаш, а героями. Вот Блюхер, например. Ну, а пока — до встречи! — И Закирьян пошел к лодке.

Только тут заметил Юлай, как сильно он хромает. И Юлаю стало стыдно за то, что они с Иршатом так грубо разговаривали с бакенщиком ночью.

— Подъем, — сказала Фатима.

Иршат схватил висевший на дубу горн и затрубил.

Спустя минуту лесная опушка огласилась веселыми голосами ребят. Одни выскакивали из палаток с полотенцами и бежали к реке, а другие занялись завтраком — возились у костра.

НА ОСТРОВЕ

После завтрака путешественники заняли свои места в лодках и снова тронулись в путь.

Солнце поднималось все выше, и вот наконец его золотые лучи озарили вершины гор, а потом засияли над окутанными голубым маревом лесами. Казалось, шелковыми стали под его лучами стремительные волны Караидели. Так и переливались

они, так и светились. Слабый ветер доносил с берега приятный запах влажного песка.

Где-то неподалеку загудел пароход, а вскоре и сам появился: снежно-белый, веселый плавучий дом с освещенными солнцем окнами.

— Одноэтажный,— сказал Юлай.

— Да, однопалубный. Но на Караидели других не бывает,— заметил Иршат.

— Кажется, что медленно идет, а лопасти вон как мелькают! — воскликнул Сабит.

— А какая скорость у него?

— А пассажиров сколько берет?

Юлай привстал в лодке и, сняв тубетейку, принялся из всех сил размахивать ею, приветствуя пароход. Следом за ним то же самое сделали и другие ребята.

Однако на пароходе никто не обратил на них ни малейшего внимания.

— Если бы они знали, что мы тоже команда, дали бы гудок,— с досадой произнес Юлай.

— Ишь ты, тебе почести нужны! — засмеялся Иршат.

Пароход скрылся из виду, и ребята позабыли о нем.

С тех пор как река раздвоилась на два русла, прошло часа три. Свернув в правое, путешественники увидели, что оба русла снова сливаются воедино и, стало быть, меж ними — остров.

— Земля! — сказал Иршат.

— Колумб! — усмехнулся Сабит.

— Привал! — скомандовала Фатима.— Пора готовить обед.

Она не думала так рано обедать, но остров показался вожакой уютным, и ей захотелось, чтобы ребята побывали на нем.

И в самом деле все было здесь хорошо — и песок, и трава, и камыши, и невысокий молодой лесок. Зеленые лесистые берега сменялись в середине острова поляною, словно бы специально приспособленной для палаток наших путников.

— Обедом займутся дежурные,— сказала Фатима,— а мы все побродим по острову. Здесь наверняка найдется кое-что для наших коллекций.

Обходя остров, ребята обратили внимание на то, что правое русло реки, по которому шли суда, было гораздо шире и глубже левого. Но слева растительность была гуще. Ивы опускали длинные косы свои к самой воде, вдоль всего берега стояли стройные камыши.

Юлай заметил под ивами бревна, аккуратно сложенные у самой воды. И десятка три досок. Подошли поближе — следы костра. Значит, остров не необитаемый, здесь кто-то был, и, кажется, не так давно.

На ночь остались часовыми Малик и Мидхат.

— Знаешь что? — сказал Мидхат. — Давай прямо сейчас, с вечера, маленько отдохнем, а то потом, чего доброго, ночью спать захочется.

— Нет, — ответил Малик, — не положено.

— Да знаю я не хуже тебя, что положено, а что нет. Но так-то лучше. Надо соснуть маленько, и ночью никакой сон не возьмет. Сейчас-то никто сюда не подойдет: светло еще. Остров все-таки. Все видно кругом. Чего ты боишься?

— Нет, — упрямо повторил Малик. — Не положено.

— Ну, как хочешь. Посмотрим, кто будет лучше стоять ночью, я или ты.

Видя, что спорить с Мидхатом бесполезно, Малик отошел в сторону.

Мидхат широко зевнул, присел на траву и погрузился в сладкие мечты о том, как приедут они в Уфу и пойдут там в кино или в цирк. О, в цирк — это будет замечательно! Там ведь канатоходцы выступают. Жонглеры. Борцы. Клоуны. Фокусники.

Все сильнее и сильнее клонило Мидхата в сон. Он не хотел поддаваться, раз уж Малик его не поддержал. Щипал себя за руки и ноги. Но зевота не проходила. Взгляд мальчика остановился на быстро потемневшем небе. Неожиданно захотелось пересчитать звезды. Нет, лучше — сколько воды в реке. Нет, лучше узнать, можно ли сделать пароход из кирпича. Бывают ли белые крокодилы. И рыжие рыбы...

Показалось Мидхату, что он летит в небо. Вон туда, в ту высокую вышину, где так ярко и загадочно светят эти самые звезды. У него крылья. Он слегка взмахивает ими, и от этого полет его становится плавным. Но откуда в небе волны? Почему они плещутся? Кто там, на берегу?

Мидхат спал крепким сном, когда подошел к нему Малик.

Некоторое время Малик колебался: будить или не будить?

— Спишь? — проговорил он наконец.

Мидхат приоткрыл недоумевающие, ничего не понимающие глаза.

— А? Чего?

— Проснись, часовой!

— А-а! — протянул Мидхат, очнувшись. — А что, если не проснусь? Донесешь, да? Вожатой пожалуешься?

— Не знаю. Не спросят — не скажу, спросят — скажу.

— Эх ты, мямля! Спросят — не спросят! Баран, а не человек. Сам принципиальным должен быть. Хочешь доносчиком вырасти? Это хорошо?

— Замолчи ты, соня!

— Я соня? Ничего ты не понимаешь! Я в поход шел не для того, чтобы и здесь дисциплину соблюдать. Думал — свобода здесь полная. Иди куда хочешь, делай что хочешь. Кричи, бросай камни. А тут на тебе — развели! Фатима, она, конечно, женщина, всего боится. А если разобраться, ну зачем, на какого черта здесь часовые нужны? Ну ты, например, можешь ответить? Кто здесь — фашисты, белые, разбойники ходят? Или волков боимся? Так они сюда никак не доберутся. Остров все-таки. А если бы один какой-нибудь и забрел, то он к жилищу человека ни за что не подойдет. Верно я говорю?

— Не знаю. А только спать на посту не положено.

— Незнайка ты, вот кто! Солдат не должен слепо приказ выполнять. Он все понимать должен. А ты?

— А ты?

— Что я?

— Спишь.

— Ну и что? Я же тебе объясняю почему. Знаешь, когда человек не спит, у него в организме яды скапливаются, отравиться можно.

— Не знаю.

— Не знаешь, значит дурак.

— Кто дурак? — Малик засучил рукава.

— Ха-ха! Дратся будешь? Ну, давай!

Мидхат вскочил, схватил Малика за шиворот, с силой тряхнул. Тот вывернулся и дал Мидхату по шее.

— Ах так! На тебе!

Но Малик изловчился и, схватив Мидхата за ногу, повалил его на землю.

— Соня, соня, получай на орехи! Вот! Понял?

Драка между часовыми была в самом разгаре, когда что-то в кустах зашевелилось и исчезло.

СЕРАЯ КУРТКА

Серые барашковые тучи закрыли полнеба. Плывут и плывут. Медленно и странно продвигаются, словно барсы, готовые вот-вот броситься на свою жертву.

Одинокие капли. Капли. Капли. Начинается дождь, слабый, неуверенный утренний дождик. Ступит — отступит, ступит — отступит. Кап-кап-кап...

Кое-где коснувшись земли, а кое-где и не коснувшись, не успев разойтись, кончился дождь.

Листва на деревьях все же стала мокрой и потому казалась теперь темнее, но ярче. Камни, омытые скупыми каплями, посвежели. И лодки тоже.

Все засверкало. Все ожило.

Деревья распушили свои кроны. Две горы, словно расправив плечи, стояли друг против друга, как джитигиты, которые, испив добрую чашу кумыса, выходят на поляну, чтобы помериться силами.

Юлай запел:

Дождик, дождик, перестань,
Мы поедем в Гулистан! ¹

¹ Гулистан — сказочная страна цветов.

Настроение у всех от этого дождичка было не грустное, как бывает порой при плохой погоде, а наоборот — хорошее, бодрое. Но вот с берега донеслись голоса Иршата и Сабита.

— Бревна-то, бревна... уплыли... — кричали они, перебивая друг друга.

— Как так — уплыли? — удивился Юлай.

— Ночью. Наверно, волной смыло, — развел руками Иршат.

— Скажешь тоже! Такие тяжелые разве смое!

— Там еще доски были, их тоже нет.

Все, кроме дежурных, бросились к берегу.

Фатима рассмотрела на мокром песке следы огромных охотничьих сапог. «Нет, тут ходил не один человек, а по крайней мере трое», — подумала она, и тут же показалось ей странным, почему, собственно говоря, она должна думать о таких вещах.

— Пошли отсюда, ребята, — сказала она. — Бревна так бревна. Наверно, взял тот, кто их здесь сложил.

Ребята не хотели уходить.

Да и Фатима стояла в задумчивости. Ей пришло в голову, что бухточка, в которой были сложены бревна и доски, отгороженная от воды кустарником, могла служить хорошим укрытием. Укрытием? А почему людям, которые явились сюда ночью, нужно было укрываться? И вообще, почему они пришли или приплыли именно ночью? Нет, здесь что-то не так...

Фатима спустилась к самой реке и повернулась лицом к берегу. Под кустом видны были отсюда охапки сена, на которых, судя по всему, недавно кто-то лежал. На пепелище костра виднелся след от котелка. А вот и веревки, обрывки мочалы, обтесанные палочки, длинный шест...

«Что же это все-таки значит?» — спрашивала себя вожатая. Ей не хотелось делиться своими, быть может, нелепыми мыслями с ребятами, но, глянув на них, она вдруг поняла, что и они озабочены тем же.

— Это бандиты, — громко произнес Юлай.

— Точно, — иронически ухмыльнулся Мидхат. — Шайка «Железная рука — костяная нога».

— А ты что делал ночью, когда дежурил? «Точно, точно!» — передразнил его Иршат. — Вот ты-то как раз со своим Маликом и должен был бы нам сказать точно все, как было!

— Да брось ты панику наводить! — отмахнулся Мидхат. — Вот есть на свете такие люди, которые всюду видят одних только преступников!

— Проспал, так и скажи, — вмешался Сабит.

— Кто проспал? Я? — Мидхат сжал кулаки и двинулся к Сабиту. — Я, да? А ты видел?

— Ты меня не пугай, я тебя не боюсь, — спокойно произнес Сабит. — Проморгал, конечно.

— Проморгал? А почему я обязан какие-то бревна охранять? Я свой лагерь караулил, и точка. А за все, что есть на острове, отвечать не должен. Ясно? — И, резко повернувшись, Мидхат зашагал к палаткам.

— И чего вы к нему пристали! — сказал Малик.

— Ты тоже хорош! — отрезал Юлай.

— Хорош я или плох, а службу мы честно несли, — рассердился Малик.

В эту минуту Мидхат вернулся к ребятам, держа в руках серую куртку-стеганку.

— Что это?

— Это? Это вот, наверно, оставили для нас.

— Кто оставил? Что оставили? — спросил Юлай.

— Гости ночные оставили... Вот, — проговорил он и бросил куртку к ногам Фатимы.

— А ты не бросай, а подними и убери, — коротко распорядилась вожатая.

РЕЧНИКИ В БЕЛЫХ ФУРАЖКАХ

Теперь недалеко уже до Усть-Байки. Это первая пристань на пути юных туристов.

До сих пор им попадались только отдельные домики речников на правом берегу и небольшой аул на левом. Такой небольшой, что даже не догадались спросить, как он называется. А так — всё леса и леса.

Хотя совсем недавно покинули ребята родной аул, но уже успели соскучиться по веселым улицам, где всегда есть народ, где шумят, играют малые дети, а по вечерам девушки слушают гармошку и поют песни.

Но несмотря на тоску по дому, они не очень-то радовались, подъезжая к Усть-Байки: ночевка на острове оставила в их душах какой-то необъяснимо неприятный осадок.

Пристань Усть-Байки показалась невзрачной. Был всего-навсего один дебаркадер. И тот сиротливо жался к берегу, когда волны пытались сдвинуть его с места.

На берегу стояли амбары, элеваторы, какая-то контора, магазины и киоски. Повыше — поселок.

Ребят встретил сам дежурный по пристани в белой форменной фуражке с кокардой.

— Юные следопыты? — спросил он, едва путешественники сошли на берег. — Иденте скорее. Вас ждут.

И он повел ребят в свою довольно просторную каюту на дебаркадере.

Там сидел мужчина в такой же фуражке.

Он встал, протянул руку вожатой:

— Здравствуйте, Фатима. Как доехали?

Только тут узнали ребята в этом человеке своего односельчанина Заки Бурхана Саитова, о котором им говорил директор школы.

Фатима улыбнулась, отдала пионерский салют, затем пожала сильную руку Саитова своей маленькой рукой.

Худенькая, небольшого роста, вожатая с первого взгляда мало отличалась от пионеров.

Но, присмотревшись, Саитов увидел, что девушка по-взрослому серьезна, и почувствовал на себе сосредоточенный взгляд больших серо-зеленых ее глаз.

— А вы сюда какими судьбами попали? — заулыбалась Фатима.

— Сижу вот, вас дожидаюсь.

— Но вы ведь, я слышала, в Уфе теперь работаете, — сказала вожатая.

— Был в Уфе, а теперь здесь.

— Речником стали?

— Вроде бы так.

Фатима была рада видеть земляка. В ауле Тальгашлы славился Саитов своей силой и спортивной и не раз выходил победителем в состязаниях по борьбе, за что еще в школе к его фамилии приставили слово «самбо», и получилось «Самбосаит».

После школы Самбосаит служил в армии, вернулся спортсменом. Успехи у него были немалые, и вскоре его забрали в Уфу.

И Фатиме показалось странным, что после всего этого такой известный человек оказался на какой-то маленькой пристани. Она не удержалась от вопроса, но тут же пожалела об этом: мало ли что, может быть, человек заболел и бросил спорт, а может быть, на душе у него еще что-нибудь такое, о чем ему не хочется говорить.

Дежурный, который встретил ребят, подошел к столу, взял наушники, что-то повернул на огромном приборе, подвешенном на стене, и закричал:

— Караидель! Караидель! Я Усть-Байки, Усть-Байки!

И вдруг по каюте разнеслось:

— Караидель слушает!

— Ваши туристы прибыли.— И дежурный подмигнул Фатиме, давая понять, чтобы она подошла к нему.

— Алло, Караидель! — сказала Фатима.

— Это мы, школа! — сказала Караидель, и все узнали голос директора Мустафаева.— Как вы там, Фатима?

— Здравствуйте, Рустам Мустафаевич! У нас все в полном порядке. Настроение отличное. Все здоровы. Идем точно по маршруту, без отклонений.

— Особых происшествий нет? — спросил директор, и ребята почувствовали, что он улыбается.

— Нет,— ответила Фатима и тут же подумала о бревнах, серой куртке, но не стала говорить об этом, потому что это, пожалуй, прямого отношения к походу не имело.

— Хорошо,— сказал директор.— Тогда передайте всем юным следопытам, что вчера мы обошли всех без исключения родителей. Все родители здоровы. Шлют своим сыновьям и дочерям сердечный привет.

— Спасибо, Рустам Мустафаевич!

— До следующей встречи в эфире. Мы вызовем вас десятого в двенадцать часов. О месте вашего пребывания узнаем в управлении речного флота. Договорились?

— Договорились!

— Всего хорошего! Счастливого пути!

В аппарате что-то щелкнуло, и голос директора исчез.

Ребята заулыбались, всем стало весело. Каждому казалось, что он побывал дома.

Теперь можно было спокойно двигаться дальше. Но пионеры местной школы не отпустили туристов, пока они не отведали вкусного обеда.

МИДХАТУ НЕ СПИТСЯ

И надо же! Все тянуло и тянуло ко сну, даже днем хотелось спать, и вдруг не спится. Будучи часовым, Мидхат задремал на глазах у Малика. А сейчас, лежа в палатке, не мог заснуть и

лежал с открытыми глазами. Пожалуй, причина была в том, что Малик обидел его. После обеда в Усть-Байки Малик отозвал его в сторону и сказал:

— Ну, вот что. Я всех уверяю, что мы с тобой честно несли службу, но ведь это неправда! И ты это хорошо знаешь. Я думаю, что неизвестные люди что-то нехорошее делали на острове, как раз когда мы с тобою дрались. Так что...

— Так что,— перебил его Мидхат,— виноваты мы оба. И нечего меня учить!

— Допустим. Если не считать, что драку затеял ты.

— Я?

— Ну ладно. Не буду спорить из-за пустяков. Скажу тебе только, что и в школе ты был лентяем, и здесь тоже еле тянешься. Мы с тобой должны искупить свою вину перед ребятами.

— Три ха-ха! Хочешь искупить вину — искупай. А мне если надо будет, я сам искуплю. С тобой в паре быть не желаю.

Услышав это, Малик бросил на Мидхата презрительный взгляд и замолчал.

Казалось, что победителем в споре был Мидхат. Но он и сам чувствовал, что это не так. И не только потому, что Малик презирал его. Примерно такое же отношение было к нему у всех ребят. Хотя никто ничего ему не говорил, Мидхат чувствовал это. По взглядам. По тону. По каким-то другим неуловимым признакам. Ребята словно давали понять, что уж коли напросился Мидхат с ними в поход (его ведь не хотели брать), то должен оправдать оказанное ему доверие. Он бы и сам рад оправдать. А как? Как это сделать? Этого Мидхат не знал, и гордость, эта проклятая заносчивость не позволяла ему спросить об этом кого-нибудь ну хотя бы ту же самую Фатиму.

И вот ночью, лежа с открытыми глазами, Мидхат придумывал себе подвиг, который мог бы удивить всех и заставить сказать о нем, что он настоящий человек.

Но для того чтобы совершить подвиг, надо, наверно, кого-то спасти. Надо, чтобы случилась беда, а он, Мидхат... он выручит из беды. Но что же — выходит, что он мечтает о беде? Чепуха какая-то получается!

Мидхат вскочил, оделся, вышел из палатки.

Подожел к часовым. На этот раз дежурили Сабит и Малик.

— Ты чего не спишь? — спросил Сабит.

— Не могу уснуть. Пойду искупаюсь, пожалуй.

— Ночью?

— Ну и что? Ночью вода теплая.

— Что ж, коли охота. Только помни: вон там, слева, где кривое дерево,— омут. Туда не ходи. Мы с Юлаем днем купались, я точно говорю.

— Ладно! — проговорил Мидхат, которому было приятно, что Сабит заботится о нем. Может быть, потому, что видит: Мидхат не трус, не боится один разгуливать ночью по незнакомой местности.

«Вот так всегда надо с ними, — подумалось Мидхату. — Тогда уважать станут».

Он спустился к воде и решил пробыть там как можно дольше.

Купаться не хотелось. Но, обернувшись, он увидел силуэты часовых. Они стояли у обрыва и смотрели на него. Не иначе — хотят проверить, будет ли он купаться. Не будет — засмеют.

Мидхат скинул брюки, рубашку, пробежался и нырнул. Вот вам, знайте наших!..

Нырлящиком Мидхат был неплохим и, несмотря на то что не успел набрать воздуха в легкие, продержался под водою, пожалуй, не меньше минуты. И все это время, усиленно работая руками, удалялся от берега. Ему хотелось вынырнуть так, чтобы часовые его не заметили.

Но едва он снова показался на поверхности воды, подхватили его и понесли волны. Оглядевшись, увидел Мидхат, что находится уже совсем далеко от того места, где стоят часовые, и что близок, совсем близок теперь противоположный берег реки.

Чтобы преодолеть течение, пришлось напрячь все силы.

Плыть обратно было нелегко, и Мидхат направился к песчаной отмели на другом берегу.

Вот уж и он, берег.

Ночная прохлада резко полоснула по телу, едва только вышел пловец из воды. Он съезжился и охватил плечи руками.

Да, одно дело, когда, выйдя на берег, тут же можешь нырнуть в брюки, облачиться в рубаху, но ведь у Мидхата одежда осталась на другом берегу. Дрожа от холода, он побежал в кусты, будто бы там было теплее. Собственно говоря, деваться было некуда, и Мидхат собирался уже опять влезть в воду, когда увидел в глубине кустарника какой-то странный и загадочный голубоватый огонек.

Что бы это могло быть?

Мальчик позабыл о холоде и, осторожно ступая, сделал несколько шагов в сторону огонька. Потом еще, еще...

Вскоре он был совсем рядом с огоньком.

Присмотревшись, увидел палатку.

Мидхат принялся внимательно рассматривать ее. Но ничего особенного не заметил: палатка и палатка. До слуха мальчика донеслась тихая музыка. Что это — радио? Нет, не похоже. Одна и та же мелодия повторилась раз, другой, третий. Потом наступила тишина. И опять зазвучала та же мелодия.

Позывные! Но чьи?! Не Москва, не башкирская станция, нет, что-то незнакомое, чужое... Шпионская радиостанция!

От этой мысли снова стало холодно Мидхату, но теперь это был совсем другой холод, не тот, который охватил его при выходе из воды. Это был страх.

С бешеной скоростью закружились в голове мальчика предположения, подозрения и догадки.

Несколько минут стоял он, боясь пошевелиться. Наконец, овладев собой, бесшумно тронулся с места и, продвинувшись по кустарнику, остановился на таком месте, с которого видно было, что делается внутри палатки.

Низко склонясь над маленьким раскладным столиком, аккуратный старик с клинообразной бородкой и в черной тубетейке что-то ковырял длинной отверткой внутри лакированного ящика.

«Все ясно! — подумал Мидхат. — То бревна пропадают, то куртка валяется, то этот ночной фокусник! Не иначе, как действует целая шайка диверсантов!»

Подумав так, Мидхат прислонился к дереву и позабыл о страхе. Ведь это было как раз то самое, что он так искал. Ведь если он разоблачит эту шайку, все поймут наконец, какой он смелый, находчивый, и станут относиться к нему как к равному. Но только для этого нужно, чтобы подвиг был совершен именно им, им одним, чтобы никто не помогал ему, иначе славу придется с кем-то делить, а это будет уже совсем не то.

Мидхат притаился и продолжал наблюдать за стариком, а тот сидел, не меняя позы и не разгибая спины.

Прошло, наверно, около получаса, и Мидхат окончательно продрог. К тому же он вспомнил, что, наверно, ждут его часовые и, может быть, подумали, что он утонул. А если так, то поднимут шум и придут сюда. Спугнут старика. И тогда никакого подвига совершить не удастся. Ничего, он еще продолжит наблюдения завтра ночью!

Совершенно бесшумно покинул Мидхат свое укрытие и благополучно вернулся на свой берег.

Оказалось, что часовые и на самом деле забеспокоились.

— Где ты был? — спросил Малик.

— Где был, там меня уже нет, — ответил Мидхат и многозначительно улыбнулся.

БАИТ

Утром следующего дня Фатима повела следопытов в старый домик, стоявший на самом краю Усть-Байки, чтобы познакомить их со сказительницей Минзифой, которая после долгих уговоров согласилась вспомнить байт о Блюхере.

Старушка приняла ребят без особого восторга, однако всех рассадилась так, чтобы было удобно, а сама расположилась на топчане возле печи.

Затем спросила:

— А вы кто такие будете?

Фатима объяснила, что к чему, и старушка закивала головой.

Скромная изба сказительницы была по-своему уютна. Широкие нары застелены были самотканым паласом с причудливыми узорами, а в углу стоял большой сундук. На сундуке возвышалась целая пирамида пышных подушек разной величины, покоившаяся на нескольких разноцветных одеялах.

Часть избы отделена была пестрой занавеской, которую называют по-башкирски «шаршау». За ней стояла кровать. На окнах и даже на жердочках висели вышитые полотенца.

Несколько мгновений Минзифа молча смотрела через окно куда-то вдаль, но вот запела — и сразу тусклые глаза ее засветились и появилось в них какое-то новое выражение.

Руки ее лежали на коленях. Начала она голосом старческим, монотонным и слабым, потом закачала головой, прикрыла глаза, запела сильнее, громче и отчетливее.

Сперва речитатив был без слов, но вот появились и они:

Вот разведчика Блюхер-батыр зовет,
И приказ ему Блюхер-батыр дает:
«К белым в тыл ступай-ка, разведчик мой,
К белым в тыл ступай, мой Шараф-герой,
Все разведай там, все узнай-ка, брат,
И скорее, Шараф, возвращайся назад!»

Не впервые идет в разведку Шараф. Товарищи по оружию могут на него положиться: он бесстрашен и умен, обойдет и об-

манет врага. Да вот беда: в селе, где стоят белые, узнает его подлый и коварный сын богача и выдает белым. Ведут враги Шарафа на казнь, но он смело смотрит им в лицо.

...Следопыты были взволнованы баитом. Нельзя было остаться равнодушным, слушая трагическую балладу о герое.

Сердце сжималось от боли и тоски, когда пела старая Минзифа о гибели батыра. Девочки смахивали слезы. Потупились мальчишки.

Юлай думал о том, что, может быть, бакенщик Закирьян, которого они с Иршатом так грубо обидели ночью, может быть, тоже был таким вот, как Шараф.

А Мидхат думал, что, может быть, старик, которого он видел на другом берегу Караидели в палатке, и есть тот самый изменник, который предал Шарафа.

Каждый думал о своем.

А Минзифа тем временем напутствовала ребят. Голос ее стал теперь ласковым, нежным:

— Путь ваш, дети мои, далек. Пускай же он будет удачным! Вы любите родную Караидель? Знаю, любите. Что ж, любите, но будьте осторожны! Всякое бывает на этой реке!..

Едва путешественники вышли из дома сказительницы, Юлай рассмеялся:

— И что это Минзифа-инэй¹ нас пугает?

— А ты вдумайся в ее слова! — многозначительно произнесла Фатима.

„АХ, ТАКИЕ-СЯКИЕ!..“

Шумной ватагою стояли наши друзья на дебаркадере, ожидая отправки парохода из Усть-Байки: до этого дежурный не разрешал садиться в лодки.

— Ну, как дела, орлы? — подмигнул дежурный, затеявая разговор.

— Хорошо! — закричал Юлай.

— А правда, что тут у вас недавно бандита поймали? — спросил Иршат.

— Бандита? — рассмеялся дежурный. — Нет, просто-напро-

¹ И н э й (башкир.) — бабушка; уважительное обращение к пожилой женщине.

сто типа одного, который лес государственный крал и налево сплавлял.

— Э-э-э! — разочарованно протянул Иршат.

Все засмеялись.

Только Мидхат был мрачен.

Во-первых, он неважно чувствовал себя после бессонной ночи. А во-вторых, не давала ему покоя мысль, что надо уезжать: он ведь собрался следующей ночью окончательно разоблачить старика в палатке, и его мучили сомнения: вообще-то надо бы сообщить о старике куда следует, ну, хотя бы сказать вот этому самому дежурному; но тогда слава поимки шпиона будет принадлежать уже не ему. Но что слава! А если этот шпион надевает вреда, может быть, даже убьет кого-нибудь или взорвет мост или железную дорогу?

Мидхат взял дежурного за рукав и хотел отвести его в сторону, чтобы поведать свою тайну, но в эту самую минуту раздался свисток, и пароход отчалил.

— Отойди, мальчик, — сказал дежурный.

Мидхат не мог раскрыть тайну при всех. И он решил, что сообщит о шпионе на ближайшей пристани.

Дежурный махнул рукой, и ребята быстро расселись по лодкам.

Не успели отплыть от пристани и километра два-три, как слышалось тарахтенье моторной лодки, и все увидели Закирьяна.

«Может быть, ему рассказать о шпионе?» — подумал Мидхат.

— Закирьян-агай! Закирьян-агай! — закричал он.

Бакенщик обернулся и, увидев ребят, заглушил мотор своей лодки.

— Салям! — проговорил он без особого энтузиазма.

— Здравствуйте, Закирьян-агай! — заговорил Мидхат. — Вы что, очень торопитесь?

— Да нет. А что?

— Поехали с нами! — сказал Мидхат, потому что не знал, как быть и можно ли рассказать о старике бакенщику.

— С вами? Ну что ж, можно и с вами, — согласился бакенщик. — А куда?

— Заночуем где-нибудь здесь поблизости, — ответила Фатима.

Бакенщик поплыл за лодкой.

— Ну как, ребята? — спросил он. — Комары не беспокоят? Спите хорошо?

— Да вот кто-то бревна с острова утащил, а куртку оставил,— сказала Фатима.— Покажи куртку, Иршат.

— Ах, такие-сякие! Вот черти! — выругался бакенщик, выслушав ночную историю. И, поправив шапку, растерянно произнес: — Кто же это может быть? А вы кому-нибудь говорили об этом?

— Пока никому,— покачала головой Фатима.

— Пожалуй, это правильно,— заметил Закирьян.— А то ведь и до самих преступников может дойти. А надо, чтобы они думали, что никто ничего не знает. Тогда и поймать их будет легче.

— А сами вы с ними справитесь? — спросил Мидхат.

— Думаю, да,— ответил Закирьян.

Неожиданно бакенщик передумал следовать за отрядом.

— Совсем забыл,— сказал он,— дело у меня в Усть-Байки. Я уж вас сейчас покину, зато на днях еще раз навещу. Очень мне ваш чай понравился. Крепкий, мировой! Когда-то такой чай «хан-чай» называли,— «ханский чай». Ну, пока!

И тут в нахлобученной на уши белой фуражке промчался мимо на голубой моторке Самбосаит.

Он словно никого не видел — не поздоровался, не улыбнулся. Да и смотрел совсем в другую сторону.

На волнах от его моторки закачались ребячьи лодки и моторка Закирьяна, его даже обдало брызгами.

— А, шайтан! — добродушно улыбнулся бакенщик и, развернув моторку, взял курс на Усть-Байки.

КАПИТАН ОСТАЕТСЯ НА МЕСТЕ

Однажды вечером, когда ребята, как всегда, поставили лодки на прикол и раскинули свои палатки на берегу, Фатима одиноко бродила над рекой и думала о первых днях похода.

Вообще-то внешне все было хорошо.

По утрам Юлай, которого она назначила капитаном отряда следопытов, принимал рапорты дежурных. Путевой журнал заполнялся аккуратно и регулярно.

Каждый день открывали путешественники новые для себя места и аулы, рельефы и ландшафты.

После Усть-Байки наведались они в поселок Бердяш, приютившийся среди холмов на правом берегу Караидели, осмотре-

ли лесную пристань Магинск. Особенно понравился всем большой, утопающий в зелени аул Мускилды. Здесь слушали ребята игру народного музыканта на курае¹.

Казалось бы, все идет нормально.

Но Фатима была недовольна.

Туристы, конечно, не обязаны охранять бревна, лежащие на берегу, но вожатой все же было неприятно, что часовые даже не заметили, как эти бревна исчезли. Дело ведь тут не в прямых обязанностях, а в том, что пионеру до всего должно быть дело, тем более если речь идет о народном добре.

Фатиму удивляло и настораживало, что Мидхат и Малик, дежурившие в ту ночь, даже и не заикнулись о пропаже. А ведь они стояли всего в каких-нибудь двухстах метрах от места происшествия. Неужели мальчишки спали на посту? Если это так, то очень плохо. И это, пожалуй, даже серьезнее, чем сама по себе пропажа бревен.

Но как обвинять ребят, если нет уверенности, что было именно так, а не иначе?

Фатиме и в голову не приходило расспрашивать Мидхата и Малика. Это ведь было бы похоже на допрос.

С другой стороны, она как человек, которому доверен отряд, должна, во что бы то ни стало должна знать все, что происходит днем и ночью.

Как же быть?

И опять-таки эта куртка. Ее давно надо было сдать, ну, хотя бы оставить в Усть-Байки. А она до сих пор не сделала этого. Почему? Не потому ли, что не хотелось признаться, что ее пионеры допустили оплошность?

Как бы то ни было, надо при первой же возможности эту ошибку исправить.

Тем более, что кое-что наводит на подозрения. Почему, например, бакенщик Закирьян, участок которого остался далеко позади, внезапно появился в Усть-Байки?

Фатима улыбнулась: не дует ли она на холодную воду? Но тут же снова пасупилась, вспомнив про Самбосайта. А он-то почему заделался речником? И что означают эти гонки на моторных лодках: Закирьян туда, Самбосайт сюда?

Нет, во всем этом, как говорится, что-то есть. Дыма без огня

¹ Ку р а́ й — башкирский музыкальный инструмент вроде пастушеской свирели.

не бывает. Не исключено, что все это связано и с курткой, и с бревнами.

К кому обратиться? Кто поможет разобраться в происходящем?

— Фатима-апай! — окликнул ее мальчишечий голос.

Она обернулась.

— А, Юлай! Ну?

— Фатима-апай, надо поговорить.

— Говори.

— Я прошу освободить меня от капитанства.

— Это почему же?

— Ну какой я капитан...

— Не понимаю.

— Ну, не справляюсь я.

— Почему ты так думаешь?

— Да вот, бревна эти... И вообще...

— Что — бревна?

— Как — что? Я думал, вы уже выяснили...

— Я? — вырвалось у Фатимы, и она тут же пожалела об этом, потому что мальчик с сожалением посмотрел на нее.

Ей сразу стало понятно, что ребята тоже переживают случившееся и ждут ее слова, ждут, что скажет она, ждут, что она найдет выход, научит. И в самом деле, на кого же еще им надеяться: она ведь в их глазах единственный взрослый человек во всем отряде. Взрослый, конечно! Им нет дела до того, что она всего на каких-нибудь шесть лет старше их, что ей самой-то всего-навсего восемнадцать! Она ведь только в прошлом году окончила эту же тальгашлинскую школу, осталась в школе вожакой случайно, потому что уехать вместе с одноклассниками учиться в Уфу не удалось. Работа припала ей по душе, но в школе никогда не возникали такие вот странные и неожиданные вопросы.

Здесь хоть плачь, а решай, командуй, веди.

Отправляясь в поход, Фатима как-то не подумала над всем этим. Ну что ж, теперь отступать некуда.

— Я? — повторила она как ни в чем не бывало. — А вы? А ты? Ты ведь мужчина!

Это было первое, что пришло в голову.

— Не каждый мужчина может быть капитаном, — сказал Юлай.

Он вспомнил, как директор Рустам Мустафаевич, напутствуя

его, говорил: «Не тот капитан, кто силен, а тот, кто умен. Держись, Юлай, теперь ты и голова, ты и борода! В каждом деле опирайся на товарищей. Без них не сделаешь ничего!»

— А ты что думаешь — капитанами рождаются? — не сдавалась Фатима. — Капитаном стать надо! Воспитать себя капитаном! Понял?

Юлай упрямо мотнул головой.

Фатима тяжело вздохнула, подумав о том, что с ребятами разговаривать не так-то просто. Ей вдруг стало ясно, что никакие нотации и нравоучения, никакие разговоры о том, что не надо, мол, бояться трудностей и надо их преодолевать, не помогут.

Единственное, что могло спасти дело, — это честный и открытый разговор.

— Ты знаешь, Юлай, — неожиданно для самой себя сказала вожатая, — если правду говорить, то я и сама не знаю, что делать.

— Вы... не знаете?.. — Юлай посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

Она утвердительно кивнула головой.

Несколько минут они внимательно смотрели друг на друга.

Наконец Юлай сказал:

— Ну, если так, давайте посоветуемся.

— Давай, Юлайчик, — улыбнулась она.

Они сели на траву.

— Ну, прежде всего, — проговорил Юлай после паузы, — надо, наверно, усилить охрану.

— Чтобы было больше ночных часовых?

— Да. Сейчас их двое. Этого мало. Часовые должны видеть все, что творится вокруг.

— Сколько же надо часовых? — Фатима почувствовала, что нашла правильный тон разговора, и старалась повернуть дело так, будто Юлай все решает сам.

— Ну, я думаю, хотя бы не меньше шести: три поста по два человека.

— Но днем все они будут клевать носом!

— Ничего, пусть соблюдают тихий час. А то ведь никто не спит после обеда.

— Что ж, пожалуй, ты прав. Сегодня же отдам приказ по отряду. А ты молодец, Юлай. И зря говоришь, что не можешь быть капитаном. Да ты ведь стопроцентный капитан! Приказываю тебе оставаться на своем месте.

— Есть оставаться на месте! — ответил Юлай и зашагал к своей палатке.

По его походке Фатима поняла, что он приободрился после разговора. Это ее не могло не радовать.

Облегченно вздохнув, она обернулась лицом к реке.

Волны резвились, набегая на камни. Ветер гнал их к берегу, как стадо, они то терлись боками друг о друга, то мчались наперегонки, игриво посверкивая в лучах заходящего солнца, наращивая и сбрасывая кудрявые гребни пены.

Сколько энергии, какая неистребимая устремленность вперед, какое необузданное желание лететь куда угодно, лишь бы лететь, а не стоять на месте!

Ах, милые, дорогие мальчишки! Не так ли и вы стремитесь вперед и ввысь, чтобы не задержать роста, чтобы вырасти настоящими мужчинами!

Долго еще стояла Фатима на берегу Караидели.

Село солнце, сумеречно стало над рекой.

Но мысли Фатимы были теперь светлы.

ШИШКА НА ЛБУ

Бывают в жизни не то что тихие, а просто-напросто бесшумные люди. Порой даже не замечаешь, что такой человек находится рядом с тобою. Конечно, чаще встречаются такие среди взрослых. Но и среди детей тоже бывают.

Именно таков и был рыженький Шакир. Природа создала этого мальчика щедушным, худеньким, словно ей было мало его молчаливости и скромности.

Он никого не задира, не трогал и не обижал.

Но некоторые считали, что раз так, значит, Шакир трусишка и можно безнаказанно его задевать.

Когда Фатима отобрала на ночное дежурство шесть человек, среди них был и Шакир.

Ночь выдалась холодная, у Шакира почему-то не оказалось с собой никакой теплой одежды.

Мидхату стало жалко товарища, он вытащил из своего вещевого мешка серую куртку, которую нашел на острове, и предложил ее Шакиру.

Но Шакир молча покачал головой.

— Бери, как человеку говорю, а то замерзнешь!

Но Шакир снова отказался.

— Бери-и! — пробасил Мидхат. — Хватай!

И, скрутив куртку в комок, Мидхат швырнул ее Шакиру. В воздухе куртка развернулась и, упав на Шакира, накрыла его с головой. Шакир не сразу смог высвободиться из-под нее, путался, топтался на месте. Ребята расхохотались.

Это не на шутку рассердило Шакира.

В конце концов, содрав с себя куртку, он швырнул ее на Мидхата.

И вдруг Мидхат схватился за голову, запрыгал на одной ноге и завыл так, словно его ударили чем-то тяжелым.

— Э-э! — закричал он. — Так нечестно! Я в тебя курткой, а ты — камнем!

— Каким камнем? — растерялся Шакир.

Мидхат, не отнимая левой руки ото лба, правой принялся ощупывать куртку и, дойдя до рукава, воскликнул:

— Вот! Вот!.. Да это не камень, а нож! Когда только ты успел его туда сунуть?

Ребята в недоумении обступили Мидхата.

Ловко орудуя одной рукой, он вывернул левый рукав куртки наизнанку, и тогда все увидели, что серая куртка сшита особенным образом и внутри рукава ее есть узкий и длинный потайной карман, а из кармана этого торчит белая рукоятка ножа.

Только теперь Мидхат передал куртку ребятам. А сам принялся внимательно рассматривать нож.

— Охотничий!

— А футляр-то какой!

— Не футляр, а ножны.

— Ножны у сабли бывают, остряк!

— Глядите, глядите! — закричал Мидхат. — Здесь знаки какие-то!

И все увидели на белой рукоятке черные буквы «С» и «З».

— Ладно, пора на посты! — сказала Фатима, вышедшая из палатки. — Покажите-ка нож! А ты, Мидхат, пойдешь к Айгуль, она сделает тебе примочку.

— Зачем? — пытался сопротивляться Мидхат.

— Затем, что иначе я отправлю тебя спать.

Все посмотрели на Мидхата и увидели на лбу его изрядную шишку.

— Прости меня, Мидхат, я не хотел... — выдавил из себя молчаливый Шакир.

— Ты молодец,— сказал Мидхат.— Теперь у нас в руках важные улики. Может быть, они помогут нам раскрыть какую-то тайну!

Он произнес эти слова с такой серьезностью, что никто даже не засмеялся.

СНОВА СТАРИК

У Мидхата не осталось никаких сомнений по поводу того, что старик, которого он «засек» на другом берегу Караидели,— самый настоящий шпион и что именно он потерял эту куртку с ножом.

Подтверждением этой мысли Мидхата служило и то, что куртка была похожа на заграничную и под потертым воротником ее, с внутренней стороны, чернела шелковая этикетка с иностранной надписью. Правда, такие куртки носили и некоторые жители аула Тальгашлы, но Мидхат не желал принимать это во внимание. Очень уж подозрителен был старик.

Снова и снова ругал себя Мидхат за то, что в ту ночь, испугавшись холода и не решившись беспокоить часовых, упустил проклятого старика.

«С. З.». «Шпион заморский»! Эх, попадись он только! Нет, остался там, не попадется...

— Фатима-апай! — закричал Мидхат.

— Примочку сделал? А то разговаривать не буду! — улыбаясь, ответила вожатая.

— Сделал! Но у меня есть к вам разговор!

— Ну, давай.

И Мидхат рассказал Фатиме о старике.

Он думал, Фатима будет смеяться над ним, но она выслушала его очень серьезно.

— Завтра же утром сообщим куда следует и о пропавших бревнах, и о куртке с ножом, и о твоём подозрении.

— Но, Фатима-апай, этого мало! — горячо заговорил Мидхат.

— А что же еще?

— Отпустите меня сейчас на то место...

— Сейчас, на ночь глядя, отпустить тебя одного? Ни за что!

— Ну ладно, могу взять с собою кого-нибудь... — проговорил Мидхат.

— Нет и нет. И не вздумай самовольничать.

— А как же во время войны мальчишки в разведку ходили? — не унимался Мидхат. — Тут же рядом...

— Пионер Мидхат, прекрати разговоры и отправляйся на пост! Понял? Это приказ.

— Понял, — недовольно проворчал Мидхат и поплелся на берег, где его ждал напарник по наряду Шакир (остальные ребята тоже распределились по двое и стояли в разных местах вокруг походного лагеря).

Шакир снова начал было извиняться за шишку, которую он невольно посадил Мидхату на лоб.

Но Мидхат только отмахнулся от него.

— Хороший ты человек, Шакир, а тратишь слова на какую-то ерунду. Да и вообще, если уж на то пошло, так мы с тобой попросту квиты. Ведь и я тебе когда-то фонарь поставил.

— А верно, я и забыл! — весело рассмеялся Шакир.

И друзья наперебой принялись вспоминать историю своего знакомства.

Было это еще в третьем классе.

Шакир спокойно шел из школы домой, когда его обогнала группа девочек, за которыми гнался разбушевавшийся Мидхат. Шакир подставил Мидхату ножку, и тот растянулся у входа в клуб. Вскочив, он набросился на Шакира, который учился в параллельном классе, с кулаками и подбил ему глаз. Об этом-то «фонаре» Мидхат и вспомнил теперь. Мало того. Он повалил Шакира на землю и уселся на него. Но в этот момент что-то пискнуло в кармане у Шакира. Мидхат позабыл про свой гнев, когда узнал, что это самодельная гармошка и что Шакир умеет делать разные игрушки. С этого дня мальчишки стали друзьями. Мидхат не только сам не трогал Шакира, но даже вступался за него, когда кто-нибудь пытался напасть.

В отличие от Мидхата Шакир всегда готов был уступить товарищу лучшее место в кино или в палатке, старался всем помогать, даже если это было, как говорится, в ущерб ему самому.

Спросите, наверно, как же они могли подружиться и почему. Часто люди разных характеров очень нравятся друг другу.

Нравилось Мидхату прежде всего то, что Шакир готов был во всем пойти на уступки и даже выполнял все просьбы Мидхата, хотя тот высказывал их в форме приказаний.

Вот и сейчас Мидхат сказал:

— Шакир, в наряде из двух человек кто-то должен быть

старшим. Давай и мы выберем командира. Я — за меня. А ты за кого? Неужели за тебя?

— За тебя,— усмехнулся покладистый Шакир.— За себя голосовать как-то неудобно.

— Почему? Вот я же голосую.

— Так это ты.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ничего.

— Ну и молчи. Значит, командир я. Вот я и приказываю: спустись к воде и проверь, все ли там в порядке.

— А что там может быть не в порядке?

— Не спорить с командиром! Рядовой Шакир, выполняйте приказание! По возвращении — доложить!

— Есть! — откозырял Шакир и, легонько хлопнув Мидхата по шее, побежал к реке.

Оставшись один, Мидхат снова вспомнил о своем подозрении и мысленно ругал Фатиму за ее нерешительность.

Впрочем, долго размышлять Мидхату не пришлось.

Спустя всего несколько минут с того момента, как Шакир ушел вниз, Мидхат увидел его со всех ног мчащимся обратно.

— Что случилось? — строго спросил Мидхат, когда Шакир подбежал к нему; он готов был уже прочесть своему подчиненному нотацию за то, что он плохо выполняет его приказание.

Но то, что сказал Шакир, поразило его словно громом.

— Там... в палатке... старик...

Мидхат замер.

Сделав над собой усилие, взял себя в руки и проговорил:

— Шакир, я в курсе дела. Оставайся на посту, я сам сделаю все, что надо.

Шакир раскрыл рот от неожиданности.

— Вам ясно? — спросил Мидхат, довольный впечатлением, которое произвели его слова на Шакира.

— Ясно,— не без юмора сказал Шакир.

Мидхат повернулся через левое плечо и нарочито четким шагом направился к палатке Фатимы.

В первое мгновение он рассудил правильно: на этот раз надо во что бы то ни стало задержать старика, а так как ему, Мидхату, одному сделать это не удастся, необходимо разбудить Фатиму и ребят.

Но тут он вспомнил, что Фатима не хотела отпустить его, и

какое-то непонятное чувство противоречия заставило его отказаться от этой мысли и свернуть к берегу.

Приняв такое решение, он припустился бегом, но тут же упрекнул себя в том, что позабыл об осторожности, и перешел на шаг, а затем неслышно, по-кошачьи крадучись, принялся искать таинственного старика.

Не так-то просто было сделать это в темноте, но помог Мидхату голубоватый огонек, который слабо светил из палатки.

Старик там...

Но стоит ли приближаться? В самом деле, если старик шпион, то у него наверняка есть какое-нибудь оружие, и поэтому вряд ли Мидхат сможет его задержать. Не страх, а благоразумие подсказало ему, что он все-таки должен, даже обязан поступить именно так, как думал вначале.

Подбежав к палатке Фатимы, он с удивлением увидел вожатую возле своей палатки. Фатима была одета по форме, из-под плаща виден был пионерский галстук и белая кофточка.

Мидхат не сразу сообразил, что она собралась проверять посты или просто-напросто не успела еще лечь спать. В том, что вожатая была, как говорится, в «полном боевом» виде, усмотрел он нечто необъяснимое и загадочное. «Наверное, и она что-то знает», — подумал Мидхат.

Он коротко, по-военному, доложил ей о старике.

— Зови всех ребят, но только тихо! — приказала Фатима.

— Есть! — прошептал Мидхат и побежал выполнять приказание.

Ребята только недавно уснули и поднимались неохотно.

А Нафиса даже начала что-то кричать по поводу того, что нечего будить людей среди ночи. Мидхату с трудом удалось ее успокоить.

Наконец все разбуженные — двенадцать человек — выстроились и следом за вожатой и Мидхатом двинулись к реке.

— Надо окружить палатку старика, — взволнованно прошептал Фатиме Мидхат.

— Посмотрим, — стараясь казаться спокойной, ответила Фатима.

— Вон там... туда... — снова заговорил Мидхат, когда следопыты спустились к самой воде.

Но, вглядываясь в темноту, на этот раз не увидел Мидхат голубоватого огонька.

Старик снова исчез вместе со своей палаткой.

— Может быть, тебе показалось? — спросила Фатима.
— Да нет же, нет! — горячо уверял ее Мидхат. — Вот честное-честное! Своими глазами видел! И Шакир видел...

АКБЕРДЫ-АГАЙ

Весь отряд следопытов взбудоражила ночная тревога. Теперь все были уверены в серьезности происходящего.

Настроение у всех было озабоченное, настороженность чувствовалась во всем.

И только по прибытии в аул Старый Янсаит ребята немного отвлеклись, рассеялись.

Аул был красивый, живописный. Лучшие дома свои он выставил как бы напоказ на правый берег Караидели, а остальные словно припрятал в глубокой ложине, разделявшей два горных кряжа. Главная улица аула начиналась прямо у берега, а конец ее виден был только из центра Старого Янсаита.

На этой улице жил брат сказительницы Минзифы, знаменитый в Башкирии народный певец сэсэн Акберды.

К нему поспешили со своими тетрадками юные следопыты. Акберды оказался гораздо приветливее своей суровой сестры.

Едва они вошли, он попросил жену поставить самовар и, пока закипит чай, угостить ребят айраном — напитком из кислого молока, особенно вкусным и желанным во время летней жары. Если айран немного посолить, он не только утоляет жажду, но и как бы возвращает силы усталому путнику, придает бодрости.

Нельзя сказать, что наши путешественники с утра очень уж утомились. Несмотря на то что настроение у них было не очень хорошее да к тому же многие не выспались, айран пришелся всем по душе. Мальчики и девочки развеселились. Приятно было и то, что айраном угощал сам хозяин.

— Где айран, там и байрам!¹ — заулыбался сэсэн, радостно и ласково глядя на ребят. — А где байрам, там и песня.

— Спойте, Акберды-агай, спойте, пожалуйста! — стали просить ребята.

— Спеть — это можно, — согласился сэсэн, — только сперва расскажите-ка мне, куда путь держите, куда вас дорога ведет?

¹ Б а й р а м — праздник.

Вскочил Иршат и продекламировал свои стихи:

Перед нами путь далеко —
И на юг, и на восток,
По горам и по лесам,
По высоким берегам!

Акберды погладил его по голове и сказал:

— Молодец, сынок! Кто знает, может, и ты сэсэном станешь!

— Как же, станет! — насмешливо произнес Мидхат, который терпеть не мог, когда хвалили не его, а кого-нибудь другого. — Когда будет ему столько лет, сколько вам!

Сэсэн нахмурился. Видно было, что слова Мидхата ему не понравились.

— Не надо так говорить, не надо так шутить! — проговорил он. — Кто старается, тот добьется. Вот ведь и у тебя, мальчик, есть, наверно, желание заветное. Оно исполнится, обязательно исполнится, если будешь настойчив. А если кто-нибудь над тобой смеяться вздумает, будет неправ.

Мидхат покраснел.

Все подумали, что сэсэн смутил его своим назиданием. Но нет, Мидхат вспомнил старика в палатке. Впрочем, теперь этот старик не выходил у него из головы. Выслушав сэсэна, Мидхат дал себе слово во что бы то ни стало поймать шпиона.

— Кто смел, тот все пути пройдет, — продолжал между тем Акберды, — кто весел, одолеет горы высокие, кто душою батыр, тому лес дремучий откроется, кто джигит, тот оседлает реку быстро!

Мидхат слушал сэсэна, и ему хотелось стать вот таким смелым батыром и веселым джигитом.

— Акберды-агай, а почему реку нашу назвали «Караидель»? — спросила Фатима.

— Эге-ге, девушка, скажу-отвечу, отвечу-скажу! — улыбнулся сэсэн. — Сперва она «Карайгир» называлась — «Конь Вороной». Еще бы! Как скачет, как рвется, как прыгает! Э! Жеребец необузданный, пена у рта!.. Эх, помогите-ка старику подняться! Провожу-ка я вас до берега, полюбуюсь Конем Вороным, глаза старые утешу, уши старые развешу!

Вместе со следопытами вышел Акберды из своего дома и спустился к реке. Ребята шли медленно, иначе сэсэну не угнаться бы за ними. Фатима и Иршат поддерживали старого певца под руки.

Став над водою, облегченно вздохнул сэсэн, в глазах его зажглись молодые искры, простер он жилистую руку вперед и заговорил торжественно, проникновенно:

— Говорили в старину, сказывали деды и прадеды... Жил некогда в верховьях реки нашей батыр, бесстрашный Айсувак. И был у батыра Айсувака конь — всем коням конь, из той же породы, что самый лучший конь, из того же табуна, что белый конь Акбузат. Только не белый он был, а черный, вороной. Объехал Айсувак на коне вороном все земли, все страны, все края и государства, все пределы и царства. Всюду-повсюду встречали его салямом друзья, всюду-повсюду завистью черной недруги провожали. Ой, хорош был конь у батыра Айсувака! Трудно было не позавидовать. Больше всех завидовал хан Залихан. Как-то раз воротился батыр на родину, лег отдыхать, а коня своего в пещере каменной спрятал. Проснулся, видит — связан. А вокруг ханские слуги бегают, хана Залихана прислужники. Коня ищут. Вот и в пещеру заглянули, коня увидели, от радости визжат, как телята, скачут, хохочут. Взяли коня, думают. Да не тут-то было! Только вывели инокходца из пещеры, а он во всю силу задними ногами уперся да как прыгнет вперед, так от него слуги ханские и посыпались, как горох из мешка. А он как ударит с размаху ногами передними оземь, так сразу два ключа и забило. Полетел, помчался конь батырский по горам, по долинам, по лесам, по равнинам, то вправо скакнет, то влево забежит, то на север махнет, то на юг уйдет. И где ни пройдет, где ни ударит копытом, там родники появляются. Много-премного их стало. Соединились они в реку. Вот и называли ее «Конь Вороной», по-нашему — «Карайгир».

Умолк старый сказочник. А ребята молча смотрели на волны реки, и чудился им Конь Вороной, могучий и стремительный, холеный, так и лоснящийся на солнце. Это искрилась на солнце Карайдель. Это играли и пенились волны. Это набирали они высоту, чтобы тут же упасть вниз и исчезнуть, а в следующее мгновение снова появиться.

Фатима слушала затаив дыхание.

Конь-река, Карайгир! Нет покоя тебе, и не ищешь ты тишины. Бурлишь и скачешь днем и ночью, ночью и днем, унося все, что встречается на пути.

— Как живая она, река, — продолжал сэсэн. — Сперва родник, ручеек, потом, глядишь, два, потом один из двух, потом один из четырех, и пошло, пошло, поехало, поплыло, полетело,

забурлило, загремело... Эх, река, река, велика твоя рука, а дорога далека, а жизнь не легка!.. Слышите, как шумит?..

Ребята вслушались в шум реки. Сквозь него явственно проступало тарактение моторки.

Спустя несколько секунд у берега показался Самбосаит. Одет он был в тренировочный костюм, который плотно облегал его могучую фигуру с огромными бицепсами и широченными плечами, а на голове его был на этот раз вместо белой фуражки кожаный шлем.

— Привет, пионеры! — весело прокричал Самбосаит. — Как живете?

— Спасибо, хорошо! А вы? Не в Тальгашлы ли побывали?

— Да, и там тоже был. А вы тут двух рыбаков не видели?

— Нет. А каких?

— Н-ну, таких... — Самбосаит неопределенно повертел рукой в воздухе. — Один высокий, худой, другой маленький, полный. Как Дон Кихот и Санчо Панса.

— Нет, таких не видели, — ответила за всех Фатима.

— Тогда пока! — И Самбосаит помчался дальше.

— Так вы, значит, из Тальгашлы, — сказал Акберды. — Знаю, знаю такой аул. И наши янсаитцы, и ваши тальгашлинцы от одного и того же племени произошли — от племени кудей. Значит, мы с вами родственники. Вот ведь как! А вы-то, наверно, и не слышали слова такого «кудей»? А?

— Слышать-то слышали, — ответил Юлай, — да что это такое, не знаем.

— Э-э, плохо! Свое племя знать надо! Тем более, что племя-то знаменитое! Башкирские полки даже у Кутузова были, до Парижа дошли, за храбрость медалей заслужили и крестов великое множество! А эскадрон сотника Янтура? Весь тоже из нашего племени состоял, кудей к кудею, башкир к башкиру, все молодцы, как на подбор! А вы не знаете! Каждый башкир, по древнему обычаю, свою родословную не меньше семи колен знать должен!

— А откуда нам знать? — не выдержал Мидхат, который очень не любил, когда его поучали.

— Откуда? А вот откуда. Вы сейчас в сторону Уфы направляетесь, да? Очень хорошо. На вашем пути Тавлыяр будет. Там аксакал Исангул живет, ему, поди, сто лет будет. Старший он в роде кудей. Вот у него грамота родословная — шежере — и хранится. Он-то вам все про все и расскажет и покажет.

— Обязательно его отыщем! — сказала Фатима. — Но, честно

говоря, нас больше интересуют рассказы о гражданской войне, о красных партизанах.

— Эге-ге! Так у Исангула и это все есть! Есть у него, например, указ красного генерала Блюхера.

— Указ? А о чем? — спросила Фатима.

— Это дело длинное, — покачал головою Акберды, — но, помнится, что-то там про мальчика из аула Атлыкай. Мальчик тот в штабе у Блюхера служил. В разведку ходил. Расстреляли его белые. Косточки его в земле башкирской лежат. Расстреляли мальчика, понимаете или нет?

— А как его звали, не помните, Акберды-агай?

— Как звали, не помню, знаю только, что из аула он Атлыкай. А отец его был Югерек Сайфулла. Про Сайфулла тоже в шежере написано. Будете у аксакала Исангула, все там прочитаете.

— Спасибо! — поблагодарила Фатима.

— А вы ведь спеть обещали, Акберды-агай! — напонила Нафиса.

— Ай-вай-вай! Как же это я забыл! Родственников обманул! — пошутил старик.

Он готов был петь, но Фатима заметила, что старик устал, сделала ребятам знак, и они вежливо сказали, что послушают пение Акберды-агая на обратном пути. Отвели сэсэна домой и, вернувшись на пристань, снова спустили свои лодки на воду.

РЫБАКИ

Вскоре были наши путешественники уже у того места, где впадает в Караидель небольшая река Айдос. Отметили ее на своей маршрутной карте. Определили, что скоро будет и пристань Айдос.

Когда к вечеру расположились на привал, Иршат вспомнил, что в этот день должны были звонить в свою школу, в Тальгашлы.

— Ничего, раз забыли, письма напишем, — сказала Фатима.

Письма... Стоило только произнести это слово, как все начали писать да строчить, ведь впечатлений у каждого оказалось предостаточно. Девочки даже разукрасили конверты разными узорами и цветами.

Иршату тоже захотелось написать маме и сестренке Гуль-

нур. Он пошел на берег, удобно пристроился там на валуне и углубился в письмо.

«Дорогая мамочка!» — начал он, но показалось, что нужно еще какое-то слово, более нежное и более выразительное. И между этими двумя словами вставил он «любимая». Получилось: «Дорогая, любимая мамочка!» Дальше надо было обратиться к Гульнур. Иршат с тоскою думал о сестренке, которую не видел вот уже сколько дней. Но называть девочку ласковыми именами, ему казалось, было неприлично. И он написал просто: «Гульнур!» Получилось: «Дорогая, любимая мамочка! Гульнур!» Потом по традиции, которой придерживаются почти все пишущие письма, надо было хотя бы несколько слов посвятить описанию пейзажа тех мест, где находишься. Иршат написал: «Привет вам с прекрасных берегов Караидели». Чтобы не беспокоились, сообщил: «Я и все остальные ребята живы, здоровы, хорошо загорели, видели много интересного». Не зная, что писать еще, добавил: «Приеду — расскажу все подробно».

Хотел было на этом кончить, но ведь говорят, что аппетит приходит во время еды, а вдохновение — во время сочинения.

Дальше Иршат писал быстрее, стараясь только не забыть все, что нахлынуло.

«Как вы там живете? Что делает Гульнур? Не истрепались ли ее куклы? А то деньги, которые ты, мамочка, мне дала с собой, расходовать некуда, и я собираюсь купить Гульнур новую куклу. Это когда приедем в Уфу.

Я постараюсь писать тебе чаще.

Мамочка, я всю дорогу думаю — хорошо, что ты разрешила мне пойти с ребятами. Здесь очень интересно, мне так никогда в жизни еще не было хорошо. Крепко-крепко тебя целую!

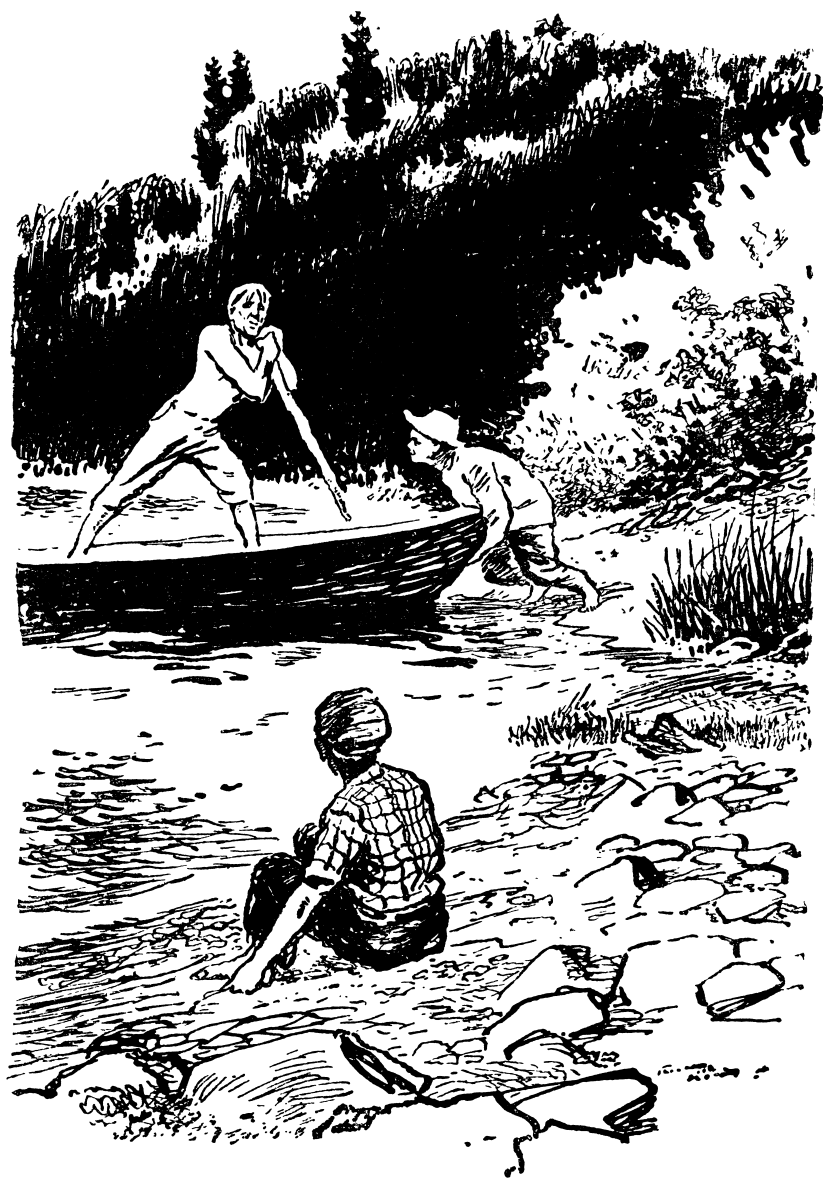
Твой сын Иршат».

Иршат перечитал написанное. Все ему понравилось, даже слезы навернулись на глаза.

Он явственно представил себе, как мама получит это письмо, с какой радостью прочтет его Гульнур. Как сестренка захлопает в ладоши, когда узнает, какие подарки он ей «отвалил». Как мама скажет: «Вот видишь, доченька, какой стал наш Иршат. Он теперь совсем взрослый. Он у нас вместо отца».

Иршат так увлекся своей фантазией, что не заметил, как подошли к нему два человека и остановились возле него.

— Эй, парень! — сказал один из них, и Иршат вздрогнул от неожиданности.

Подняв голову, он увидел двух рыбаков. «Дон Кихот и Санчо Панса», — вспомнились слова Самбосаита. Это их он ищет, конечно! Один высокий, другой низкий.

— Ты не видел здесь человека в моторке? — продолжал один из рыбаков, тот, который высокий.

— Саитова? — осведомился Иршат. — Как же, видел. Только не здесь, а в Старом Янсаите. Часа три назад.

Рыбаки переглянулись.

— Самбосаит уехал в Янсаит, — срифмовал толстяк.

— Да не в Янсаит он уехал, — рассмеялся Иршат, — а вон туда. Он вас тоже ищет.

— Нас?.. Ищет? — проговорил длинный рыбак.

— Ну да. Он нас еще спрашивал, не видели ли мы каких-то людей — один такой... ну, как вы... а второй... ну, ну такой, как вы...

Теперь рассмеялись рыбаки.

— Спасибо, малый! На тебе за это леца! — И, вытащив из сумки довольно большую рыбину, длинный швырнул ее к ногам Иршата.

Рыба была еще живая и от удара вздрогнула, ударила хвостом по валуну, но снова затихла.

— Спасибо, — сказал Иршат, — но только не надо, у нас ведь целый отряд. Если разделить на всех, получится по грамму на нос.

— Ха-ха-ха! — расхохотался толстяк. — Зачем же делить? Рубай сам, и точка.

— Но-но! — поднял палец длинный. — Он ведь пионер. А пионеры все делят. Верно?

— Верно, — согласился Иршат.

— Ну ладно, на тебе еще, это от меня, — сказал толстяк и положил рядом с лецом огромную щуку. — Теперь ушица на всех будет.

— Спасибо, агай! — обрадовался Иршат. — Может, и вы с нами пообедаете?

— Э, нет, добрая душа! Нам пора.

И, внезапно оборвав приятный разговор, рыбаки, почему-то даже не попрощавшись с Иршатом, быстрым шагом пошли прочь и скрылись в кустах.

Иршату не хотелось уходить с берега, хотя он предвкушал радость, которую испытает, когда ребята увидят такую щучину и вдобавок леца. Рассматривая рыбин, он сравнил их с ры-

баками: огромная щука была похожа на длинного, а широкий и короткий лец — на маленького толстяка. Ему стало смешно.

Тарахтение моторки оторвало его от этих мыслей. В моторке сидел Самбосаит. Теперь он был не один. Вместе с ним были двое в военной форме.

Они хотели протарахтеть мимо Иршата, но он закричал:

— Заки-агай! Сюда-а!

Самбосаит услышал его и подплыл к берегу.

— Ты чего?

— Вы искали рыбаков, они только что здесь прошли, вот, рыбы мне дали.

— Куда пошли? — коротко спросил Самбосаит, и в голосе его Иршат уловил тревогу.

Иршат показал.

Самбосаит выскочил из лодки. Военные — за ним. И все трое помчались бегом туда, где недавно скрылись рыбаки.

«Так они, пожалуй, ловят этих рыбаков! — мелькнуло в голове у Иршата. — Эти рыбаки, наверно, браконьеры... А почему Самбосаит ловит браконьеров? Он же спортсмен...»

В следующее мгновение из кустов, тяжело дыша, выскочили рыбаки.

Со всего маху швырнули они свои сумки Иршату:

— На... еще... пионер...

Иршат не успел опомниться, как они сели в моторку Самбосаита, включили мотор и дали полную скорость.

Теперь Иршату стало ясно все.

Он забегал по берегу взад и вперед, не зная, что делать.

Наконец сообразил: надо немедленно найти Самбосаита. Бросился в кусты, но там не было никого.

ЛИВЕНЬ

Ночь прошла, как все предыдущие ночи, на каменистом берегу Караидели, между русской деревней Одино и аулом Чебыково. Еще с вечера надвинулись на берега Караидели тяжелые черные тучи, а к утру закрыли они все небо.

— Сейчас бабахнет, — сказал Мидхат.

Фатиме хотелось, чтобы ребята закалялись в походе, привыкали к трудностям. Поэтому сперва она решила, несмотря на

надвигающийся ливень, плыть дальше; можно ведь, в конце концов, в случае дождя поднять над лодками навес из брезента, для которого сделаны были на каждой лодке специальные крепления.

Но потом вожатая поняла, что невозможно плыть под брезентом, ничего не видя вокруг, а из-за узкого русла реки почти у самой воды начинались отвесные скалы, причаливать в этих местах опасно.

Она еще раз глянула на скалы, которые высились над широкой рекою, словно батыры, готовые устоять под любым ударом даже самого могущественного врага. Ели и сосны, пустившие корни в эти скалы, напоминали огромных сказочных птиц, готовых вот-вот броситься в воду и нырять до самого дна.

Но ведь люди и особенно дети — это не деревья и не скалы.

Дождь хлынул проливной, крупные, казалось величиной с орех, капли полетели шрапнелью на землю и воду. И сразу побежали меж камней ручейки и ручьи.

Фатима очнулась от своих раздумий и дала команду немедленно вытащить вещи из лодок.

Полоска земли между скалами и рекой шириной всего в каких-нибудь два метра была явно непригодна для стоянки: ее в любую минуту могло залить дождем или захлестнуть волной.

Чтобы выбрать место пошире, надо было подняться выше.

Вожатая лишний раз убедилась, что, когда имеешь дело с детьми, надо прежде всего думать об их здоровье, а уж потом обо всем остальном.

К счастью, ливень начал утихать.

Воспользовавшись этим, ребята разобрали вещи в лодке и, карабкаясь по уступам, полезли в гору. Одолеть крутую гору было нелегко, ребята чуть ли не на каждом шагу оступались и сползали вниз. Но в конце концов все же выкарабкались.

Чем выше поднимался отряд, тем сильнее ощущался ветер. Холодный, злой. Подъем казался все труднее: давала себя знать усталость.

Темные, почти черные облака подступили прямо к вершине, покрыли ее, словно огромная папаха.

Но вот Фатима увидела, что на месте стыка двух скал есть некое подобие ровной площадки.

Деревья стояли насторожившись, высоченные сочные травы колыхались под ветром.

— Здесь остановимся, ребята,— сказала вожатая, сделав знак вернуться ретивым альпинистам, успевшим вырваться вперед.

Она была удивлена, увидев, что ребята буквально за две-три минуты, с расторопностью и ловкостью заправских путешественников, расставили палатки, быстро втащили в них вещи и спрятались сами.

Один только Мидхат продолжал бродить по поляне, к чему-то присматриваясь.

— Ты что ищешь? — спросила Фатима.

— Где-то здесь я видел палатку,— ответил Мидхат.— Да вот никак не найду, потерял...

— Давай поищем вместе,— предложила Фатима.

Мидхату было приятно, что вожатая обращается к нему, как к равному.

Он принялся старательно осматривать все кусты.

Снова усилился дождь, но Мидхат словно не замечал его. Фатима шла за ним, и это тоже поднимало его в собственных глазах.

Однако палатка словно исчезла. Ее все не было и не было видно. Решили возвратиться к ребятам, немного передохнуть и обсохнуть, а потом снова продолжить поиски.

Мидхат разогнался, чтобы сбежать с горы, но вдруг споткнулся и упал. Фатима подбежала к нему, чтобы помочь подняться, но Мидхат поднялся сам и сказал:

— Вот с этой ямой рядом и стояла палатка! Я точно помню!

— Какая яма? — удивилась Фатима, которой казалось, что Мидхат лежит на ровном месте.

Но Мидхат встал, и она увидела в земле небольшое углубление.

Однако палатки поблизости не было.

— Пошли! — улыбнулась Фатима, как показалось Мидхату, иронически.

И вдруг, раздвинув ветви кустарника, она увидела палатку.

Взяла Мидхата за руку, и они вошли.

В палатке, на складном полотняном стульчике, сидел тот самый старик с клинообразной бородкой, которого Мидхат дважды упустил.

— Здравствуйте,— сказала Фатима.— Извините, что зашли без приглашения.

Мидхат посмотрел на нее вытаращенными глазами.

— Здравствуйте,— спокойно ответил старик.— Располагайтесь.

Собрав с подстилки какие-то мелкие предметы и колесики, он сложил их в темно-красную лакированную шкатулку.

— Мне сейчас надо уйти, оставайтесь, если хотите, но ничего здесь не трогайте. И дождитесь меня.

Мысли лихорадочно прыгали в голове Мидхата, пока он не услышал слово «уйти».

— Постойте! — закричал он не своим голосом.— Куда же это вы?..

Старик даже не повернул головы в его сторону и вышел.

— Это он, он!.. — зашептал Мидхат.— Скорее за ним, Фатима! Потом будет поздно, поздно!..

И он рванулся к выходу, Фатима — за ним.

Где-то рядом шевельнулись кусты, и старик исчез.

ЯЩИК С МИНЕРАЛАМИ

Когда дождь кончился, ребята увидели, что в суматохе кое-что из вещей все же осталось в лодках.

Иршат, Шакир и Юлай снова спустились на берег.

Юлай и Шакир потащили тяжелый ящик с коллекциями камней, которые следопыты собирали все время. Иршат — две связанные веревкой плащ-палатки.

Немного поднявшись в гору, Юлай заметил, что попали они на этот раз на какую-то другую тропу. Это его не смутило, потому что заблудиться на одной и той же горе было довольно трудно. Но неожиданно путь преградило глубокое ущелье.

— Остановились! — сказал Юлай.

Ящик с камнями поставили на землю.

Иршат перевел дыхание и огляделся.

— Как же пройти? — растерянно проговорил он.

— Вы тут отдохните,— предложил Иршат,— а я пойду на разведку.

— Давай,— кивнул Юлай.

Юлай и Шакир уселись на ящик, а Иршат убежал.

Его не было минут пятнадцать, но вот он появился, хлопая себя по коленям и громко крича:

— Ура! Разведка! Нашел! Мостки! Вперед! Ура! Тарара!

— Это называется болтовня,— проворчал Юлай.

— Давайте я теперь понесу ящик! — сказал Иршат, подбежав к друзьям.

— Не надо, — отмахнулся Юлай, вставая и берясь за ящик двумя руками.

Иршат дал щелчок Шакиру и, едва тот поднялся, подхватил ящик с другой стороны.

— А ты плащ-палатки возьми, — сказал он Шакиру.

Тихий Шакир спорить не стал.

— Не сюда! Сюда, сюда!.. — указывал дорогу Иршат, и вскоре ребята оказались рядом с мостками.

Мостки были, как говорится, «не очень».

Две довольно тонкие кривые жердочки не внушали доверия. Пройти по ним с тяжелым ящиком казалось опасным — можно было свалиться в ущелье.

— Давай перебросим ящик на ту сторону, а потом пройдем сами, — предложил Иршат.

Юлай покачал головой:

— Как же ты перебросишь такую тяжесть?

— Не перебросишь. Лучше на плащ-палатках перетащим, — подал голос тихий Шакир.

— Вот это можно! — обрадовался Юлай. Но тут же усомнился: — А не лучше ли вернуться к берегу и найти ту тропинку, по которой поднимался отряд?

— Еще чего! — закричал Иршат. — Капитан, а хочешь отступать! Только вперед! Разворачивай плащ-палатки, Шакир!

Не прошло и нескольких минут, как ящик был привязан шнурками к плащ-палатке, а вторая палатка была положена снизу — для прочности.

Иршат ловко прошел по мосткам на противоположную сторону ущелья, таща за собою за край плащ-палатки весь этот груз. Юлай осторожно ступал за ящиком, придерживая его.

— Тэ-эк, тэ-эк, хорошо! — побрякивал Иршат.

Тихоня Шакир стоял в стороне, с волнением наблюдая за происходящим.

— Переход Суворова через Альпы! Героический переход! — крикнул Иршат.

Юлай готов был отругать его — ведь ему не так-то легко было балансировать по жердочкам, удерживая в равновесии себя и груз, а этот Иршат только и знает что болтать...

— Великий канатоходец Юлай! — продолжал между тем зубоскалить Иршат.

— Перестань болтать! — проворчал Юлай, весь раскрасневшийся от натуги.

Но утихомирить Иршата было не так-то просто.

В один прекрасный момент он, совершенно позабыв об опасности, резко дернул плащ-палатку на себя, и ящик, несмотря на все старания Юлая, покачнулся и с грохотом полетел на дно ущелья. Хорошо еще, что мальчики догадались выпустить из рук концы плащ-палатки, иначе могло бы случиться несчастье — тяжелый ящик утащил бы их вниз.

Юлай сделал прыжок и оказался рядом с Иршатом.

— Эх, ты!.. — сердито проговорил он. — Не был бы я капитаном, съездил бы тебе сейчас по шее!

Иршат потушился.

Подняв плащ-палатки, которые повисли на мостках, Шакир присоединился к товарищам.

— Ладно тебе, Юлайка, — сказал он. — Не нападай на человека: с каждым может случиться...

— Защитник нашелся! — недовольно бросил Юлай.

Вернувшись в отряд, он хотел доложить о случившемся Фатиме, а ее не оказалось на месте.

Но вот она появилась, а рядом шел Мидхат.

— Скорее, скорее! Всех сюда! — коротко распорядилась вожатая.

По ее виду нетрудно было догадаться, что случилось что-то серьезное.

Юлай выстроил отряд, отдал рапорт:

— Товарищ старшая вожатая! Отряд красных следопытов по вашему приказанию выстроен!

— Товарищи пионеры! — сказала Фатима. — Необходимо найти пожилого человека с бородкой клином. Дежурные по лагерю остаются на местах, Мидхат — ко мне! Остальные — враспынную!

Мальчишкам и девчонкам словно только этого и надо было. Не прошло и минуты, как лагерь опустел. Остались только дежурные.

— Бежим! — сказала Фатима Мидхату.

— Сквозь землю провалился! — кричал Мидхат на бегу.

ШПИОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Вожатая с Мидхатом вернулись к палатке старика и вошли в нее.

Фатима наклонилась и подняла с пола какой-то предмет и протянула Мидхату.

Это были часы, старинные карманные часы, на циферблате которых каллиграфическим почерком было написано: «Павел Буре».

Мидхат в недоумении посмотрел на вожатую.

— Прочти надпись на крышке,— сказала Фатима.

Мидхат перевернул часы и вздрогнул: на крышке значилась монограмма: «С. З.».

Сомнений больше не было: старик — шпион! И куртка тоже его. И он, Мидхат, трижды повинен в том, что шпион до сих пор не пойман!..

— Возьми себя в руки,— сказала Фатима.— Нам надо тщательно все осмотреть и оставить в таком же положении, как сейчас.

Мидхат хотел было положить часы, но тут же отпрянул: зашумев всю палатку, прогремел мужской голос:

— Зинат-агай, это я! Ты слушаешь?

Мидхат готов был вскрикнуть, но Фатима приложила палец к губам, и крик словно застрял у него в горле.

— Зи-и-нат-агай! — снова заговорил голос, на этот раз показавшийся Мидхату знакомым.

Голос немного дребезжал, точно шел из репродуктора. Да это же радиоприемник! Вернее — приемо-передатчик...

— Его нет на месте,— сказал голос, затем раздался щелчок, и стало тихо.

Мидхат покрутил какую-то ручку.

— Зачем ты это делаешь? — испуганно прошептала Фатима.

— Теперь можете говорить громко,— успокоил ее Мидхат.— Я выключил систему.

— Ах да,— улыбнулась Фатима,— я ведь совсем забыла, что ты у нас главный радиолюбитель.

— Рация — основная часть любого шпионского снаряжения,— с видом знатока заявил Мидхат.

Фатима думала о том, что будет, если шпион сейчас вернется сюда. Поймать его не удастся, зато он может открыть стрельбу или... Не под силу схватить его и ребятам, которые остались в

лагере. И зачем только она посылала их на поиски! Нет, она просто-напросто растерялась. Но что же делать?..

— Мидхат,— спросила она, радуясь неожиданно пришедшей в голову идее,— а ты сумеешь наладить связь с... ну, с нашими... с Уфой, что ли?..

— Конечно.

— Тогда давай срочно сообщим, что здесь этот... старик...

Мидхат включил рацию. Но она была какой-то особой, не известной ему системы.

Вдруг тот же мужской голос, что и раньше, снова появился в эфире:

— Зинат-агай, что с тобой, почему не отвечаешь? Алло!

Пауза. И снова щелчок. Мидхат снова выключил систему.

— Как быть, не знаю,— развел он руками.— Видите, его ищут. Если я включусь, мы обнаружим себя.

— Тогда берем рацию с собой и уходим,— приняла решение Фатима.

Но Мидхату, который был не только радиолюбителем, но и вообще любителем всяких механизмов, не хотелось уходить. Среди вещей старика увидел он музыкальную шкатулку. Не стоило большого труда привести ее в действие, и зазвенела в палатке негромкая музыка.

Фатима тоже заслушалась, забыв об опасности.

Когда завод кончился и латунный диск с нанесенными на него точками и черточками остановился, откуда-то сбоку выскочили из музыкальной шкатулки три маленьких скрипача — изящно сделанные куколки — и смычками ударили по скрипкам. Подумать только, куклы играли на скрипках, да не так, как обычные заводные игрушки, — они исполняли какую-то очень приятную мелодию!

— Нет, не может быть, чтобы это была просто игрушка,— задумчиво произнес Мидхат, когда они вышли из палатки.— Не иначе, как в этой шкатулке что-то спрятано.

— А ты не заметил — там еще всякие барометры, старинные часы,— сказала Фатима.

— Заметил! И шагомер, логарифмические линейки, даже круговая есть. Этот старик — образованный шпион. И поэтому он особенно опасен.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Часа два спустя отряд снова был в сборе.

Ребята обследовали не только ту гору, на которой расположился лагерь, но и две соседние горы, и прибрежную полосу, и даже ближайший лесок. Однако старика не нашли.

Вожатая отправила всех отдыхать, а Мидхата снова оставила с собой.

Подошел Юлай и доложил о происшествии с ящиком.

В другое время это было бы событием, а сейчас, на фоне бегства старика и других таинственных неожиданностей, казалось мелочью.

Юлай был приятно удивлен, когда Фатима, вместо того что бы читать ему нотацию, махнула рукой.

Зато Мидхат забеспокоился:

— Так ведь в том ящике... куртка... — сказал он.

— Серая куртка? — нахмурилась Фатима.

— Ну да!

Юлай потупился.

Но вожатая все равно не стала его ругать, а отпустила.

Когда он ушел, сказала:

— Нет, что-то не ладится наш поход.

— Куртка — важное вещественное доказательство! — подхватил Мидхат. Но тут же добавил: — Хотя нож-то остался у меня, а инициалы «С» и «З» как раз на нем, а не на куртке!

— А ну-ка, тащи его сюда! — повеселела Фатима.

Мидхат бегом помчался в свою палатку и вернулся с ножом.

Фатима спрятала нож в свой вещевой мешок, потом сказала:

— Надо бы в милицию сообщить.

— Я пойду! — вызвался Мидхат.

— Пойдешь? Тут не идти надо, а плыть. Могу ли я отпустить тебя одного? Нет, пожалуй, не могу.

— Да что вы, Фатима-апай! — обиделся Мидхат. — Что я, маленький, что ли!

— А если на тебя нападут? У меня такое впечатление, будто мы угодили в какую-то ловушку.

— А как же на фронте? — не унимался Мидхат.

— Что — на фронте?

— Ну, ребята участвовали ведь в войне! И еще как!

— Ну ладно, — сказала наконец Фатима. — Пойдешь. Но только не один, а вместе с Иршатом, он будет старшим.

— Да я бы и один справился...—пробовал возражать Мидхат.

— Нет,— отрезала Фатима.

Мидхат понял, что спорить бесполезно, и побежал будить Иршата. Иршат не спал. Его очень огорчила история с ящиком.

Приход Мидхата и ответственное задание Фатимы его обрадовали. Больше того: вожатая назначила его старшим,— значит, несмотря на историю с ящиком, она по-прежнему относится к нему хорошо.

Мидхат был немного расстроен, что старший не он, а Иршат. Но что поделаешь — Иршат не Шакир и с Фатимой не очень-то поспоришь.

Мальчики сели в лодку и отчалили от берега.

Стоя на прибрежной скале, Фатима махала им рукой. Когда лодка скрылась из виду, она медленно пошла по направлению к лагерю.

Ей захотелось немного отвлечься от стремительных событий последних дней. Она сорвала несколько горных цветов, потом еще и еще. Получился букет. Не заметила, как свернула с тропы и очутилась среди густого кустарника.

— Эй, девушка! — неожиданно услышала она.

Подняла голову. Никого. Но вот кусты зашевелились, и буквально в каком-нибудь метре от вожатой появился бакенщик Закирьян.

— Здравствуй! — весело воскликнул он.

— Здравствуйте,— ответила Фатима.

— Ну, как дела?

— Хорошо,— рассеянно проговорила Фатима, не без тревоги думая о том, почему этот седой, старый человек идет по пятам отряда и хорошо ли, что она встретила его в таком глухом месте.

Но Закирьян вроде бы не собирался причинять ей зло.

Весь вид его говорил о том, что он человек доброжелательный, мягкий и готов помочь вожатой, если только она этого пожелает.

И все же не покидала Фатиму настороженность, навеянная странными и загадочными событиями последних дней.

Неожиданно пришла в голову мысль: а что, если проверить Закирьяна?

— Закирьян-агай,— проговорила она вежливо и даже приветливо,— у нас тут несчастье случилось!

— Несчастье? — переспросил бакенщик.

— Ну да. Ящик с коллекциями угодил на дно ущелья.

— Ну? — улыбнулся Закирьян и зевнул.

— А в ящике этом,— продолжала Фатима, внимательно наблюдая за ним,— лежала куртка, которую мы нашли на острове.

— Куртка? — снова переспросил бакенщик.

— Куртка — за-гра-нич-на-я! Импортная, понимаете?

— Да-а,— сочувственно протянул Закирьян,— дорогая вещь! Надо делать что-то...

— Что же тут сделаешь? — улыбнулась Фатима. — Кто же это осмелится спуститься в ущелье? Для этого надо быть таким смелым и ловким... Это ведь все равно что по канату ходить!..

Она сама себе удивлялась: откуда только берутся у нее слова, которые так и подзуживают бакенщика.

— Хе! — сморщил нос Закирьян. — Это тебе кажется, девушка. Я, например, с детства тут по горам и ущельям лазаю, так что...

— Да что вы! — изобразила удивление Фатима, которой хотелось, чтобы бакенщик полез в ущелье и тем самым показал, что он имеет прямое и непосредственное отношение к куртке.

Вместо ответа Закирьян достал из своего мешка длинный канат и направился к краю ущелья.

Фатима машинально пошла за ним.

Она невольно любовалась ловкостью движений старика. Он быстро и уверенно обвязал себя канатом у пояса, другой конец каната крепко-накрепко привязал к огромному дубу, стоявшему в метрах двух-трех от края ущелья, и с проворством кошки полез вниз.

Фатима глянула на дно ущелья, и у нее закружилась голова.

Прошло что-нибудь около получаса.

Смотреть вниз Фатима боялась, а Закирьяна все не было. Она начала уже беспокоиться о нем и корить себя за свои подозрения и за выдумку.

Бакенщик появился совершенно неожиданно и не в том месте, где спускался, а немного левее.

Фатима хотела задать какой-то вопрос, но седой Закирьян был настолько сосредоточен, что словно не замечал ее, и она промолчала.

Впрочем, вопросы были ни к чему. Минуту спустя все стало ясно.

Став на краю ущелья, Закирьян схватил привязанный к дубу конец каната и потащил канат на себя.

Не прошло и минуты, как ящик был на поверхности.

— Вы молодец, Закирьян-агай,— сказала Фатима.— Спасибо вам! Большое спасибо!

— Ладно! — крикнул Закирьян и улыбнулся.

«Сейчас попросит куртку»,— подумала Фатима.

Но бакенщик только поклонился ей:

— До свиданья, красавица!

— До свиданья, Закирьян-агай!

Бакенщик ушел, а Фатима вздохнула: психологический опыт не удался. Нет, не выходит из нее Шерлока Холмса.

А что касается Закирьяна, то он, как говорится, шик юк¹.

«Человек, старый человек, совершенно бескорыстно помог, полез в ущелье, а я... Нет, нельзя так, нельзя! — мысленно повторила Фатима.— Людям верить надо, верить!»

ХАНСКИЙ ФАРМАН²

Милая Наиля! Прости, но путешествие захватило меня целиком, захватило настолько, что я и присесть-то не могла.

Мы договорились, что я ежедневно буду писать тебе хоть несколько слов. Не получается. То одно, то другое, то третье, то десятое. Да если бы я и писала каждый день, то ведь в лесу и в горах нет почтовых ящиков!

И дело даже не в том, что с детворой трудно справиться, гораздо труднее, чем в школе, где все ограничено, по существу, четырьмя стенами и где я — только одна из многих воспитателей. Здесь необъятные просторы, ребячьи, особенно мальчишки, разбегаются кто куда, а я одна-одинешенька, и, как ты можешь себе представить, совладать с ними трудно.

А вдобавок ко всему приходится сталкиваться с такими неожиданностями, о которых ни ты, ни я и подумать даже не могли, сидя дома, в нашем теплом и уютном Тальгашлы.

Вчера, например, один мальчик (его зовут Мидхат) разыскал таинственную палатку. И в ней — какого-то чудного старика, который вел себя так, что его можно заподозрить в темных делишках. Старик этот не стал с нами разговаривать, а попросту удрал, бросив все свое имущество (всякие часы, старинные вещицы и пр.).

¹ Ш и к ю к (*башкир.*) — вне подозрений.

² Ф а р м а н (*башкир.*) — указ.

Я не знаю, что и думать. С одной стороны, смешно: ну какой такой шпион может жить в палатке, которая, по существу, на виду у всех? Шпиономания, наверно, у меня начинается. А с другой стороны, почему этот старик сбежал? Его вещей мы, конечно, не тронули, но и охранять тоже не стали.

А вообще кругом красотища такая, что мне все время жаль, что тебя нет со мной. Может, еще приедешь, догонишь нас и остаток пути пройдем вместе? Кстати, ты бы помогла мне воевать с моими мальчишками.

Леса, горы, Караидель — все прекрасно. Описать все это не берусь, для этого надо быть поэтом. Могу только рассказать, что видела сегодня. У нас в Тальгашлы такого не увидишь.

Как-то поздним вечером отошла я от расположения лагеря всего на километр или два, присела на траву, чтобы отдохнуть, и вдруг при свете луны увидела лося.

Встал он посреди поляны, стоит в такой величественной позе, словно вот-вот прыгнет на другой берег Караидели. Я только успела рассмотреть его, как, откуда ни возьмись, появился волк.

Мне стало страшно, но деваться некуда, залегла в траву и жду, что будет дальше. В крайнем случае, думаю, на дерево залезу.

Лось сразу почуял что-то недоброе и замер. Волк сделал вокруг него несколько кругов. Лось не спускал с него глаз, пока он бегал по кругу. Но стоило серому попытаться всего на один шаг приблизиться к лосю, как тот мгновенно занял оборонительную позицию. И тут, хотя и было мне страшно, я тихонько рассмеялась: волк все заходил к лосю спереди, а лось все оборачивался к нему задом, и получился у них какой-то такой танец. Я не сразу сообразила, что это значит, но вот стало ясно: волку хотелось схватить лося за горло, а лось этого, как ты уже догадалась, не хотелось, поэтому он и вертелся. Так вот плясали они не менее четверти часа. И все уже становился круг, все порывистее движения. Наконец наступил решающий момент. Видимо, убедившись, что спереди не зайдешь, волк сделал классический прыжок, и в мгновение ока очутился позади лося. Еще секунда, и он был бы у рогатого на спине. Но лось словно этого только и ждал. Неожиданно он нанес удар копытом хищнику прямо в морду.

И сразу вспомнилась мне сказка, которую рассказывала моя бабушка, сказка о ханском фармане. Волк приходит в стадо: «А ну, кого из вас первым съест?» — «С меня начинай!» — бык

говорит. «За что же тебе такая честь?» — «А сам хан издал фарман, чтобы ты с меня начинал!» — «А где он, тот фарман?» — волк спрашивает. «Да вот он, в заднем копыте моем! Не веришь, сам читай!» Подходит волк к заднему копыту быка, чтоб фарман прочитать, а бык как лягнет его! Кувыркном волчище полетел, вверх тормашками. И аппетит у него сразу пропал. Отсюда и поговорка пошла: «В копыте — фарман, в глазах — туман».

Вот видишь, Наиля, какое письмо получилось — длинное-предлинное.

Не будь такой, как я, — напиши. Лучше, пожалуй, в Олдак, до востребования.

Целую тебя крепко.

Твоя Фатима.

ТОЛСТЯК-ОБМАНЩИК

— Ну-с, — снисходительно проговорил Мидхат, когда мальчики отплыли от берега, — как себя чувствуешь?

Он все еще не мог простить Иршату, что старший не он, Мидхат, «открывший» палатку и старика с бородкой, а Иршат, не имеющий никаких заслуг.

Иршат ответил ему насмешливым взглядом.

— Гребни как следует, — бросил он.

И Мидхат сразу почувствовал, что имеет дело не с Шакиром, а с человеком, который не даст себя в обиду.

Караидель играла на солнце золотыми блестками, стремительно катила свои могучие воды. Небо было голубое-голубое, безоблачное.

Иршат молча смотрел куда-то вдаль.

Мидхату было невдомек, что в эти минуты его товарищ сочиняет стихи.

Так проплыли они километров пять или семь, когда показалась на горизонте пристань Айдос, куда они и держали путь.

— Земля! — закричал Мидхат.

Чувствуя, что ему не удастся подчинить Иршата, Мидхат принялся корчить рожи и прыгать, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание.

— Лодку перевернешь, — заметил Иршат и снова ушел в себя.

Казалось, ничто не может отвлечь его.

Но вот где-то совсем рядом послышались голоса.

Иршат поднял голову и увидел неподалеку от лодки небольшой плот, на котором стояли те самые рыбаки, за которыми несколько дней назад гонялся Самбосаит.

Рыбаки тоже увидели и узнали Иршата.

— Эй, малый! — закричал длинный. — Давай сюда!

— Бежим! — сказал Иршат Мидхату, и тот, вовсе позабыв о своих притязаниях на командную должность, беспрекословно подчинился Иршату.

Мальчишки развернули лодку и налегли на весла.

— Это браконьеры! — взволнованно произнес Иршат.

— Пусть попробуют нас догнать на своем плоту! — отозвался Мидхат.

Да, он был, конечно, прав, на плоту догнать лодку довольно трудно.

Но радоваться ребятам пришлось недолго.

Толстый рыбак сбросил с себя одежду, а в следующее мгновение он нырнул в воду и поплыл.

Плыл он быстро, уверенно, и вскоре плешивая его голова показалась у самой лодки.

— Почему это вы старших не слушаете? — заговорила голова.

С этими словами толстяк своими пальцами, похожими на сосиски, ухватился за борт лодки и навалился на нее всем телом, так что она едва не перевернулась.

Очутившись в лодке, он забрызгал Иршата, выхватил у него весла.

— Вы что, собственно говоря, распоряжаетесь? — возмутился Иршат.

— Ах, это ты, — вглядываясь в его лицо, проговорил толстяк. — Забыл, видно, как я тебя рыбкой угощал?

— При чем тут рыбка? — пожал плечами Иршат.

— А при том, что, когда тебя просят помочь, ты ерепенишься, — с угрозой произнес толстяк. — А еще пионер! Чему в школе вас учат?

— Чем же вам надо помочь? И почему вы отобрали у меня весла?

— Потому что нужна помощь скорая, а ты не гребешь, а бредишь и во сне едешь.

Иршат промолчал. Кто его знает, может быть, и на самом деле нужна какая-то помощь...

Но в следующую же секунду он убедился, что толстяк просто-

напросто обманывает его. Он направил лодку вовсе не к плоту, а к берегу.

— Куда это вы? — нахмурился Иршат.

— Куда да куда! Врача нужно вызвать. Там, на плоту, человек умирает!

— Так вы бы так и сказали, — подал голос Мидхат. — А то действуете, как захватчик.

— Объяснять-то некогда! — проворчал толстяк.

Причалили к берегу.

«Сейчас этот толстяк помчится бегом!» — подумал Мидхат, предвкушая смешное зрелище.

Но толстяк неожиданно скомандовал:

— А ну, вылезай!

И он так внушительно подтолкнул Иршата, что тот, едва не свалившись, оказался на прибрежном песке.

Следом за ним толстяк вытолкнул из лодки и Мидхата.

— А теперь пока! — Он ухмыльнулся, сел на весла и поплыл к плоту.

Первые несколько секунд ошеломленные ребята не могли прийти в себя.

— Отдайте лодку! — не своим голосом закричал Иршат, опомнившись. — Сейчас же отдайте!

— Хо-хо-хо! — захохотал толстяк, и эхо разнеслось по реке.

— Пошли, — сказал Иршат Мидхату, — побежали! Скорее в милицию!

И они припустились бежать по направлению к пристани Айдос.

Пристань искали они довольно долго, но так и не нашли.

Когда стемнело, слышали мальчики тарахтенье моторки.

— Закирьян-агай! — закричал Иршат, первым увидевший седого бакенщика.

— Э-э-э! — приветливо ответил тот. — Салам!

— Скорее-ей! Сюда-а-а!

— Что такое? — спросил Закирьян, приближаясь.

— Вон те... на плоту... — начал Мидхат, задыхаясь.

— ...лодку у нас отобрали, — закончил Иршат.

— Кто? А-а! Сейчас! — решительно проговорил Закирьян. — А ну, прыгайте ко мне!

Ребята уселись в моторку.

Бакенщик дал полный газ.

— Не горюйте, найдем вашу лодку!

Вскоре моторка достигла того места, где толстяк напал на ребят.

Но грабители, естественно, не остались там почевать.

— Гоняться за ними бесполезно,— сказал бакенщик.— Они где-нибудь на берегу.

— А где же плот? И лодка? Они-то у берега стоят! Давайте поищем! — сказал Мидхат.

— Закирьян-агай, поехали в милицию! — предложил Иршат.

— Ночью-то? — усмехнулся бакенщик.— Да и вообще не надо. Я сам с ними поговорю. Не останетесь, джигиты, без своего коня. Давайте-ка лучше я вас в лагерь доставлю.

ШЕЖЕРЕ

Присматриваясь к берегам и сравнивая их с картой, Фатима установила, что плавающий отряд приближается к аулу Тавлыяр. Но аула все не было видно.

Тогда она дала команду причалить к берегу.

На разведку местности были посланы капитан Юлай и Шакир.

— Го-го-го! — закричали они в два голоса, отойдя от берега метров на пятьсот.

«Го-го-го!» — ответило эхо, сперва совсем близко, потом дальше, еще дальше, еще... И затихло.

Мальчики побежали дальше.

Они скрылись из виду, когда оставшиеся на берегу снова услышали их «го-го-го».

Вскоре они вернулись и доложили, что никто не отвечает.

— Поехали дальше! — закричали ребята.

— Нет,— сказала Фатима.— Все за мной!

Привязав лодки, отряд двинулся в гору.

Через некоторое время Фатима остановила ребят:

— Внимание! Я буду дирижировать, а вы по счету «три» кричите хором. Раз, два-а, два с половиной, два и три четверти, три!

И все заорали что было мочи:

— Го-го-го-о-о!

— Еще раз! — скомандовала Фатима.— Раз, два, три!

— Го-го-го!

И снова никто не откликнулся.

Начали спускаться с горы, чтобы плыть дальше.

Но вот все увидели мальчика, бегущего за отрядом.

Это был дочерна загоревший и шустрый малыш. Услышав зов путников, он помчался на помощь. Малыш объяснил, что аул Тавлыяр действительно здесь, рядом, но из-за гор его не видать. Если идти напрямик, через горы, то рукой подать, а в обход — километров пять с гаком.

— А сколько в этом «гаке»? — спросила Фатима.

— А в «гаке» еще столько, — ответил малыш и громко расхохотался. — Нет, нет! — поспешил он успокоить путешественников. — Близко, близко, пошли!

Фатима дала знак Сабиту, и он запел:

Наливались знамена
Кумачом последних ран...

И подхватили все:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.

— Шаго-о-ом марш! — скомандовала Фатима.

Малышу-проводнику это, как видно, понравилось, и он тоже зашагал в ногу, стараясь не отставать от Фатимы.

Фатима разрешила пионерам побегать, поймать бабочку или рассмотреть занятный камушек. Ребята рвали щавель и ели его на ходу. Даже рассказывали друг другу разные истории.

Дорога шла сперва вдоль берега Караидели, потом сворачивала вправо и то петляла по склонам гор, то опускалась в низины, где, негромко журча, текли прозрачные ручьи.

Аул Тавлыяр, как предсказывал сэсэп Акберды, должен был открыться перед следопытами родовые реликвии племени кудей, хранящиеся у старейшего в роде аксакала Исангула.

Именно поэтому по мере приближения к Тавлыяру все сильнее охватывало ребят чувство любопытства и нетерпения.

За высоким холмом, покрытым густым кустарником, открывался вид на Тавлыяр.

Небольшие домики, утопающие в садах, внимательно смотрели своими окнами на пришельцев, словно стараясь угадать и понять, кто на сей раз пожаловал в гости.

Отряд вошел в аул.

Отыскать дом Исангула было нетрудно, хотя он ничем не выделялся. Это был сруб из добротных сосновых бревен.

Едва следопыты вошли во двор, они сразу почувствовали: случилось что-то неладное. Двор был забит людьми, хранившими молчание. На крыльце суетились женщины. Мужчины то входили в дом, то возвращались обратно. И повсюду сновали дети. Но никто не разговаривал.

— Что случилось? — шепотом спросила Фатима у какого-то худощавого пожилого мужчины в кепке, стоявшего у самых ворот.

— Ай-вай-вай, девушка! — с укором произнес этот человек. — Как же так ты не знаешь, что случилось, а? Такое большое несчастье случилось! Такое несчастье...

— Простите, но мы только что приехали в Тавлыяр, — сказала Фатима.

— Ай-вай-вай! Умер наш уважаемый аксакал, умер наш дорогой Исангул, умер, не дожив всего года до ста лет и всего-навсего десяти дней до девяносто девяти, — проговорил мужчина. — Ай-вай! Аксакал покинул нас, покинул!

Помолчали.

Потом мужчина обернулся к Фатиме:

— А зачем приехали, а? Дело делать или от нечего делать? — И он не очень-то ласково оглядел ребят.

— Видите ли, агай, — замялась Фатима, — нам об аксакале в деревне Янсайт рассказывал сэсэн Акберды. Не слышали?

— Так не шежере ли вам нужно? — покосился мужчина на Фатиму.

— Да-да, мы хотели бы...

— А кто вам его даст?

Фатима не знала, как ответить, и промолчала.

Заметив ее смущение, мужчина добавил уже мягче:

— Шежере! О-о, шежере — это документ, который совсем не для всех, нет, нет, не для всех! Это священные письмена, священные! Да! Они хранятся у старейшего в роду и переходят после его смерти к самому старейшему из оставшихся в живых.

— Сейчас, наверно, неудобно говорить об этом, — сказала Фатима, — но мы ведь хотели бы только взглянуть на шежере. Ну, а заодно и на некоторые другие документы...

— Ну, если только посмотреть, то посмотрим... — сострил мужчина. — Но и смотреть надо осторожно. Это вам не шутки — двадцать пять поколений!

Фатима понимающе и очень уважительно покачала головой. Это, по-видимому, понравилось худощавому мужчине, и он снисходительно поделился с нею своими мыслями:

— Понимаешь, что получается? Плохо получается! Не в нашем ауле старейший из живых остался! Значит, надо шежере в соседний аул передать. Э! Там живет человек, которому то ли девяносто пять, то ли девяносто три. Эх, Исангул-агай, подумать только, какую ценность теряет наш аул вместе с тобой!

Выслушав эти слова, Фатима окончательно убедилась, что сегодня разговаривать с кем бы то ни было по делу, расспрашивать и лезть в душу людям просто нехорошо. А раз так, стало быть, придется в Тавлыяре заночевать. Где именно? Конечно, в местной школе. Ведь всем известно, что на лето школы превращаются в своего рода гостиницы для приезжих ребят. Ребятня республика не испытывает благодаря этому таких трудностей, как взрослые командировочные или отдыхающие «диким образом». Но для этого надо повидаться с директором школы, навестить дежурных, оставшихся у лодок, и усилить пост на берегу.

Пока Фатима думала о своем, безмолвно и важно начали целыми группами выходить из дома мужчины. Женщины, толпившиеся на крыльце, и старушки плакальщицы подались в сторону, сгрудились в углу двора.

Вот тело аксакала, завернутое в белый саван, на специальных носилках мужчины вынесли во двор, накрыли паласом. Выйдя за ворота, они подняли носилки высоко над головой и так понесли. За ними шли почтенные старики. Среди них, как кто-то сказал Фатиме, были гости из соседних аулов: старейшего хоронил весь род кудей. За стариками шли молодые мужчины и дети.

Юные следопыты никак не ожидали стать свидетелями столь печального события. Некоторые из них вообще впервые в жизни видели такие похороны. Они молча окружили Фатиму.

— Вот что, ребята,— сказала она,— давайте-ка сейчас уйдем отсюда, а завтра нарвем цветов и сходим на могилу аксакала.

И отряд направился к школе.

В эту минуту Фатима почувствовала, что кто-то взял ее за руку. Это был Мидхат.

— Ты что?

Мидхат глазами показал в сторону.

Фатима обернулась и вздрогнула: она увидела стари-

ка с острой бородкой. Тот самый, который сбежал из палатки!..

Старик стоял возле ворот дома аксакала.

Словно почувствовав, что на него смотрят, он поднял голову, заметил Фатиму и Мидхата, и не успела Фатима сообразить, что делать, как старик довольно быстро дошел до угла и исчез за поворотом. Мидхат бросился за ним, но напрасно. Старик испарился.

— Старик этот — настоящий Хоттабыч! — сказал Мидхат, вернувшись к вожатой.

— Не шути, дело серьезное, — нахмурилась Фатима.

„УКАЗ КРАСНОГО ГЕНЕРАЛА“

Новая неожиданная встреча со зловещим стариком, да еще в тяжелой обстановке похорон, не могла не взволновать Фатиму. Ночь она провела почти без сна, дважды ходила на берег, к дежурным. Теперь она твердо решила принять все меры, чтобы как можно скорее узнали о ее подозрениях и сомнениях в милиции.

Но в Тавляыре не было даже милиционера, он только время от времени появлялся в ауле на велосипеде. Как ей сказали, здесь один милиционер был на несколько аулов, и сейчас он находился где-то в другом месте.

Посылать мальчишек куда бы то ни было после неудачи с Мидхатом и Иршатом и вообще после всего происшедшего Фатима считала недопустимым: мало ли что может случиться... Ходят ведь и бродят по берегам Караидели какие-то темные личности. Пусть их немного, пусть единицы, но каждый такой человек опасен. И она, вожатая, не имеет права рисковать ребятней.

А кроме того, попросту невозможно уйти из Тавляыра, не познакомившись с драгоценными документами, которые хранились у покойного Исангула.

Утром следующего дня всем отрядом отправились следопыты к дому аксакала.

Ребята остались во дворе, а Фатима вошла в избу.

В большой комнате работала какая-то комиссия: женщина и трое мужчин, в одном из которых Фатима сразу узнала вчерашнего худощавого человека.

— А-а, это ты! — сказал он, увидев Фатиму, таким тоном, будто давно был с нею знаком.— Проходи, садись.

— Спасибо.

— А почему ты не спрашиваешь, кто я такой? — улыбнулся худощавый мужчина, когда Фатима скромно присела на краешек стула.

— Кто бы вы ни были, я все равно уважаю вас, агай! — вежливо отвечала Фатима, и ответ ее понравился всем.

— О, я вижу, ты воспитанная девушка! — сказал худощавый мужчина.— А я — мужик простой и не могу удержаться, чтобы не представиться: председатель Тавлыярского сельсовета Ишмухаметов. По имени Ильяс. А ты кто?

— Пионервожатая тальгашлинской школы Фатима Мансурова.

— Ну вот, теперь другое дело, можно начинать разговор. Прежде всего хочу тебя, Фатима, обрадовать: вчерашний день у вас все-таки даром не пропал: не встретили бы вы меня вчера, сегодня вам никто не дал бы ни одного документа. Без меня не могут, не уполномочены. А я специально пришел, чтобы вам помочь.

— Большое спасибо, Ильяс-агай. Мы никогда не забудем вашей доброты!

— Кто это «мы»?

— Пионеры-следопыты и я.

— Примем к сведению. Так что вам нужно — шежере?

— Да, Ильяс-агай. И еще—все, что есть, о партизанах гражданской войны.

— Все, что есть? Гм! А кто вам даст?

— Но мы ведь только посмотрим, прочтем.

— Н-да!

Фатима поняла, что нужно привести какие-нибудь дополнительные доводы, но так как их у нее не было, она повторила то, что уже говорила вчера: как стало известно следопытам от уважаемого Акберды, у аксакала Исангула хранились какие-то важные бумаги, связанные с именем Василия Константиновича Блюхера.

— Э! — сказал председатель.— Э! э! Верно! Есть! Письмо самого Блюхера есть.

— Но нам ведь только посмотреть! — взмолилась Фатима.

— Понимаю, понимаю! Однако исполнительный комитет Тавлыярского сельского совета депутатов трудящихся Башкир-

ской АССР решил передать все реликвии, хранившиеся у аксакала Исангула, в архивный фонд. Ведь неизвестно, в чьи руки они попадут, если, по устаревшему обычаю, пустить их из аула в аул! Да и нет особой необходимости в этом. В наше-то время! Все, что принадлежало роду или племени, принадлежит народу. Так или не так?

— Так,— прошептала Фатима.

— Так. А ты, Фатима, являешься свидетелем акта приема-передачи всего этого,— он обвел глазами вороха бумаг, папок и коробок, лежавшие на столе,—сельскому Совету. Историческое событие! Э! На смену старым, отжившим традициям приходят новые, передовые, советские! Ясно?

— Ясно, Ильяс-агай.

— А раз ясно это, то должно быть понятно и то, что, когда все будет пронумеровано, подшито, заактировано и поступит в музей, не только твоя группа, но все пионеры Башкирии, а если угодно, и всего Союза смогут ознакомиться с нашими документами.

— Но нам бы хотелось сейчас...— робко вставила Фатима.

— Сейчас? Как думают депутаты?

— Раз пионеры интересуются, надо помочь,— сказала женщина и улыбнулась.

— Помочь? Ну что ж, мы поможем,—кивнул председатель.— Но это не значит, что все туристы придут сюда и перевернут вверх дном эти драгоценные бумаги. Мы разрешим прочесть их только вожатой. Э? Дом небольшой, все не поместятся.

Фатиме был крайне неприятен такой поворот председательской мысли: ведь, в конце-то концов, поход для ребят, а не для нее. И именно ребята в первую очередь должны видеть бумаги и, скажем, собственноручную подпись Блюхера.

— Может, разрешите хоть капитану присутствовать?

— Капитану? Ладно, разрешаю...

Фатима кликнула Юлая и, когда он входил, шепнула:

— Кеды сними! Видишь, как пол выскоблен!

Юлай сбросил кеды и громко поздоровался.

Взрослые ответили ему кивками.

— Как тебя зовут? — спросила женщина.

— Юлай.

— Ну, Юлай, давай помогай! — рифмованно пошутил председатель и взялся правой рукой за угол сундука, стоявшего у стены.

Юлай проворно подбежал к сундуку, встали из-за стола депутаты-мужчины и тоже ухватили сундук. Совместными усилиями вытащили его на середину комнаты к столу.

Внутри этого большого сундука оказался малый, изящный, обитый кожей, с крышки которого свисала вишневого цвета шелковая бахрома. Этот сундучок был заперт. Его открыли ключом, который покойный аксакал всегда носил у себя на поясе.

Из малого сундука председатель сельсовета достал сверток пергамента, металлический шлем — такой, как на картине «Богатыри», рукоять сабли.

Бережно и осторожно развернув пергамент, он показал всем, в том числе Фатиме и Юлаю, что на нем значится родословная рода кудей со всеми ее разветвлениями и боковыми линиями, причем возле многих имен стояли пометки о том, когда и какой подвиг был совершен этим представителем рода, какие заслуги имел он перед своим племенем.

— Блюхера пока не видно, — проговорил председатель и вытащил из сундучка красную лакированную шкатулку. — Может быть, здесь?

Порывшись в потертой папке, председатель вытащил из нее оборванный по краям, пожелтевший конверт.

— Вот вам и письмо Блюхера! — сказал он. — Садитесь сюда. — И он указал на лавку, стоящую у печи.

Но ни вожатая, ни Юлай не обратили ни малейшего внимания на этот не очень-то вежливый жест председателя. Все их внимание было направлено в этот момент на письмо, и только на письмо. Еще бы! Письмо самого Блюхера! Подлинное письмо легендарного командарма, которого чтут в каждом башкирском доме как освободителя, которого ставят в один ряд едва ли не с Салаватом Юлаевым!

На конверте значился адрес:

«Деревня Атлыкаево, Златоустского уезда, Уфимской губернии, Сайфулле Татлыбаеву».

Фатима передала конверт Юлаю:

— Достань письмо.

Юлай вытянулся, будто стоял в строю, и, прижав локти к бокам, вытащил из конверта такой же пожелтевший и кое-где тронутый чернильными разводами ветхий листок.

— Читай вслух! — сказала Фатима.

— Читай, читай, — согласился председатель.

Юлай положил письмо и дрожащим голосом прочел:

— «Дорогие товарищи!

Уважаемые родители Зината Сайфуллина!

С болью в сердце, с глубокой скорбью сообщая вам, что ваш сын пал смертью храбрых в борьбе с врагами Советской Республики.

Память о Зинате никогда не умрет в наших сердцах.

Красные партизаны Урала никогда не забудут мальчика, сражавшегося наравне со взрослыми и проявившего чудеса героизма.

Грядущие поколения напишут имя Зината на своих знаменах.

Вечная слава герою Зинату!

Почет и уважение пролетариата отцу и матери героя, воспитавшим его отважным солдатом революции!

Командарм В. Б л о х е р.

Юлай кончил читать, и наступила пауза.

Фатиме на мгновение показалось, будто за окном скачут красные конники...

Потеплело лицо председателя.

— Разрешите снять копию, — сказала наконец Фатима.

— Разрешим, товарищи депутаты? — спросил председатель, но в самом его вопросе уже содержался ответ.

Не спрашивая, можно или нельзя, Фатима позвала Иршата. Он вошел с «Партизанской книгой» под мышкой.

Ему тоже пришлось разуться.

Усевшись у печи, Иршат быстро переписал письмо.

— Хорошо бы заверить, — сказала Фатима.

— Что заверить?

— Копию.

— Гм! — Председатель повертел в руках «Партизанскую книгу». — Здесь написано «Амбарная книга». Это неуважительно. И затем у вас тут еще какие-то записи. Я не могу заверить все подряд.

— Так обозначьте, что вы заверяете только эту страницу.

— Это, пожалуй, можно... А ошибок нет?

— Давай считаем, — предложила женщина-депутат.

— Ладно уж! — махнул рукой председатель.

И, достав из внутреннего кармана пиджака печать, он снял с нее крышку, хукнул и шлепнул печать в двух местах — в на-

чале и в конце письма. Написал: «Копия верна. Председатель Тавлыярского сельсовета Баш АССР И. Ишмухаметов».

А потом посмотрел на ребят и на Фатиму, улыбнулся доброжелательно:

— Эх вы, поколение! Вот переписали, а теперь постарайтесь быть похожими на Зината Сайфуллина. Э?

— Ильяс-агай, скажите, пожалуйста, а вы не знаете, что за подвиг он совершил? — спросила Фатима.

— Нет, не знаю. Чего не знаю, того не знаю. Ну, до свиданья, всего хорошего!

УРОК САМБО

Покинув Тавлыяр, путешественники прошли вниз по Караидели еще километров двадцать, когда спустился вечер и пора было располагаться на ночлег.

В эту ночь в состав усиленного наряда по охране лагеря впервые попали девочки — Нафиса и Айгуль.

Это было, как сказал кто-то из мальчишек, «историческое событие».

Дело в том, что до сих пор Фатима не решалась назначать девочек в ночные наряды, а девочки всю дорогу доказывали ей, что они нисколько не хуже мальчиков, что Марина Раскова, Софья Ковалевская и множество других знаменитых женщин давно это доказали.

В конце концов Фатиме все эти разговоры надоели, и вожатая назначила на пост двух самых крепких девочек. Сперва она хотела поставить каждую из них с мальчиком, но девочки снова подняли голос, и Фатиме пришлось согласиться на отдельный «девчачий пост».

Про себя вожатая решила не спускать с девочек глаз: как-никак они дежурили впервые.

Фатима долго не ложилась, прохаживаясь по опушке. Но около двух ночи ее стало клонить ко сну, и она решила немного отдохнуть, а потом снова проверить Нафису и Айгуль.

Девочки несли службу ревностно. Они чутко прислушивались к каждому шороху, ни на мгновение не отвлекаясь, зорко вглядываясь в темноту.

Тишина стояла такая, что было слышно, как плещется в Караидели рыба, как от легкого ветерка шелестят травы.

— В такую погоду легко быть часовым,— сказала Нафиса.

— Тихе, на посту разговаривать не полагается,— напомнила Айгуль.

И Нафиса не смела произнести больше ни слова, ни полслова, хотя ей так хотелось поговорить с подружкой и для разговора было столько свободного времени. Оставалось только потихоньку вздыхать.

Над противоположным берегом реки прорезалась узкая розовая полоса. Скоро начнет светать.

Выпорхнула из кустов какая-то ранняя пичуга. Нафиса сперва не обратила на это внимания, потом вспомнила, что читала какой-то рассказ о пограничниках, в котором пограничник присматривался к тому, откуда вылетают птицы, потому что они иногда вылетают не сами по себе, а если их кто-то спугнул.

Нафиса насторожилась.

Но Айгуль сказала:

— Да ведь это просто просыпаются птицы. Знаешь, они как рано встают!

Однако в ту же минуту откуда-то из-за кустов донеслись до девочек неясные звуки, похожие на хрип, хлопанье, удары.

Девочки встрепенеулись, растерялись, но долго думать им не пришлось.

В следующее мгновение они явственно слышали голос тихони Шакира, который на этот раз звучал очень внушительно и грозно:

— Ага, попался, попался, теперь не уйдешь!..

Нафиса и Айгуль бросились в кусты.

Айгуль включила карманный фонарик, и перед глазами девочек возникла странная картина.

Шакир, Юлай, Сабит и Малик восседали на каком-то движущемся коме, накрытом байковым одеялом, и наносили по нему удары. Девочки сразу поняли, что ком — это человек, которого поймали часовые. Человек двигался под ударами, но сопротивлялся слабо. Из-под одеяла слышен был только его приглушенный голос:

— Перестаньте, вам говорят, перестаньте сейчас же!

Но мальчики не унимались.

В какой-то момент Малик отлетел в сторону, Шакир тоже, а Юлай и Сабит вскочили сами. Отбросив одеяло, из-под него вылез мужчина, в котором при свете фонарика все тотчас же узнали Самбосаита.

— Самбоса-и-ит? — заикаясь от удивления, проговорил Юлай.

— Вот именно самбо я бы и применил, если бы вы меня еще минуту лупили! — приводя в порядок растрепанные волосы, сказал Самбосаит. — Набросились, темную устроили! Вы что?

— Ну... мы ведь часовые все-таки... — потупившись, ответил Юлай.

— Ах, часовые! — немного придя в себя, улыбнулся Самбосаит. — В таком случае, виноват я. Прощу прощения. Только вот глаз вы мне чуть не выбили. Ну ничего, поделом мне, дураку. Я-то ведь не знал, что вы здесь.

— Самбосаит-агай, вы не можете показать самбо? — неожиданно спросил Малик.

— Вообще-то можно... но вы ведь на посту...

— Ничего, нас сменят сейчас!

И действительно, из-за кустов вышли Шакир и Сабит, чтобы сменить Малика и Юлая.

— Ну, раз так, кое-что покажу, — сказал Самбосаит. — Только давайте по-быстрому, а то тороплюсь. На ком показывать? Кто больше других мне тумачков надавал? Нет, впрочем, на том буду показывать, кто меня прозевал.

Кто прозевал?.. Об этом никто из ребят еще не успел подумать. Но вот взгляды мальчиков сошлись на Нафисе и Айгуль: ведь именно на их участке прошел нарушитель...

— Мы прозевали, показывайте на нас, — тихо произнесла Нафиса, которой так не хотелось ударить лицом в грязь, но которая теперь чувствовала себя виноватой.

— Э, нет, на девочках показывать не стану! — засмеялся Самбосаит.

— А девочки хуже, да? — снова села на своего конька Нафиса.

— Не хуже, но...

— Никаких «но»! — категорически заявила Айгуль.

— Замолчи! — как бы между прочим, бросил Сабит.

— Будете ссориться — вообще показывать не буду, — сказал Самбосаит. — Иди на меня! — скомандовал он Малику.

Малик сжал кулаки и, угрожающе нахмурившись, двинулся на Самбосаита. Едва он приблизился, Самбосаит схватил его за грудь, сам упал на спину и перекинул мальчика через себя. Малик хлопнулся оземь. Правда, не очень сильно, потому что Самбосаит бросил его как бы шутя.

— Здорово! — восхищенно прошептал Шакир.

— Это называется «вертушка», — сказал Самбосаит. — Теперь ты иди сюда, — подозвал он Сабита.

Едва Сабит подошел, Самбосаит ловким зацепом ноги изнутри бросил на землю и его.

Юлай испытал на себе бросок через бедро.

— Товарищ Саитов, прошу вас ко мне! — Это появилась в кустах Фатима.

— Зачем? Я спешу.

— Спешите, а на самбо у вас времени хватает.

Самбосаит виновато усмехнулся, нехотя, но все же подошел к Фатиме.

— Часовые, отправляйтесь на свои посты! — скомандовала Фатима и увела Самбосаита.

— Почему вы пугаете детей и вообще зачем пожаловали в расположение лагеря среди ночи? — спросила она, когда осталась с Самбосаитом наедине.

Самбосаит молча вытащил из кармана какую-то бумажку и протянул ее вожатой.

Фатима прочла:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Мастеру спорта тов. Саитову Заки Бурхану поручается на общественных началах инспектировать охотничье хозяйство бассейна р. Караидели.

*Председатель Башкирского общества
охотников и рыболовов
Т. А ю х а н о в.*

— Стало быть, — строго произнесла вожатая, — вы инспектируете охотничье хозяйство по ночам?

— Я охочусь за браконьерами, — вежливо, словно не замечая холодного тона Фатимы, ответил Самбосаит.

— Ах, вот оно что! — сказала Фатима, все еще не веря Самбосаиту, которого еще минуту назад готова была подозревать в чем угодно, тем более что он ведь тоже оказался «С. З.» — «Саитов Заки»!

— Разрешите идти? — едва заметно улыбнувшись, спросил Самбосаит.

— Идите. И прошу вас больше не беспокоить ребят. Между прочим, приемы самбо тоже можно было бы им не показывать.

— Хорошо, больше не буду,— сказал Самбосаит.— Но кто знает, ведь самбо может и пригодиться.

— Нам не нужны бродячие тренеры!— рассердилась Фатима.

Она, вероятно, сказала бы Самбосаиту еще что-нибудь неприятное, если бы ее внимание не было бы отвлечено новой неожиданностью: в расположении лагеря появились Мидхат и Иршат.

— Что случилось, мальчики, почему вы возвращаетесь ночью? Где вы были столько времени?

— Эти... ну, рыбаки... отобрали у нас лодку...— промямлил Мидхат.

— Еще сюрприз!— сокрушенно покачала головой Фатима.— А как же вы попали сюда?

— Нас дядя Закирьян, бакенщик, на своей моторке доставил.

— А где он сам?

— Дальше поехал. Обещал лодку выручить. Он этих-то... хулиганов... знает.

— А где вы были весь день?

— Так он только вечером нашел нас на берегу. Мы в милицию шли и заблудились.

— Ложитесь спать.

— Есть!

— Всего хорошего,— сказал Самбосаит и скрылся в кустах.

Мидхат и Иршат в недоумении смотрели на вожатую. Они никогда еще не видели ее такой сердитой, не могли понять, за что она обидела Самбосаита.

Брезжил рассвет. Над Караиделью вставало утро.

— Идите спать,— повторила Фатима.

Ей и самой хотелось отдохнуть, но скоро уже надо было поднимать отряд.

КРУПНЫЙ РАЗГОВОР

Фатима очень любила детей. Ей доставляло удовольствие быть вместе с ними, разговаривать с ними, видеть их веселые лица, их чистые глаза.

Вот и сейчас, поговорив с мальчишками и девчонками, она почувствовала себя лучше.

Но вообще говоря, было ей тяжело.

Непредвиденные обстоятельства, которые вырастали буквально на каждом шагу, угнетали Фатиму.

Директор школы Рустам Мустафаевич говорил на педсовете, что Фатима — одаренный педагог. Наверно, он преувеличил ее способности. Но даже если она и педагог, то уж, во всяком случае, никак не Шерлок Холмс и поиски каких-то темных людей, которые ходят где-то рядом с ее ребятами, вовсе не входят в круг ее обязанностей и задач.

И все-таки, несмотря на это, она должна этим заниматься хотя бы потому, что путешествие в таких условиях становится попросту небезопасным для детей.

Но как же быть?..

Послала Мидхата и Иршата в милицию — они не дошли да еще и лодку потеряли. Приходил Самбосаит — может быть, все-таки следовало ему рассказать о своих тревогах? Но и он не вызвал особого доверия, тем более что он — один из этих самых «С. З.».

«С» и «З». Две буквы, обозначенные на рукоятке ножа...

Что они означают?

Кто этот таинственный С. З.?

Может, Заки Саитов — Самбосаит? Или Закирьян Саттаров, этот самый бакенщик? Но ведь оба они пока делают одно только добро. Впрочем, почему надо думать, что С. З. — плохой человек? Кстати, когда Фатима и Мидхат были в палатке старика с острой бородкой, то кто-то, вызывая его по радио, назвал имя Зинат. Может быть, С. З. — этот старик?

Нет, ни Фатиме, ни ребятам никогда в жизни не распутать все это... А может быть, и распутывать-то нечего...

Нет, пожалуй, все-таки стоит еще разок, да повнимательнее, рассмотреть куртку и нож. Может быть, на них обнаружатся еще какие-нибудь приметы.

Фатима снова поймала себя на мысли, что занимается не своим делом. И снова сказала себе, что это «не свое» дело временно становится для нее своим.

Она позвала Юлая и спросила его, где сейчас ящик с минами. Юлай повел ее в свою палатку. Ящик стоял там.

— Достань, пожалуйста, куртку, — попросила она мальчика.

Юлай полез в ящик, порылся там, потом сказал:

— Куртки нет.

— Как так — нет?

— Нет.

— Куда же она девалась?

Юлай только пожал плечами.

И впервые за все время похода Фатима позволила себе повысить голос. Нервы ее не выдержали, и она закричала:

— Безобразие! У человека в палатке лежит вещь, а он не знает, где она! Стыдно!

И Юлай стоял перед нею растерянный.

«А ведь он не виноват, куртку выкрали, выкрали... Кто?.. Закирьян. Ведь только он знал, что куртка в ящике... Час от часу не легче!.. А Юлайка не виноват...»

— Прости меня, Юлай,— прошептала Фатима.— Я совсем схожу с ума...

— Надо обязательно побывать в милиции,— сказал Юлай.

И в эту минуту он показался Фатиме совсем взрослым мужчиной. Главным образом потому, что не обиделся на нее за ее окрик.

— Созови отряд, капитан! — улыбнулась Фатима.

— Есть! — Юлай отдал салют и убежал.

Через несколько минут следопыты были в сборе.

— Ребята,— сказала Фатима,— куртка пропала. Лодка тоже. Старик исчез. По ночам на территорию лагеря приходят посторонние люди. Что вы думаете по этому поводу?

— Это все девчонки! — закричал Мидхат.— Вот какие из них часовые! Лучшие бы совсем не стояли, мы бы на них тогда не надеялись. А то...

— А ты? — перебила его Айгуль.— Разве бревна не прозевал?

— Бревна я охранять не обязан был! Зато я куртку нашел!

— Мало ли кто что нашел! Это случайность, а не твоя заслуга! Как говорят: «Шел дурак, нашел пятак»!

— Сама ты дура! — вступился за товарища Иршат.— Лучше бы хранила себе, как всегда, а на пост не лезла бы!

— Айгуль! Иршат! — строго глянула на них Фатима.

Но удержать разбушевавшихся мальчишек и девчонок было не так-то просто, хотя разговор пошел совсем не так, как хотела Фатима. Она ведь добивалась, чтобы отряд понял свою ошибку, чтобы часовые лучше несли службу, а те, кому доверены важные вещи, их берегли.

Но пока она думала, как повернуть разговор, страсти разгорелись настолько, что вылез даже тихоня Шакир. И — подумать только! — внес предложение устроить разбор последнего ночного ЧП — чрезвычайного происшествия, — когда часовые пропустили Самбосаита.

— Вот когда две автомашины сталкиваются,— сказал Шакир,— приезжает милиция и все вымеряет и вымеряет. Давайте и мы пойдем на место и установим, где чей участок, кто пропустил.

— Нечего там вымерять! И так ясно! — закричал Мидхат.— Самбосаит прошел между раздвоенной березой и бугром. Как раз на участке Нафисы и Айгуль. Да они и сами этого не отрицают.

Девочки молча согласились с ним.

— Значит, надо их судить судом чести! — сделал вывод Мидхат.

— Нет, я этого сказать не хотел,— смутился Шакир, который никогда не хотел причинять кому бы то ни было неприятности.

— Мы еще не научились быть часовыми,— сказала Нафиса,— потому что нас оставили без практики. Если бы мы с самого начала похода дежурили, все было бы хорошо. Вначале у всех бывают ошибки. И у мальчишек были, Мидхат...

— Заткнись! — грозно закричал Мидхат.— Я тебе сейчас покажу! Не смей клеветать на человека!

— Ах, как я испугалась! — сморщилась Нафиса.— Герой! Лодку потерял! За лодку еще отвечать будете! Родителям твоим платить придется! А что Айгуль храпит, так ты в сто раз хуже— за едой чавкаешь, как поросенок!

Такого оскорбления Мидхат вынести не мог. Он подбежал к Нафисе и больно дернул ее за косу.

— Ой! Фатима-апай, что же это такое!

— А! Жаловаться? Ябеда! — Мидхат толкнул Нафису, и она упала на траву.— Вот тебе, вот тебе!

— Они говорят, что еще не научились дежурить! Но ведь им предлагали с самого начала дежурить вместе с нами и учиться, почему же они отказались? Часовой должен знать очень многое. А они думают, что одних разговоров достаточно! — сердито сказал Иршат.

— Шакир! — прошептала Фатима, которая чувствовала, что теряет способность управлять ребятами.

— Подумаешь, какой учитель нашелся! — подбоченилась Айгуль.— Мышонок несчастный! Жил — молчал, умирал — дрожал! Премудрый пескарь!

— Твое дело — котлеты! Косы заплетала бы, и все! — снова вступил в спор Иршат.

На него набросилась Айгуль, на помощь ему поспешил Малик.

— Вертушка! — закричал он и попытался испробовать на Айгуль прием, показанный Самбосаитом.

Но Айгуль сама воспользовалась этим приемом и опрокинула его.

Фатима попыталась закричать, но не смогла. Слезы, крупные, горячие слезы катились из ее глаз.

Первым это увидел Юлай.

Он бросился разнимать дерущихся, и не безуспешно.

Но когда все утихомирились, Фатимы уже не было.

— Мы, — сказал Юлай, — должны немедленно пойти к Фатиме и извиниться.

Вожатую нашли в палатке. Лицо ее было красным от слез.

— Фатима-апай, мы пришли, чтобы сказать вам... — начал Юлай.

— Ничего не надо говорить. — Фатима встала, скрестила руки на груди. — Вы всё уже сказали. И показали. Показали, что вы не уважаете ни меня, ни друг друга. А ведь настоящий мужчина должен быть рыцарем. И вы, девчонки, тоже хороши... — Слезы с новой силой брызнули из глаз Фатимы.

Девочки бросились обнимать вожатую. Мальчишки стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— Уйду я от вас! — сказала Фатима.

— Не на-адо! — запричитали девочки.

— Мы больше не будем, — сказал Юлай.

— Не будем, — повторили Мидхат и Иршат.

ПИСЬМО ДИРЕКТОРУ

Рустам-агай!

Нет, из меня не выйдет педагога. Никогда! Я говорю об этом уверенно и твердо, окончательно испытав себя в эти дни. Не получается у меня, понимаете? Казалось, все хорошо, но вот все рушится — и взаимоотношения с ребятами, и взаимопонимание, и все-все-все...

Делаю одно — выходит другое.

Пытаюсь сколотить крепкий, спаянный отряд, дружный в любой обстановке, а мальчишки дерутся с девчонками прямо у меня на глазах.

Не вяжутся концы с концами, хоть плачь!

Никакой я не педагог, а просто Фатима, без всяких способностей и талантов.

Сколько книг перечитала я о пионерских походах, сколько инструкций и методических «разработок»! Казалось, все так ясно, понятно, бесспорно и не вызывает никаких вопросов. Но все оказалось не совсем так.

Сбор отряда, на который я рассчитывала, как на серьезную воспитательную меру, превратился сперва в перебранку, а потом и в драку.

Нет, вожатого, который не знает, как себя вести, надо гнать, гнать немедленно! Прошу вас сделать это, связавшись с райкомом комсомола.

Говорят, воспитатель должен быть таким-то и таким-то. Я изо всех сил стараюсь быть. Но разве можно превратить кролика в кенгуру? Нет, это невозможно!

Поверьте, стараюсь изо всех сил, и все равно результат один. Он равен нулю!

Мне даже и подумать страшно о том, что в начале учебного года мне придется рассказать на педсовете о проделанной за лето работе. Что я скажу? Что скажу родителям?

Каждую ночь я просыпаюсь с тревогой за ребят, а бывает, и вообще не могу уснуть. Вскрываю, чтобы посмотреть, всё ли в порядке, все ли здоровы, как там часовые.

Я чувствую себя не на месте. Прошу вас, Рустам-агай, учесть все это и рассматривать мое письмо как официальную просьбу об освобождении меня с начала учебного года от работы в школе.

С искренним уважением —

Ф а т и м а.

УТРО В ЛЕСУ

Стирка, штопка, ремонт рюкзаков занимают весь день.

Следующее утро отряд встречает все в том же лесу.

Нафиса кончила свои дела немного раньше других. У нее осталось время, и она отправилась в лес.

Солнце, как золотой пароход, пустилось в плавание по синеглобому морю неба.

Травинки облегченно вздохнули, сбросив с себя тяжкую но-

шу — серебряные капли росы, выпрямились, будто разогнули спину, стоят во весь рост, радуются солнцу.

Листья деревьев отряхнули капли вечернего дождя, как птицы, только что выкупавшиеся в воде.

Вся природа словно так и ждала появления солнца, и теперь, с его появлением, ожила, воспрянула, засверкала.

Вот вышла погулять по траве зеленая гусеница. Как бы опасаясь чего-то, остановилась, осмотрелась, снова пошла, то выгибаясь в дугу, то вытягиваясь в струнку. Она поднималась вверх, измеряя своими шагами стебель травинки.

У каждой сороконожки — свой аршин.

Нафиса наблюдает за гусеницей и улыбается.

Такая слабенькая эта гусеница, такая маленькая, а хитрая!

Только к ней подойдешь, она тотчас сворачивается калачиком и лежит. Будто мертвая! А вот попытаешься тронуть ее или взять в руки — еще сильнее, еще круче сворачивается, еще больше отвердевает ее тельце. Сбросишь ее с травинки на землю — некоторое время будет лежать неподвижно. Но едва покажется ей, что опасность миновала, снова выпрямится и мгновенно спрячется под какой-нибудь листок.

А вот из муравейника выползли муравьи. Сложив передние лапки, они делают ими движения, похожие на умывание. А потом со всех ног бегут по каким-то своим делам в разные стороны. Не проходит и минуты — возвращаются. Кто тащит соринку, вдвое или втрое большую, чем он сам. Кто муху. Кто еще что-то. А те, которые без груза, почтительно уступают дорогу.

С красноватого камня, увидев Нафису, прыгнула ящерица. Она хотела было погреться на камне, да вот, как на грех, послышались шаги человека, и пришлось юркнуть под камень, где было все еще по-ночному холодно. А оттуда — подальше от человека.

А вон и ежик. Тоже хитруша. Едва почуял Нафису, свернулся, стал похожим на маленькую серую кочку. Попробуй найди, даже если приблизительно знаешь, где он. А найдешь — тоже не возьмешь голыми руками.

Пригрело солнышко и птиц.

На густой липе сидят они, наклонив набок голову, словно застенчивые, стеснительные девочки, искоса поглядывают на гостью. Они ведь не знают, что Нафиса хороший человек и не станет их трогать.

Но вот, кажется, поняли. И запрыгали, заскакали с ветки на

ветку, с дерева на дерево, чирикая и посвистывая, нанизывая свои голоса на солнечные лучи, словно они вовсе и не лучи, а линейки в нотной тетрадке.

А вон там — белочки. Они любят высоту, скачут с одной верхушки на другую, иногда кажется, что они просто-напросто летают по воздуху, и в этот момент они становятся похожи на летучих мышей. Белочки тоже присматриваются к Нафисе и тоже вскоре убеждаются, что она девочка добрая и ее не надо бояться.

Кто знает, может быть, здесь еще не ступала нога человека? Может быть, отряд тальгашлинских пионеров — первооткрыватель этих мест?

Так подумалось Нафисе. Но ей суждено было тут же разочароваться в своих надеждах.

На коре липы, под которой она стояла, девочка увидела безжалостно вырезанные ножом белые буквы: «С» и «Э».

ЗИНАТ САЙФУЛЛИН

Первое, что бросилось ребятам в глаза на пристани Олдяк, было множество военных.

Солдаты, заведя приближающиеся лодки, весело приветствовали ребят, шутили:

— Эй, моряки, пехоту прокатите?

Когда первая лодка, в которой сидели три друга — Юлай, Иршат и Сабит, — причалила к берегу, один солдат попросил лодку «на полчаса», снял гимнастерку и с наслаждением отправился загорать на середину Караидели.

— Надо, пожалуй, узнать историю этой воинской части, — сказала Фатима.

— Но они ведь все молодые, а мы ищем партизан, — удивился Юлай.

— Наши воины знают историю своей части. Может быть, и здесь найдется что-нибудь интересное для нас.

Говорят, попытка не пытка. Ребята мало верили в успех, но раз Фатима сказала, значит, надо выполнять.

Летописец Иршат достал «Партизанскую книгу», обогащенную теперь письмом самого Блюхера с печатью сельсовета, и отряд двинулся по направлению к штабу части.

Из бюро пропусков Фатима позвонила адъютанту командира.

Командир разрешил пропустить в распоряжение части всех пионеров по одному пропуску, в котором указано количество гостей.

Он ждал ребят в красном уголке.

Во главе длинного стола, накрытого зеленым сукном, сидел седой военный с добрым лицом; на кителе его пестрели многочисленные орденские планки. Он был уже не молод, но военная форма придавала ему бравый вид.

— Здравствуйте, товарищ полковник! — сказала Фатима.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — наперебой закричали ребята.

— Здравия желаю! — улыбнулся полковник.

По его приглашению следопыты уселись вдоль стола, с обеих сторон, и притихли.

— Ну, рассказывайте! — снова улыбнулся он.

Ребята смущенно молчали.

— Мы сами пришли к вам за рассказами, — сказала Фатима.

— За рассказами? Рассказы — это в библиотеке! — засмеялся полковник.

— Нет, мы ищем такое... Такого в библиотеке нет. Мы собираем материалы о партизанах гражданской войны, воевавших в наших краях.

— А, это другое дело, — понимающе закивал полковник. — Но было бы лучше, если бы вы задавали конкретные вопросы.

— Хорошо! Вот! — И Фатима развернула перед полковником «Партизанскую книгу» на том месте, где было переписано письмо Блюхера.

Несколько секунд полковник читал письмо, потом поднял голову и сказал:

— Как говорится, на ловца и зверь бежит. С мальчиком, о котором писал Василий Константинович, я был знаком...

Ребята восторжеслись. Видя такое внимание со стороны своих юных слушателей, полковник распрямился, заговорил громче:

— Зинат Сайфуллин пришел к нам в партизанский отряд где-то под Красноустьинском. Он был не один, а вдвоем с товарищем, который выглядел старше его лет на пять. Кажется, товарища этого Ахметом звали. Точно не помню. Пришли они и просят, чтобы их взяли в отряд. Я в это время обед готовил.

Поваров не было, сами готовили. Комиссар мне говорит: «Михаил, накорми пацанов». Я дал им по куску мяса, они съели за одну секунду, видно, голодные были очень. «Вкусно?» — спрашивает комиссар. «Ага!» — «Ну, в таком случае немедленно отправляйтесь по домам!» Приуныли ребятишки, да делать нечего, ушли. Но ушли не домой, а в другой партизанский отряд, а когда и там получили отказ, направились в третий. Так вот и ходили, пока не узнал о них сам Василий Константинович Блюхер. Вызвал он их к себе, порасспросил и дал приказ зачислить на довольствие.

— Что значит «на довольствие»? — спросил Мидхат, слушавший рассказ полковника с приоткрытым ртом.

— Да подожди ты! — толкнул его Иршат.

— Это значит, — улыбаясь, ответил полковник, — что одели ребят, обули и кормить стали, как взрослых партизан. Все честь по чести. Но на боевые дела мальчишек не брали. Берегли. А они обижались, переживали. Им хотелось стрелять, а держали их во втором эшелоне, и было им скучновато. Вот и начали баловаться. Взял Ахмет винтовку боевую — ну, у кого-то из партизан взял без спросу, и всё — и начал ею перед другом своим Зинатом выхваляться. То на плечо винтовку вскинет, то приклад прижмет к щеке, то в дуло заглянет. Играл, играл да в какой-то момент курок и нажал. Винтовка бабахнула, ранил себя Ахмет в левое плечо, дешево отделался: чуть пониже — в сердце бы угодил. Ну, попал малый в госпиталь, не побывав в бою.

— А Зинат? — прошептала Нафиса.

Но полковник слышал ее.

— Сейчас расскажу. Пока Ахмет в госпитале был, случай представился: в разведку мальчишку решили послать. Ведь что ни говори, а там, где взрослый не пройдет, мальчишка проберется. Вот и взяли Зината. Справился Зинат. И хорошо справился. С этого дня стали к нему относиться с уважением. Еще раз послали, потом еще и еще. Постепенно стал он настоящим разведчиком. Василий Константинович наградил его именными часами. Эти часы Зинат всем показывал. Я тоже их видел. «Павел Буре» с серебряной цепочкой.

— Ой! — сказала Нафиса. — Вот бы нам найти эти часы! Интересно, где они сейчас?

— «Где, где!» — грубо оборвал ее Мидхат. — На печке у бабушки!

Фатима покраснела, а полковник сделал вид, что ничего не случилось, и продолжал:

— И вот однажды говорит Зинату командир: «Сегодня пойдешь вместе с Шарафом». Это было, пожалуй, даже больше, чем золотые часы. Надо знать, кто такой Шараф, чтобы понять, какое должно было быть доверие к человеку, чтобы послали его вместе с ним.

— Мы знаем! — сообщила Нафиса.

На этот раз Мидхат дернул ее за косу.

— Задание было серьезное, очень серьезное, — сказал полковник. — Вы слышали, наверно, что партизанская армия Блюхера, сформированная в Белорецке, шла сначала на Оренбург. Значит, вот сюда. — Полковник провел пальцем по карте. — Затем, когда разведка донесла, что в Оренбурге скопились большие силы белых, командарм изменил маршрут и свернул на север, к Уфе. — Полковник ткнул пальцем в красный кружочек, изображавший Уфу. — Но пока блюхеровцы шли к Уфе, город заняли белочехи. Тогда Блюхер принял решение прорвать белогвардейский фронт в районе станции Иглино. Вот здесь. Прорвать, выйти к левому берегу Караидели, затем переправиться на ее правый берег и устремиться на соединение с регулярными частями Красной Армии. Понятно?

— Поня-а-тно! — ответили ребята, хотя многие из них думали не о планах командарма Блюхера, а о мальчике Зинате Сайфуллине.

— Ну вот. Но для того чтобы прорвать фронт противника, надо сперва узнать, какие у него силы, то есть сколько солдат, сколько пушек, пулеметов и прочего вооружения, знать, где все это сосредоточено. Вот тут-то и потребовался знаменитый Шараф Урмантаев. И в помощники ему дали Зината. Среди ночи проникли разведчики в Иглино, установили, что штаб белых находится недалеко от железнодорожной станции, в здании, где почта и телеграф. Еще кое-какие сведения раздобыли и утречком собрались в обратную дорогу. Да тут состав товарный прибыл, солдаты, оружие. Зинат вызвался разузнать, сколько чего. Отпустил его Шараф, а сам в лесу остался. Прошелся Зинат вдоль путей, пересчитал вагоны, присмотрелся. Назад идет, снова считает. Все, уходить можно. И тут, как на грех, патруль: фельдфебель с солдатами. «Ты чего здесь шляешься?» — спрашивает фельдфебель сердито. «Я? Я корову ищу. Корова у нас пропала».

Полковник посмотрел на своих юных слушателей и увидел, что им интересно.

Это порадовало полковника, он снова улыбнулся:

— «Какая такая корова на железной дороге?» — спрашивает фельдфебель. «Такая рыжая она у нас, с двумя рогами...» — прикидываясь дурачком, говорит Зинат. «Вот я те покажу с двумя рогами!» И фельдфебель приказал схватить Зината и доставить его в штаб. Привели, обыскали. Отобрали перочинный ножик и даже веревку, которой был подпоясан бешмет. В чулан посадили, заперли. Потом на допрос потащили. «Ты кто?» — спрашивает штабс-капитан. «Я Зинат». — «Откуда?» — «Из аула соседнего». — «За что задержан?» — «Не знаю, господин-агай, я корову искал, корова у нас пропала, рыжая такая...» — «Отпустишь мальчишку!» — сказал штабс-капитан, а сам зло на фельдфебеля смотрит: — Настоящие партизаны почему-то вам в руки не попадают, а таких вот хватаете. Герои! Знаете, на ком отыграться!.. Ступай», — говорит Зинату фельдфебель. «Не уйду!» — «Это еще почему?» — «Ножик отдайте!»

Следопыты дружно рассмеялись.

— Это Зинат нарочно затеял, чтобы подозрения у фельдфебеля исчезли, а штабс-капитан чтобы в своей уверенности утвердился, что Зинат — просто мальчишка и больше никто. Может, еще раз когда-нибудь встретиться придется... «А зачем нож у него отобрали?» — спрашивает штабс-капитан. «Так ведь оружие, ваше благородие!» — говорит фельдфебель. «Дурак ты!» Отдали ножик Зинату, а он опять свое: «Не уйду».

Ребята снова рассмеялись.

— «Чего еще?» — спрашивает штабс-капитан. «Веревочку отдайте!» — «Ах вы сукины дети! — закричал штабс-капитан. — Что же, веревка, по-вашему, тоже оружие?» — «Так ведь, ваше благородие, — оправдывался фельдфебель, — на веревке-то ведь повеситься можно». Отдали Зинату веревку. И только он уходит собрался, влетает в штаб унтер-офицер: «Господин штабс-капитан, разрешите доложить, задержан перебежчик. Он передал важные сведения! Блюхер готовит наступление на Иглино. Оно начнется завтра утром, не позже». Штабс-капитан шагнул к телеграфному аппарату и начал диктовать то, что передал унтер. Телеграфист застучал ключом. Зинат схватил табуретку и, прежде чем белые успели опомниться, подскочил к аппарату и изо всех сил ударил по нему раз, другой, третий... «Шайтан-машина! — заорал он. — Нечистая сила!» Штабс-капитан опе-

шил, а фельдфебель кричит: «Не верьте ему, ваше благородие, не верьте! Он партизан, партизан!» Опомнился штабс-капитан, оглядел Зината с ног до головы и говорит: «А ведь верно, пожалуй! Партизан, шельма! Повесить его на этой его... веревке...»

Полковник сделал паузу, потом заключил свой рассказ:

— Повесить не повесили, а расстреляли.

— Где же он похоронен? — спросил Иршат.

— Похоронен Зинат Сайфуллин в братской могиле, вместе с Шарафом Урмантаевым на берегу Караидели, немного ниже аула Кызылъяр.

Фатима сказала следопытам, чтобы они подождали ее во дворе, а сама осталась с полковником и рассказала ему о своих тревогах и сомнениях.

Полковник снял трубку:

— Алло, Ганиев? Мне майора Ганиева. Это ты? Знаешь, брат, тут такое дело...

И он повторил все, что сказала Фатима.

Фатима внимательно смотрела на него, пока он разговаривал.

Наконец полковник положил трубку и сказал:

— Можете не беспокоиться: милиция в курсе.

— Еще раз большое спасибо, товарищ полковник!

— Вам спасибо, — ответил полковник. — Вы делаете доброе дело, воспитывая детвору на героических традициях армии и народа.

Распрощавшись с полковником, Фатима выбежала во двор, где ребята уже успели устроить такую шумную чехарду, что ей пришлось их успокаивать.

ЭСКАДРОН ИМЕНИ ШАРАФА

После звонка полковника Михаила Ивановича Лапина в милицию у Фатимы словно гора с плеч упала. Наконец-то развеялись сомнения, стало спокойнее на душе!

Раз о досрочном возвращении обратно не могло быть и речи (на это ни за что не согласились бы сами ребята), утешало, что милиция не стоит в стороне и, по-видимому, незаметно следит за действиями преступников и сможет в случае необходимости вмешаться и сказать свое слово.

Перед отправкой из Олдяка вожатая дала ребятам «увольнительную» на два часа, с тем чтобы они осмотрели следы раз-

рушенной крепости, заложенной еще в первой трети XVIII века. Своим заместителем и ответственным за экскурсию она назначила Юлая. А сама отправилась на берег, достала из вещевого мешка подушку и расположилась в лодке, чтобы хоть немного отдохнуть.

Уснула она мгновенно, едва только голова коснулась подушки. Так бывает, когда длительное нервное напряжение неожиданно сменяется душевным равновесием.

Между тем, едва следопыты вышли на берег, они сразу же обнаружили целую крепостную стену. Разглядывая ее и набивая карманы «пробами» камней из этой стены, наши путешественники не заметили, как толпа местных ребят, вооруженных деревянными мечами, окружила их со всех сторон.

— Эй, вы, может, вам тачка нужна для камней? Или вагон? — закричал мальчишка, стоявший впереди, видимо заводи-ла.

— А вы даже не знаете, что это такое! — ответил Юлай. — Живете здесь, а не знаете. Ржете только почему зря.

— Ржем? Это мы ржем? Что же, по-твоему, мы лошади? А ну повтори!

— Что вы лошади, я не сказал.

— Я понял, что ты сказал! А то сейчас все вы тут у нас заработаете на орехи!

— Ну, если насчет орехов, то они у нас тоже имеются! — спокойно ответил Юлай.

— Да? Ну хорошо же! — обозлился заводи-ла. — А ну, брат-ва, назад! — крикнул он своим.

По-видимому, у его команды была какая-то своя особая тактика боя, потому что, услышав приказ командира, она отступила шага на три и в одну секунду выстроилась в стройный ряд.

Заводи-ла крикнул следопытам:

— Ну что? Принимаете бой или трусили?

— Мы никого не боимся, — ответил Юлай, — и трусить не собираемся!

— Тогда чего же вы стоите? Принимайте бой!

— А как его принимать-то? — усмехнулся Юлай.

— Ха! Даже не знает, как бой принимают! Вооружайтесь сперва, а потом уж поговорим об условиях боя.

— А зачем нам вооружаться? — ответил Юлай. — Мы ваше оружие у вас отберем, и все тут.

— Ишь какой напелся! Врукопашную-то мы сразу не пойдем! Сначала встречный бой на дистанции.

И заводила дал знак своим. Те подняли над головами камни, которые они, наверно, давно уже держали в руках.

— Ничего, начинайте! — сказал Юлай.

— Чем же вы будете стрелять в нас?

— Я уже сказал: вашими камнями.

— Эге! За чужой счет не воюют! Сами камешки соберите! Мы вам не слуги!

— А как же трофеи? Их ведь тоже можно пустить в ход! — не растерялся Юлай.

— Дураки вы, вот кто! — заявил заводила. — А если мы в вас совсем не будем стрелять?

— Если противник не будет стрелять, значит, война не начнется! А раз войны не будет, то зачем нам вооружаться? — подержал Юлая Мидхат.

Заводила почувствовал, что у него не хватает логики, чтобы продолжать эту словесную перепалку, и, видимо желая показать, что в деле он более ловок, чем в разговорах, размахнулся и швырнул свой камень в стоявший неподалеку телеграфный столб. И не промахнулся. Камень отскочил от столба и шлепнулся на землю.

— Ну? — победоносно заорал заводила. — А теперь вы покажите, что вы умеете!

— Смотри! — Мидхат бросил камень в тот же столб и... промазал.

— Ур-ра! — закричала команда нападающих.

— А ну, погодите! Давайте на меткость — команда на команду! — предложил Мидхат.

— Давайте!

— Давайте!

И обе команды принялись беспорядочно швырять камни в телеграфный столб.

Кто-то угодил в ролик, посыпались осколки.

И надо же: именно в этот момент показалась на горизонте Фатима с каким-то человеком в шляпе и в очках.

— Полундра! — крикнул заводила, и вся его команда, словно по мановению волшебной палочки, исчезла.

Остался только он один.

— Разве так, Махмутов, встречают гостей? — укоризненно качая головой, сказал заводиле человек в шляпе. — Пригласили

бы своих сверстников в школу, показали бы им наш музей. Ну, подожди, представься, что ли! Подожди, подай руку, не стой.

Заводила молча подал руку Юлаю.

— Это Махмутов, староста школьного кружка юных техников. Пригласи товарищей к нам. Ну?

Заводила отвернулся.

— Спасибо, агай,— ответила Фатима,— мы уж как-нибудь в другой раз, может быть, на обратном пути.

— Вот видишь, что ты наделал своим поведением! Позор!— проворчал человек в шляпе, недовольно глядя на заводилу.

— А что он наделал? Ничего он не наделал! — вступился за заводилу Мидхат.— Хороший человек.

Заводила усмехнулся, с благодарностью глянул на Мидхата.

— Ну, будь здоров, Махмутов. Приезжай к нам в Тальгашлы,— сказал Юлай.

Заводила, предчувствовавший, что ему еще влетит, когда гости уйдут, пожал руку Юлаю.

Когда человек в шляпе ушел, заводила Махмутов закричал:

— Эскадрон, выходи строиться!

И, словно из-под земли, опять появился его «эскадрон».

— Равняйся! Смирно! — подал команду Махмутов. И, подойдя к Фатиме, доложил: — Товарищ главный гость! Эскадрон имени Шарафа выстроен, чтобы приветствовать вас и ваших солдат!

— Вольно! — засмеялась Фатима.

— Так бы сразу и сказал, что вы имени Шарафа! — сказал Юлай.— Тогда бы мы с вами и спорить не стали.

— А вы небось и не знаете, кто такой Шараф! — улыбнулся Махмутов.

— Знать-то знаем, но приблизительно,—согласился Юлай.— Хотели бы узнать побольше. Можете рассказать?

— Кое-что можем. И фото можем подарить.

— Портрет Шарафа? Вот это здорово! — закричали все.

НА СТАРЫХ РАЗВАЛИНАХ

Эскадрон имени Шарафа каждое утро собирался на берегу Караидели, на развалинах старой крепости. Подобно тому как Петр I, будучи подростком, обучал свои «потешные полки», тренировал своих эскадронцев и заводила Махмутов.

Это были непрерывные маневры, на которых Махмутов, разбив своих солдат на «красных» и «синих», гонял их без передышки целыми днями.

Так было и в день пребывания в Олдяке следопытов из Тальгашлы.

Именно перипетии «боевых действий» привели эскадронцев и их предводителя на старые развалины.

Когда следопыты отчалили от берега, прерванные маневры были продолжены.

Сам Махмутов воевал, конечно же, в составе «красных», потому что «синим» быть никому не хочется и вряд ли найдется заводила, который не использует своего «служебного положения» для того, чтобы попасть именно в «красные».

Группа разведчиков под его командой ринулась обследовать берег Караидели, чтобы выработать правильную линию наступления на противника.

И вот в какой-то момент разведчики услышали доносившиеся из-за берегового утеса голоса. Они притаились, надеясь застичнуть противника врасплох.

Махмутов почувствовал себя полководцем.

Его группа окружила подозрительное место.

Сам он ползком, по-пластунски добрался до вершины утеса. То, что он увидел, не имело никакого отношения к задуманной им военной игре. На берегу стояли трое взрослых.

Один из них был человек в нахлобученной на лоб шапке, второй — высоченного роста, третий — маленький, толстый.

Махмутов собирался уже дать группе команду двигаться дальше, но одно неожиданное обстоятельство его задержало.

— Зачем,— кричал человек в шапке,— зачем, я тебя спрашиваю, ты куртку украл? Болван, и только! Я ведь не говорил тебе, чтобы ты это делал! Насторожил только эту девчонку Фатиму и всех ее щенков! Где куртка? Дай ее сюда!

«Фатима и ее щенки...— промелькнуло в голове Махмутова.— А не те ли это ребята, которые только что уплыли?.. Ведь их вожатую-то как раз и зовут Фатимой!..»

И Махмутов впился глазами в людей, которые, по-видимому, нанесли ущерб тем, кого Махмутов считал теперь своими друзьями.

Долговязый человек порывлся в своем рыбацком мешке, вытащил оттуда серую куртку и отдал человеку в шапке.

— Больше никогда, ничего, нигде не смей делать без моего

приказа! Понял? — Человек в шапке бросил на долговязого злой взгляд. — А лодка где? — обернулся он к толстяку. — И ее нужно отдать пионерам.

Толстяк кивнул головой и пошел к берегу. Человек в шапке и долговязый пошли за ним.

Махмутов не мог спуститься на берег, чтобы выслеживать эту троицу, — его бы сразу заметили, — поэтому он пополз по скалам, сверху наблюдая за ними.

Вот дошли они до маленькой бухты, замаскированной листовой плакучей ивы. Присмотревшись, Махмутов увидел, что там спрятана лодка.

Налетел ветер, и Махмутов не расслышал, что говорил человек в шапке толстяку. Но по жестам понял, что он снова ругает его.

Потом человек в шапке пошел куда-то, а двое остались стоять.

Через некоторое время человек в шапке подкатил к бухте на моторке, подцепил лодку к своей и во весь опор помчался вниз по реке.

Махмутов продолжал наблюдение за оставшимися.

— Шел бы он, этот Закирьян, ко всем чертям! — сказал длинный. — Нос задрал!

— Мне, честно скажу, хотелось по шее ему надавать, — отвечал толстяк. — Подумаешь, отобрали у этих пионеров лодку, ну и что? А в куртке-то нож был, я для Закирьяна и старался, он ведь сам просил. А теперь, видишь ли, передумал. А я откуда знаю?

— Давай его... того... а? — сказал длинный.

— Э, нет! Грех на душу брать не стану! — покачал головой толстяк.

— Грех! Эка невидаль, грех-то! Ты что, никогда не грешил, что ли? А вот он тебя так прижмет, так прижмет, вот увидишь, что и сам мою песенку подтянешь! Погоди!

— Ну, проживем — увидим, — осклабился толстяк.

И они зашагали с берега прочь.

Махмутов продолжал наблюдение.

Он решил выследить этих людей, которые, как теперь было ясно, делали какие-то темные дела.

Наткнувшись на одного из своих разведчиков, он велел передать группе, чтобы она без шума, скрытно, на расстоянии следовала за ним.

САМИ С УСАМИ

Тем временем следопыты спокойно плыли по чудо-реке Ка-раидели, плыли и радовались жизни, радовались тому, что не зря побывали в Олдяке, что «Партизанская книга» пополнилась теперь такими страницами, о которых не стыдно будет написать дальневосточным пионерам.

Наливались знамена
Кумачом последних ран,
Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан.

Пели дружно, от души, так что слышно было на плотах, которые шли на некотором расстоянии от пионерской лодочной флотилии. Конечно, слышно. Потому что слышно было и следопытам, как громко перекликались между собою из конца в конец плотогонны, как подавали они команды, кричали.

Сразу было понятно, что это настоящие плотогонны, а не какие-нибудь самовольные порубщики вроде тех, которые прятали бревна на острове и под покровом ночи сплавляли их куда-то.

Ребятам было веселее двигаться от сознания, что где-то рядом с ними работают эти сильные люди, эти труженики могучей реки.

Так прошел день.

Плотогонны, видать, тоже устали и причалили на том же месте, где ребята. Оказалось, что где-то рядом стоит их шалаш, который они соорудили еще месяц назад и который верно служил им во время стоянок.

Среди плотогонов сразу увидели пионеры своего человека, своего земляка деда Юсуфа.

— Юсуф-агай, Юсуф-агай! — закричали они и бросились к нему.

— Ай-вай-вай! — обрадовался и дед Юсуф. — А я-то думаю, что-то кто-то на кого-то похож! И Иршат, и Юлай, и Сабит, и Нафиса! Вот так так! Ай-вай-вай! Вот вы, оказывается, куда собирались!..

Эх, родные места! Есть в них какая-то непонятная притягательная сила. И стоит только всего на каких-нибудь сто километров уйти в сторону, как тянет обратно, манит к берегам детства, а родной дом, которого раньше вроде бы и не замечал, каждый день переступая его порог, кажется теперь дорогим сказочным

дворцом. Так уж устроен человек. И потому стоит ли удивляться, что земляк земляку рад-радехонек вдали от дома.

Радостным возгласам, наверно, не было бы конца, если бы старый Юсуф не нахмурился внезапно и не спросил:

— Ну, а эти ваши... как их... рассказы-масказы, записамиси?

— Хорошо, Юсуф-агай, очень хорошо! Мы баит про одного партизана-разведчика записали. Шарафом звали его. И даже письмо Блюхера нашли. И про мальчика-героя узнали, про Зината Сайфуллина.

— Про Зината, говоришь? Так для этого не надо было вовсе трогаться с места! Про Зината я сам три ночи подряд вам рассказывать могу.

— Как?! Вы знали Зината Сайфуллина?

— А чему тут удивляться? Я ведь все время вам говорил, что мы, тальгашлинцы, и сами с усами! Ну, да уж ладно, раз вы все равно меня, старика, не послушали, так плавайте себе на здоровье!

Пионеры и плотогоны вместе развели костер, ребята сварили суп из концентрата, картошку и чай, угостили всем этим плотогонов. Те не остались в долгу и роздали всем следопытам печенье и пряники, закупленные на лесопристанях Кирзья.

Плотогоны рассказали, что идут со своими плотами до Павловска, на строительство новой гидроэлектростанции. Из бревен, которые они сплавляют, будут строиться дома.

— Юсуф-агай, расскажите, пожалуйста, о гражданской войне,— попросил Иршат, раскрывая «Партизанскую книгу».

— А ты записывать будешь? — усмехнулся Юсуф.

— Да.

— Так лучше дома запишешь.

— Нет, нет! — начали просить ребята.— Сейчас, сейчас!

— Ну, сейчас так сейчас,— согласился Юсуф.— Слушайте. Я расскажу вам о Зинате не так, как другие, а как рассказывает человек, который видел его, как вот вас. Откуда он был родом, не помню. Вроде бы из Атлыкаева.

Старый Юсуф закурил, и на лице его появилось выражение торжественности и важности.

— Значит, в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году дело-то было. В июле или в августе. Пятнадцать тогда мне сровнялось. Слух прошел, будто бы Блюхер где-то недалеко со своими партизанами ходит. Уфу вроде бы взять намеревается. Соби-

раются, значит, мужики и разговор ведут, совет держат: что делать, как быть, как Блюхеру пособить. И тут, на счастье, человек появляется толковый — Шараф Урмантаев. Он тоже из этих, наших краев родом. Воротился он тогда со службы солдатской, там, говорят, с людьми учеными встречался, ума-разума набирался. Сколотил Шараф отряд из наших жителей. Человек двадцать, то ли двадцать пять. Взрослых, конечно, а нас, ребят, не брали ни в какую. А нам-то ведь тоже с врагами Советской власти повоевать хотелось. Родители мои к тому времени умерли, так что плакать по мне некому было, вот я и пошел. Ну, по пути еще одного такого, как я, подцепил, Зината. Тоже, значит, в армию идет. Был в ауле Каран-Елга у тетки, что ли. Ну, а от тетки легче, чем от родителей, уйти. Сказал ей, дескать, домой вернуться хочу, ну, и поминай как звали. Являемся это мы, значит, к партизанам, командиру отряда прямо так и говорим: «Дайте нам оружие, поскольку хотим воевать». — «Пожалуйста, — говорит командир, — оружия у нас пруд пруди, а такие молодцы, как вы, для нас любого оружия важнее!» Дали нам сразу по винтовке боевой и, стало быть, с ходу в сражение отправили.

Юлай толкнул Иршата локтем: что такое мелет старик, ведь полковник Лапин совсем по-другому рассказывал. Но мальчишки пожалели старика и промолчали.

— Пойдите, Юсуф-агай, пойдите! — спохватилась Нафиса. — Так ведь с Зинатом другой мальчик был!

— Как — другой? Я был!

— А нам говорили, что другой.

— Кто же это вам говорил? Он там не был, а я был!

— Ну ладно, ребята, — вмешалась в разговор Фатима. — Послушаем сначала, а уточнять будем потом.

— Приняли нас, как гостей дорогих, — немного успокоившись, снова заговорил Юсуф. — Кругом пальба, стрельба, ба-ба-ба! Тра-та-та, тра-та-та! Ну, я тоже как пальну! Раз, другой, третий! Кричу Зинату: «Давай, Зинат, и ты стреляй!» Тут меня самого ранило. Вот сюда, в левое плечо.

И, расстегнув рубаху, Юсуф показал на своем загорелом теле след старой пули.

— Хвастает старикан, — шепнул Юлай Иршату.

— И долго вы в госпитале пробыли? — спросил Иршат.

— Нет, недолго.

— А что делал Зинат, пока вы были там?

— Зинат? Он ждал меня. Без меня в бой идти не хотел. Подружились мы с ним, вот ведь в чем дело-то!

— А кроме вас двоих, ребят больше не было?

Юсуф обиженно посмотрел на Иршата: что, мол, он ему, старику, допрос устраивает.

— Не было! — буркнул он.

— А вот нам полковник не так рассказывал!

— Полковник? А что он, твой полковник? Мало ли полковников на свете! А я ветеран гражданской войны! Ясно? А полковник твой, когда мы воевали с беляками, наверно, еще и не родился!

— Как же так! Был он и на гражданской! — не выдержал Юлай. — И сам в боях участвовал, в армии Блюхера!

Услышав это, дед Юсуф смутился.

Юлай и Иршат даже пожалели, что пристали к нему.

— Пока я в госпитале был, — признался Юсуф, — Зинат в разведку ходил. И не раз. Блюхер ему за храбрость часы подарил. А потом... потом он погиб, Зинат...

— Все правильно, только одно непонятно, — сказал Иршат. — Друга Зината, ну, его товарища, который с ним вместе к партизанам пришел, не Юсуф звали, а Ахмет!

Однако, к удивлению Иршата, дед Юсуф после этого вопроса сразу оправился от смущения:

— Ха-ха! Так я-то по паспорту Ахмет Юсуф — имя-то двойное!

Иршат обрадовался, что и недоразумение объяснилось, и Юсуф тоже был очень доволен.

— Юсуф-агай, а про Карабаша вы знаете? — спросил Сабит.

— Тьфу! Карабаш! Зачем вам Карабаш? Не хватало еще о таких разбойниках записи вести! Вы о людях добрых пишете, чтобы все рэхмэт¹ говорили. А врага надо знать как врага! Пока жив — остерегаться, а помер — забыть!

— Нет, Юсуф-агай, — возразил молодой плотогон, — неправильно ты говоришь. О вражьих кознях тоже знать надо. Знать будешь — не повредит, а помочь может. Вот, помнишь, нашли как-то в Павловске, на стройке, горшок с серебряными монетами. Откуда, что? Кто знает, может, это как раз и были следы этого Карабаша или еще какого преступника. А по следам и самого зверя находят!

— Ну ладно, ладно, спать пора! — проворчал Юсуф. — Молодые все нынче умные такие пошли. Особенно дети...

¹ Р э х м ъ т (башкир.) — спасибо.

РАНЕННЫЙ МЕДВЕДЬ

Утром плотогоны пригласили ребят на плот. Лодки привязали к плоту сзади, а путешественники расположились на «корабле» своих новых друзей.

Пришел новый день. Нарядный и добрый, теплый и веселый. Завтракали на берегу. Беседовали, смеялись, шутили.

Плотогоны высвободили толстые канаты, протянутые с обеих сторон плота к берегу, и плот снова тронулся в путь. Тотчас же пришли в движение весла, каждое из которых состояло из двух довольно внушительных бревен.

Поначалу казалось, что плот, составленный из доброго десятка звеньев, не желает повиноваться плотогонам, поворачивается туго и неохотно, как бык. Но плотогоны уверенно оттянули в нужную сторону головную его часть, и он, словно ковер-самолет, покорился воле человека.

Бык был загнан в борозду.

Ребята, руки которых были на этот раз свободны от весел, с особым интересом рассматривали берега.

Когда плот миновал причалы лесопристаны Ясь-Елга, откуда-то донеслись до их слуха звуки, напоминавшие не то мычание, не то рычание, не то еще что-то в этом роде.

— Медведь, да раненый, видать, — сказал старик Юсуф.

— Эх, посмотреть бы на него! — вздохнула Нафиса.

— Все девчонки кровожадны, — высказался Иршат. — Какое удовольствие смотреть на раненого медведя?

— Вот ты и есть девчонка, раз крови боишься! — заступилась за подругу Айгуль.

Но вот за поворотом реки, за вторгшейся в Караидель грядой скалистых гор, на отлогом месте, где течение было сравнительно умеренным, все увидели медведя прямо в воде. Он барахтался у берега, зло рыча и как-то странно подлаивая, время от времени ревел во весь голос, вытягивая шею и поднимая морду вверх, словно взывая о помощи.

— Вот он, вот, медведь! — закричал Юлай.

— Что он там делает? — проговорил Иршат. — Тащит что-то... не может вытащить...

— Тонет мишка, тонет косолапенький! — запричитала Нафиса.

Она не знала, что бывают медведи-пловцы, которые не тонут даже в самых глубоких местах и омутах. Такие медведи едва ли

не пол-лета проводят на старицах и озерах, на тихих, безлюдных реках и ловко охотятся за рыбой.

Но почему же этот рыболов так ревет? В капкан угодил, не иначе. Где-то, наверно, замаскирована ловушка — то ли в прибрежном песке, то ли в реке.

Медведь делал отчаянные попытки вырвать откуда-то, кажется из воды, переднюю лапу, но напрасно. Это ему никак не удавалось, и он все громче ревел.

В большинстве случаев медведь для человека не опасен, не нападет на человека первым, но такой вот разъяренный медведь страшен. Он может наброситься и на того, кто не причинил ему никакого вреда. Есть даже такая башкирская пословица: «Не тронь медведя — стороной обойдет, покажи ему нож — поцарапает, рану ему нанеси — в куски разорвет».

Юсуф учитывал все это. Он понимал, что плыть рядом с разъяренным медведем, имея на плоту ребят, небезопасно. Не было бы их, можно было бы рискнуть, а в случае чего — сразиться с косолапым.

И Юсуф постарался осторожно направить плот к противоположному берегу.

В какой-то момент плот поравнялся с медведем, и стало видно, что он все энергичнее и злее старается высвободиться и выйти из воды. Но все сильнее тянуло его вниз, и он то погружался в воду, то снова появлялся над ее поверхностью.

— Капкан! — сказал Юсуф.

— И в капкане том пружина есть, — высказал догадку молодой плотогон.

— А ну-ка, поворачивай к нему! — неожиданно для самого себя переменял свое решение Юсуф. — В капкане медведь не страшен! Он ведь и с места сойти не может.

Длинный плот остановился.

Ребята, которые не отрываясь следили за каждым движением медведя, увидели, что на какое-то мгновение он выдернул завязшую лапу из воды. И вдруг мелькнуло перед их глазами что-то длинное и тяжелое, совсем не похожее на капкан.

— Там вроде бы что-то живое, — сказала Фатима.

— И-и, уж не рыба ли? — прищурился Юсуф. — Поди, щупа, а?

Грохнул выстрел. Все вздрогнули от неожиданности.

Медведь нырнул в воду, затем, встав на задние лапы, зарычал грозно и зло и, рванувшись неистово, потащил за собой это

самое «что-то», тянувшееся за ним и словно служившее продолжением медвежьей лапы.

На прибрежной скале показался человек с ружьем.

Что-то знакомое было в его длинной, худощавой фигуре.

— Это он, он! Рыбак! — сказал Иршат.

— Он, он! — подтвердил Мидхат.

Человек посмотрел в сторону плота и тут же исчез за скалой.

БЕЛУЖЬЯ УХА

Если рассказать кому-нибудь, каких усилий стоило медведю победить белугу (а ведь оказалось, что косолапый боролся именно с ней), вряд ли этому поверят. Смешно, право: медведь сражается с... рыбой! Но что было, то было. Собственно говоря, рыбы-то разные бывают. Акула тоже рыба. И, видимо, в характере и хватке белуги тоже есть что-то акулье.

Немалых усилий стоило топыгину вскарабкаться на крутой скалистый берег, таща за собою свою жертву, жертвой которой едва не стал он сам.

Но когда дело было сделано, белуга не могла уже сопротивляться. Нет, она попала на сушу. И, подобно Антею, оторванному от земли, мгновенно потеряла всю свою недюжинную силу.

Почувствовав себя хозяином положения, косолапый принялся отдиравать рыбину от своей окровавленной и разодранной лапы. Но даже и это оказалось не так-то просто. Челюсти белуги, видимо, свело в предсмертной судороге, и крепко впились они в медвежье мясо. Не видя иного выхода, медведь принялся грызть белужью голову и не успокоился, пока не удалось ему освободиться от острых и цепких белужьих зубов.

Но и освободившись, продолжал он реветь и выть, потому что, облизывая раны свои, ощущал, по всей вероятности, сильную боль.

— Подойди-ка сейчас к нему, — сказал старый Юсуф, — он те покажет!

Но вот медведь снова взялся за белугу.

— Прячет, прячет, — объяснил Юсуф. — Сейчас пойдет куда-нибудь в укромное местечко, отлежится после работы...

— Ничего себе работа! — расхохотался Иршат.

— ...а потом, поближе к вечеру, придет подзаправиться, да еще, пожалуй, семейство свое приведет.

И верно: оттащив белугу под большое дерево, медведь лапами

выкопал яму, уложил в нее свою добычу, а сверху забросал валежником и ветками. Полюбовавшись этой маскировкой минуту-другую, заковылял в лес.

— Кроме рыболовов, бывают среди медведей еще и сладко-ежки, которые ягоды едят, по большей части малину, и мед, — сделал научное сообщение Юсуф. — Такие пчел нисколько не боятся. К улью подойдут и рушат все наповал. Видывал я и медведей-муравьедов. Тоже не из трусливых. Подходит к муравейнику, ставит в него передние лапы. Муравьи набегают на них, думают, наверно, что с мишкой так же легко справиться можно, как с лягушкой, которую ничего не стоит им обглодать до самого скелета. Да не тут-то было! Слизывает их мишка со своих лап, как мед.

— И все-таки самые умные медведи — это рыболовы, — сказал молодой плотогон. — Знаете, Юсуф-агай, я как-то сидел вот так же на плоту утром раненько-раненько. Гляжу — залезает медведь в воду, входит по самую шею и сидит, ждет. Настороженный сидит, ну точно кошка. Сидит, не шевелится, ждет. Вдруг плеск-плеск. Он р-раз головой в воду — и хап рыбку зубами. А она бьется. Мишка важно выходит на берег, кладет добычу на землю и принимается завтракать.

— Да не всегда, видеть, так гладко бывает, — возразил Юлай. — Вот сейчас белуга мишку чуть самого не потопила.

— Какой он наш! — поморщился Юсуф. — Зверь — он зверь и есть. Ушел. Ушел, а жаль. Взять его могли бы мы, пожалуй. Зря отпустили.

— Зато он нам белужину такую вытащил! — сказал Иршат.

— Да, сынок, ты, пожалуй, прав. Что, если и впрямь зверя с носом оставить? А ну, ребята, отвяжите-ка мне лодчонку!

— Ой, что вы, Юсуф-агай, не надо! — забеспокоилась Фатима. — Чего доброго, еще вернется да набросится на вас!

— Хе-хе-хе! — захихикал Юсуф. — А белуга? А как же белуга? Такой ухи никто из вас ни разу в жизни не едал! Пальчики оближете! Язык проглотите! Внукам расскажете! Что, Юлай, правильно я говорю?

И хотя вопрос был обращен к Юлаю, дружно закричали все:

— Правильно, Юсуф-агай, правильно!

И вот старый Юсуф уселся в лодку. Молодые плотогоны не пожтели отпустить его одного и поплыли вместе с ним.

Кроме лопаты, на всякий случай захватили с собой плотогоны топор и два лома.

Сперва они направили лодку против течения и, только достигнув середины реки, бесшумно поплыли к берегу и причалили. Действуя ловко и проворно, отрыли белугу, не мешкая погрузили ее в лодку и снова поплыли.

Издали ребятам было видно, что белуга очень большая. Но только стоя рядом, можно было видеть, что в ней было не меньше полутора метров.

— Такие вот рыбины,— сказал Юсуф,— во время нереста идут в Караидель. Трудно им, таким вот переросткам, стало. Перегородили мы реки плотинами, хорошее дело сделали, да вот о рыбке-то и не подумали. А ведь люди ученые соображать обязаны, где такой рыбе икру метать, куда на нерест подаваться. Все собираюсь об этом в Москву написать, да как-то всё руки не доходят. Может, вы, молодые, напишете?

— Я напишу в «Пионерскую правду»! — сказал Иршат.

— В стихах! — в тон ему добавил Мидхат.

Все рассмеялись, а Иршат надулся.

— Напрасно зубоскалите, дело серьезное,— угрюмо проворчал Юсуф.— Вот когда ухи поедите, тогда поймете, что мы теряем из-за того, что порядок навести не можем. Уж раз мы сами своей земли хозяева, значит, хозяйничать надо с умом.

Ребята вежливо слушали Юсуфа, но, честно говоря, гораздо больше интересовала их белуга. Они с интересом рассматривали

ее острые и крепкие зубы и помутневшие рыжие глаза. Мощный хвост, огромные плавники. Крупную чешую.

— Эти чешуйки в коллекцию можно занести,— сказала Нафиса и оторвала несколько штук.

Они оказались величиной с пятнадцати-двадцатикопеечную монету.

— Ну, хватит! — поднял руку Юсуф. — Давайте делом займемся. Ужин прощальный устроим. Ведь завтра утром в Павловске будем. Там и расстанемся.

— Кто рыбу чистить умеет? — спросила Фатима.

— Я! — в один голос закричали Мидхат, Иршат и Юлай, хотя никто из них никогда не чистил рыбы.

Девочки молчали, и Фатима поручила им чистку картошки для ухи.

— А чем чистить? — спохватился Иршат.

Обыкновенным перочинным ножиком чистить такую белужину — это было все равно, что спичкой ковырять в зубах у мамонта.

И тут Юлай вспомнил про нож из серой куртки.

— Нет, этот нож не для чистки рыбы,— возразила Фатима. — И вообще — куртку потеряли, теперь хотите нож потерять?

— Да ничего не случится, Фатима-апай. Он ведь будет на виду, под общим присмотром. Куда же он денется? Дайте его мне!

— Почему это тебе? — вспыхнул Мидхат. — Ты, кажется, капитан, и этого с тебя хватит! Командуй комарами! А мы будем работать. Мне дайте нож, Фатима-апай!

Фатима послала за ножом Сабита.

Трое ребят едва не подрались из-за ножа.

Но едва Малик заметил, что Мидхат готов броситься на него, он с силой отшвырнул нож в сторону, и вдруг рукоятка ножа, ударившись о что-то твердое, раскололась пополам.

Фатима зажмурилась.

— Ай-ай-ай! — пропищала Айгуль, хотя она совершенно не понимала, какую ценность представляет собою этот нож.

Мидхат опомнился первым. Он нагнулся, взял в руки обе половинки рукоятки и лезвие.

Он хотел было отдать все это Фатиме, но неожиданно увидел в сердцевине рукоятки что-то похожее на маленький рулончик бумаги.

— Стойте, стойте! — заорал он. — Здесь что-то есть!

— Что? Где?

Юлай вырвал нож из рук Мидхата.

— Сейчас же прекратите все это! — металлическим голосом прокричала Фатима, и все вздрогнули. — Я приказываю сию же минуту возвратить нож мне!

Когда нож, вернее то, что от него осталось, оказался в руках вожатой, она сказала спокойно:

— А теперь подойдите ко мне и садитесь в круг. Вот так, хорошо. — Она развернула рулончик. — Написано арабскими буквами.

— Арабскими? — переспросил Юсуф. — А ну, покажи! Ага, что-то похожее на молитву.

Он то приближал, то удалял бумагу от своих глаз, как делают все дальновзоркие старики. Это придавало ему важность. Но не только это. Дед снова почувствовал себя «на высоте», и вдруг он, давным-давно окончивший лишь двухгодичную школу мед-ресе, так приосанился, что стал выглядеть едва ли не ученым.

— Сей-час, сей-час посмотрим, что здесь такое! Хотите послушать? Слушайте!

Оглядев ребят, Юсуф прочел текст, который и на самом деле напоминал какое-то таинственное заклинание:

— «Сын мой, тебе мое завещание. В двух местах остается клад: в устье реки Урюш и у озера Актау, в каменном строении, что с южной стороны...»

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Улучив свободную минуту, Иршат решил разобраться в своем поэтическом хозяйстве.

Он спрятался в кустах, чтобы никто ему не мешал, и разложил свои стихи прямо на траве.

Раскладка шла не как-нибудь, а по определенному плану: сперва башкирские стихи, потом русские (писал Иршат на двух языках), слева — стихи о природе, посередине — о школе, справа — о товарищах, юмор и прочие мелочи. Отдельное место было отведено еще зимой полученному Иршатов письму из редакции «Пионерской правды».

Письмо это было на красивом бланке, красными буквами значилось на нем название газеты, и на машинке было напечатано:

«Дорогой Иршат!»

Мы внимательно прочитали твои стихи.
К сожалению, в них еще очень много недостатков.
Ты плохо знаешь, что такое рифма.
Вспомни стихи М. Ю. Лермонтова:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Тут рифма точная: «одинокой — далекой», «голубом — родном».

Поэт четко соблюдает и стихотворный размер (ритм).

И стихи его звучат как музыка.

А твои пока трудно прочесть!

Бабушка сказала нам,
Что если мы будем плохо учиться,
То не будет подарков нам,
Надо не лениться.

«Нам — нам» — это не рифма.

Кроме того, ты, Иршат, не знаешь, наверно, что нельзя считать своими стихи, если они похожи на стихи какого-нибудь поэта. Так, ты пишешь:

Белеет школа одиноко
В тумане поля голубом.

Это ведь очень похоже на лермонтовский «Парус»!

Ты пишешь нам, что до сих пор и не подозревал, что у тебя есть талант, а вот на днях сел и написал сразу десять стихотворений.

Нет, Иршат, такие стихи — это еще далеко не признак поэтической одаренности. Получится из тебя поэт или не получится, сейчас сказать трудно. Но вообще, если ты хочешь стать культурным человеком (а без этого о творчестве нечего и думать), то ты должен много читать, много знать.

Внимательно читай произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Мажита Гафури и других поэтов.

Желаем тебе, дорогой Иршат, успехов в учении!

С приветом —

литературный консультант Л. Савоненков.

Школьный поэт получил это письмо еще во время зимних каникул. Он очень гордился этим письмом, но никому его не показывал: мало ли какие дела могут быть у поэтов, не обязательно всем об этом знать.

В стопке стихов о природе Иршат нашел незаконченное стихотворение, которое он собирался дописать.

Написано оно было по-башкирски и начиналось так:

Медведь с белугой дрался на реке,
Наш плот стоял притом невядалеке,
Мы ждали, чем все кончится и как,
Медведь белугой выл, бедняк.

Называлось это стихотворение «Баллада о белуге».

Чтобы начать думать, он, как делают это многие ребята, принялся грызть карандаш. Но мысли в голову не приходили. Может быть, надо грызть гусиное перо или хотя бы перо какой-нибудь другой птицы? Может быть, в этом секрет вдохновения?.. Иршат встал, походил по лесу, нашел перо сойки, погрыз его.

Но и это не помогло.

«Ну ничего, — подумал он, — в следующий раз».

АВАРИЯ

Плавание на плоту дает ни с чем не сравнимые ощущения.

Можно всю дорогу смотреть по сторонам, не обращая внимания на воду, — не то что в лодке, где надо грести, поворачивать руль, то есть отвлекаться от чудесных картин, которыми так богаты берега Караидели. А ведь если оторвать глаза от воды и долго смотреть на выстроившиеся в ряд и сменяющие друг друга горы, покажется, будто вершины вместе с покрывающими их соснами, огромные каменные глыбы и скалы — все словно движется тебе навстречу. И если закрыть глаза, долго еще не исчезнет это прекрасное видение.

А ночью... Ночью кажется, что движутся тебе навстречу даже звезды.

Освободившись от весел, наблюдаешь, как впадают в Караидель малые реки. Вот Урюш, например. Красивая речушка. И своенравная. Появляется она внезапно. Сперва ее не видно, но вот уж рассекла надвое могучую скалу и, норовя ворваться

в Караидель, идет некоторое время рядом с нею, словно дразня могучую реку.

А величаясь Караидель внимания не обращает на этикие детские шалости малой речушки. Как подобает взрослой реке, занята она своим делом — знай катит свои волны вперед и вперед да честно трудится, никого не страшится и, как бы между делом, вбирает в себя расшумевшуюся малышку.

...Позади остался дебаркадер с надписью «Урюш». Значит, миновали пристань и недалеко уж до Павловска, где должны плотогонцы расформировать и сдать строителям свой бревенчатый полюкораль.

Не спали мальчишки-следопыты. Девочки — те давно уж уснули, а мальчишки сидели как замороженные и смотрели, словно желая навсегда запомнить безмолвные эти берега.

Волны катились яростно, точно хотелось им ускорить движение плота. Но тот, как всегда, плыл спокойно и медленно. Казалось, это бесит крутые волны; казалось, готовы они растерзать ленивый плот.

Короткая летняя ночь тянулась на плоту долго.

Горы. Они тоже звали плот к себе, но даже и их красота не привлекала его, не могла преодолеть его равнодушие.

Но вот занесло плот совсем близко к берегу.

Крр-х!

Что это?

Плот резко остановился, и люди по инерции подались вперед, а Малик даже упал.

Головная часть плота наткнулась на какое-то препятствие, задние звенья, с силой ударившись о средние, вытолкнули их в сторону. В одно мгновение передняя часть оторвалась и пошла, пошла по воле волн и течения. А задние теперь уже поползли на средние.

На плоту поднялся шум.

Кричали все, но громче всех — Фатима:

— Лодки спасайте! Лодки!

Старшим дежурным был Иршат. Он прыгнул в одну из лодок и, перерезав веревку, которой она привязана была к плоту, погнал ее к берегу. Вторую лодку со всеми богатствами отряда и с его знаменем оседлал Юлай, третью — Асхат.

Быстро и умело работали плотогонцы.

Вскоре были прибиты к самому берегу и хвостовая, и головная части плота.

Начало светать. Плотогоны словно и не устали. Хотя это было нелегко, они взялись устанавливать звенья на свои места. Ребята и тут помогали как могли.

Фатима смотрела на своих озорников и не узнавала их. Вдали показался Павловск.

КЛАДОИСКАТЕЛИ

Простившись с плотогонами, путешественники вышли на берег.

Фатима не решила еще, оставаться в Павловске или нет.

Вожатая пыталась угадать, понравится ли Павловск юным следопытам. Думалось ей поначалу, что не понравится. Строительство, конечно, важное, большое, но ведь разобраться во всем этом комплексе работ не под силу, пожалуй, и взрослому человеку, не то что детворе.

Кроме того, находиться на стройке небезопасно: того и гляди, угодишь в траншею или кирпич упадет... Впрочем, ребята редко чего-нибудь боятся. Тут уж больше боялась сама Фатима.

В конце концов вожатая пришла к выводу, что лучше всего совершить короткую экскурсию по стройке и отчалить.

Но, к ее удивлению, ребята пожелали задержаться в Павловске на несколько дней. И так как на этот раз она решила не перечить им, решение было принято именно такое.

Секрет оказался прост: их охватила страсть кладоискательства. Надо же было старому Юсуфу сказать им о каком-то найденном в Павловске кладе! Да еще эта записка в рукоятке ножа!..

Где-то рядом гудел и пыхтел бульдозер, с бычьим упорством выравнивая грунт на своем пути.

Ребята пошли следом за ним.

Но Мидхату казалось это делом пустым. Он откололся от товарищей и увязался за землеройкой, прокладывавшей траншею для фундамента. Мальчик шел за машиной деловито и важно, словно был уверен, что землеройка вот-вот выдаст на-гора какой-нибудь невиданный клад. Но машина выплевывала все только глину да песок.

Однако Мидхат не отчаивался. Прихватив какую-то палку, он время от времени ворошил ею выбрасываемую землеройкой земляную россыпь.

— Салям, джигит! — услышал он за своей спиной чей-то знакомый голос.

Это был бакенщик.

— Здравствуйте, Закирьян-агай! — вежливо ответил Мидхат, сразу вспомнивший, какую помощь оказал бакенщик ему и Иршату.

— Я приехал сюда, чтобы вернуть вам вашу лодку, — весело улыбнулся Закирьян.

— Вот это здорово! — воскликнул Мидхат. — А то нас так ругали...

— Ничего. Зато теперь похвалят. Разве можно оставлять лодку всяким проходимцам! Нельзя!

— Ребята! — закричал Мидхат. — Все сюда!

Не прошло и нескольких минут, как путешественники вместе с Закирьяном спустились к берегу и увидели угнанную лодку в целости и сохранности.

— Надолго сюда? — спросил Закирьян Фатиму.

Фатима пожала плечами:

— Ребятам здесь нравится, а я думаю...

— Побудем, побудем! — заныли ребята, боясь, что вожатая передумает.

— Ладно, побудем, — улыбнулась Фатима.

— А что здесь хорошего-то? — сказал Закирьян, словно стараясь поддержать вожатую. — Строек таких нынче мало ли! Увидите еще...

— Мы ищем клад! — выпалил Иршат.

— Кла-ад? — иронически прищурился Закирьян. — Ну, если клад, тогда стоит и вообще тут остаться. Дело серьезное!

— Не шутите, Закирьян-агай, — сказала Нафиса, — вот ведь нашли же здесь что-то год назад. Нам рассказывали.

— Чепуха! — уверенно и твердо произнес бакенщик. — Клад — это ветер в поле. Он может оказаться здесь и в любом другом месте. До свиданья! Желаю успеха!

Мидхата слова бакенщика огорчили: хотелось непременно сделать что-нибудь необычное, а с кладом, кажется, тоже не получится.

И когда ребята, позавтракав в столовой для рабочих, отправились купаться, Мидхат неожиданно заявил:

— Хотите, я переплыву Караидель?

— Не хотим, — сказала Нафиса.

Он собирался было обидеться, но Иршат сказал:

— Переплыви, покажи девчонкам, что такое настоящий мужчина. А то ведь они радовались, когда лодка пропала, а теперь, когда все в порядке, молчат.

— Давай, давай! — закричали мальчишки.

Мидхат нырнул, показался только метрах в пятнадцати от берега и поплыл уверенным брассом, довольно быстро и решительно через широкую реку.

— Ну? Что? — Мальчишки посмеивались над Нафисой.

— А я и не говорила, что он не сможет, — отбивалась Нафиса. — Просто не люблю хвастунов.

— Хвастун тот, кто говорит, а не делает, — заметил Иршат.

— А тот, кто делает, тоже должен быть скромным, — вступилась за подругу Айгуль.

— Эй, пионеры! — закричали с дебаркадера. — Кто там у вас поплыл так далеко?

— А что? — ответил вопросом на вопрос Иршат.

— Там водоворот-от! Туда нельзя!

Рабочий в высоких резиновых сапогах подбежал к ребятам.

— Земляные работы, понимаете? Течение кое-где курс меняет, водоворот получается. Опасно для жизни!

Ребята растерялись.

— Что же делать? — проговорила Нафиса.

— Крикнем ему хором! — предложил Иршат. — Три-четыре: Мидхат! Мидхат! Мидхат! Скорей обратно!

Но Мидхат не отзывался.

— Эх, погибнет парень! — покачал головою рабочий. — Жаль, плавать не умею...

В эту минуту словно из-под земли вырос на берегу Самбосаит. Он быстро разделся, бросил фуражку, куртку, брюки прямо на песок и бросился в воду. Поплыл. Несмотря на трагическую ситуацию, ребята невольно залюбовались им. Его загорелая спина мелькала, как быстроходная ракета.

Через несколько минут он возвратился на берег, таща под мышкой потерявшего сознание Мидхата.

— Спасибо, Заки-агай, — сказал Юлай и, подняв куртку Самбосаита, хотел было передать ее хозяину, но тут из кармана ее выскользнули часы и сверток, из которого полетели в разные стороны какие-то фотоснимки.

Юлай бросился собирать их и при этом не мог не обратить внимание на то, что на всех снимках было запечатлено в разных поворотах и ракурсах одно и то же лицо.

Что-то показалось Юлаю знакомым в этом лице. Но кто это, Юлай не знал.

— Спасибо и тебе,— улыбнулся Самбосаит, взял у Юлая снимки и сам поднял часы.

— Э-э-э! — пробормотал Мидхат и открыл глаза.

Первое, что он увидел, были часы, которые держал в руке Самбосаит.

— Это те самые! — воскликнул он.

— Что «те самые»? — спросил Самбосаит.

— Часы! Те самые, которые я видел в палатке.

— Я знаю,— сказал Самбосаит.— Не надо волноваться. Тебе нужен покой.

БАЗАР В КРАСНОМ КЛЮЧЕ

Пристань Красный Ключ славится своим базаром. Именно базаром, а не рынком. «Базар» — так издавна называют его. А ведь, по существу, это рынок, да еще какой!

Приезжают сюда не одни только местные жители: едут издалека, плывут с верховьев Караидели, а часто — из самой Уфы.

Бывает базар в Красном Ключе не каждый день, а раз в неделю, по пятницам.

Туристам нашим повезло: они попали в Красный Ключ как раз в базарный день.

Народу было видимо-невидимо, базар гудел.

— Фатима-апай, разрешите побродить по базару! — попросили ребята.

— Хорошо,— сказала Фатима.— Но ровно в два быть у лодок. Семечек не покупать! Сырую воду не пить!

— Зна-а-ем! — хором ответили ребята и в одно мгновение растворились в толпе.

Юлай и Иршат держались вместе.

Сперва они шли молча, им не хотелось разговаривать, потому что базар привлек их своим многообразием и пестротой.

Уютно и живописно сидели на дощатых скамьях розовощекие и добродушные молочницы. О, молочница в Красном Ключе — это не просто молочница! Кроме молока и кумыса, творога, масла, сметаны и вкуснейшего домашнего сыра, торгует она еще и калеными семечками, огурцами разной степени посола, особым

способом зажаренной курицей, которую так и окрестили в народе «курицей из Красного Ключа», и, наконец, можно купить у здешней молочницы даже и рыбу — свежую и соленую, копченую и вяленую.

Это были дары Караидели.

Словно батальон, целиком состоящий из толстяков, выстроился ряд мешков с мукой. Дальше — мясо: на крючках подвешены бараньи туши и говядина, розовая телятина и свинина.

А вот и живность — привязанные к телегам и столбам овцы и коровы, в деревянных клетках-загонах — птица, кролики, поросята...

Впрочем, кроме огромных рыбин, ничто не привлекло особого внимания Юлая и Иршата. В самом деле, что они, не видали муки и мяса, овец и коров?

Не произвели на них впечатления и ряды, где продавались платья и вышивки, шали из козьего пуха, связанные искусными мастерицами.

Насмешил ребят продавец валенок и меховых шапок. Он то напяливал себе на голову шапку, которая была ему велика, то похлопывал валенком о валенок, то подмигивал проходившим мимо него покупателям.

Вдоволь наглядевшись на этого человека, который немного напоминал клоуна, ребята двинулись дальше.

Базар начинал уже надоедать им, как говорится, примелькался, но вдруг Иршат увидел в меховом ряду высокую фигуру одного из тех рыбаков, которые отняли у них лодку, возвращенную Закирьяном.

Иршат схватил Юлая за руку.

Рыбак торговал дорогими шкурами.

— Мех — первый сорт! — выкрикивал он весело и нахально, вертя перед носом покупателей красивой шкуркой.

— Где взял? — спросил кто-то.

— Где взял, там уже нет. Ты возьмешь здесь, здесь не будет!

— А охота на соболей запрещена! — не унимался ехидный покупатель.

— Я товар тебе показываю, — нахмурился рыбак. — Нравится — бери, не нравится — проваливай! Не мешай людям. Кто-то купить хочет, кто-то продать, а тебе бы только языком трепать!

«Вот оно что, — пронеслось в голове у Иршата. — Мало того, что он мошенник, так еще и браконьер!»

Юлай удивленно смотрел на Иршата, но молчал.

Отведя его в сторону, Иршат все ему объяснил.

— В таком случае, надо немедленно сказать о нем Фатиме, — сделал вывод Юлай.

— Ты прав, но где ее сейчас найти?

Ребята отошли к забору и там увидели Мидхата.

— Э, Мидхат, скорей сюда! — позвал Иршат. — Ты знаешь, мы рыбака видели, того, ну...

— И я видел его! — ответил Мидхат. — Он белугой торгует.

— Белугой?

— Ну да.

— Так это ты, наверно, другого видел.

— Толстого.

— А-а! Ясно. А мы — длинного.

— Так, значит, они оба здесь промышляют!

— Скорее надо Фатиму найти!

— Пошли! Только давайте рассредоточимся, — предложил Юлай. — В разные стороны пойдем, тогда кто-нибудь из нас обязательно увидит Фатиму.

Так и сделали, «рассредоточились».

Мидхат, едва немного отдалился от своих друзей, натолкнулся на человека, который в последнее время просто-напросто не выходил из головы.

Это был не кто иной, как старик из палатки. Тот самый старик с бородкой, который все время ускользал и исчезал.

День необычайных встреч!..

Мидхат решил, что на этот раз во что бы то ни стало задержит проклятого старика. Но как? Ведь стоит отойти от него буквально на шаг, и он скроется в толпе. А самому Мидхату нечего и думать о том, чтобы самому справиться со стариком. Старик он или не старик, а все-таки взрослый, а Мидхат хоть и молодой, да, пожалуй, слишком...

Однако произошло чудо.

В следующее мгновение Мидхат увидел Закирьяна.

С криком радости бросился он к бакенщику.

— Закирьян-агай, Закирьян-агай!.. — закричал он, но тут же спохватился: старик-то стоял совсем рядом и кричать было нельзя.

Нельзя было и говорить о старике в его присутствии.

— Который час? — спросил Мидхат не своим голосом, спросил только для того, чтобы что-то спросить. Чтобы старик не заподозрил, что Мидхат суетится потому, что хочет его задержать.

— Когда человек спрашивает, который час,— степенно отвечал бакенщик Закирьян,— он не должен так волноваться.

— Да... Но вы понимаете... Я опаздываю... Наши уже там... А я...

Закирьян улыбнулся и достал из нагрудного кармана часы с цепочкой.

— На моих часах марки «Павел Буре» без десяти два. Это значит, что сейчас именно столько. Ведь «Павел Буре» — это лучшие часы в мире. А мой «Павел Буре» — самый лучший из всех «Павлов Буре». Понял? «Павел Буре».

Бакенщик говорил медленно, словно взвешивая каждое слово. Мидхат прямо-таки с ума сходил, а Закирьян не торопился выслушивать его.

— Закирьян-агай, я погиб! — наконец перебил он бакенщика.— Погиб, погиб...

— Что такое опять случилось?

— Опаздываю! Опаздываю! — громко прокричал Мидхат и, встав на цыпочки, прошептал на ухо бакенщику: — Закирьян-агай, очень вас прошу, ну очень-очень, я сейчас сбегаю... а вы, вы последите, пожалуйста, за тем вон стариком... Хорошо?.. Я вернусь через две минуты...

Закирьян ухмыльнулся, кивнул головой в знак согласия, и Мидхат убежал.

Но следить за стариком Закирьяну не пришлось. Тот сам подошел к бакенщику и вежливо обратился к нему:

— Может, и мне скажете, сколько на ваших часах?

— Пэ-эжалста,— радушно отвечал Закирьян.— Без девяти два.

— Спасибо,— поклонился старик и вдруг спросил: — А не продадите ли вы свои часы?

— Часы? Продавать? А зачем? — пожал плечами Закирьян.

— Видите ли...— наклонил голову старик.— Я часовщик. И очень люблю фирму «Павел Буре». Были у меня когда-то часы этой фирмы, да вот всякое в жизни бывает — потерял. А такие старинные часы в магазине не купишь. Разве что по случаю. Вы уж извините, что я к вам с таким предложением.

— Ничего, ничего,— важно ответил Закирьян. Ему понравилось, что старик хорошо отозвался о его часах. Он снова достал их, оглядел старика с головы до ног и проговорил: — Эти часы дорогие. Оч-чень дорого стоят!

— А сколько вы за них взяли бы?
— Сколько я взял бы? О-о-о! У вас, пожалуй, столько никогда и не бывало.

— А все-таки?

— Двести рублей! — ляпнул Закирьян и сам испугался названной огромной суммы.

Старик не спеша взял часы в руки, положил их в свой карман, спокойно и уверенно достал пачку денег и протянул ее Закирьяну, отсчитал.

— Получите. Двести.

Закирьян посмотрел на него как на сумасшедшего.

Но старик был на вид вполне нормальный человек.

На какое-то мгновение взгляды покупателя и продавца встретились. Что-то странное уловил Закирьян в этом спокойном, но цепком взгляде и, не выдержав его, отвернулся.

— Всего хорошего, — сказал старик, приподнимая тюбетейку.

— Да, — невпопад ответил Закирьян.

Старик повернулся и ушел.

КАРАБАШ И ЕГО СЫН

Надо ли говорить о новых переживаниях Мидхата, который опять упустил старика с бородкой?

Ребята спали еще крепким сном, когда Фатима встала и умылась прохладной утренней водой.

День обещал быть погожим. В этот утренний час хотелось Фатиме побыть наедине с собой, со своими мыслями.

Она взяла свою тетрадь, в которую записывала все интересные события, перелистала ее, затем вырвала чистую страницу и принялась писать новое письмо директору школы. Она писала, особенно не задумываясь, потому что, собственно говоря, все, что она хотела сказать, было уже продумано ею и взвешено. Слова будто бы сами ложились на бумагу:

«Здравствуйте, Рустам-агай!

Спасибо вам за ваше письмо.

Оно многому меня научило, а главное — успокоило.

Вообще-то дела идут у нас неплохо. Ребята многое узнали, многое повидали, слышали и записали. Наша «Партизанская книга» стала теперь богатой и интересной. Ребята стараются ничего не упустить, они увлечены походом и всем, что с ним свя-

зано, я бы даже сказала, что у них появился своеобразный азарт. Меня это радует.

Слышат ребята не только о героях, но и о тех людях, которые боролись против Советской власти.

Факты подобного рода всплывают каждый раз, когда мы раскрываем «Партизанскую книгу», чтобы сделать новую запись. Раньше мне казалось, что надо записывать как можно больше, записывать все, что удастся, — это исторический материал! Но потом подумала: а стоит ли забивать головы наших мальчишек и девочек всеми этими «сведениями»?

Между тем жители едва ли не всех аулов, где мы побывали, непременно говорят, и говорят много, о главаре белой банды Карабаше и о его сыне, который таинственно исчез.

Ребята записывают, расспрашивают о подробностях. Что же я — должна все это пресекать? И как в этом случае объяснить ребятам, почему я пытаюсь скрыть от них половину правды?

Как же все-таки быть? Напишите, пожалуйста, Рустам-агай!

Для того чтобы мой вопрос выглядел конкретнее, коротко пишу вам о Карабаше.

Он орудовал в районах, по которым мы путешествуем, почти до двадцатого года. Сколотив свой разбойничий отряд, он совершал налеты на аулы, грабил население. Награбленное добро грабители возили продавать в Уфу, Челябинск и другие отдаленные города, чтобы не попадаться на глаза тем людям, которые были свидетелями их преступлений. Совершая свои разбойничьи набеги, Карабаш выдавал себя за представителя Советской власти. Раздобыв фальшивые документы, врвался в дома, произволил обыски и уносил вещи.

Таким образом, он наносил двойной вред, настраивая людей против Советской власти.

«Трофеи» свои Карабаш не делил ни с кем. Говорят, даже и от сына родного прятал, хотя сын-то ведь вместе с ним ходил на грабежи. В конце концов Карабаша поймали. Сыну удалось скрыться. Было это в двадцатом году.

На следствии выяснилось, что настоящее имя Карабаша — Тахвитдин, сокращенно — Тахай. Судили его открытым судом. Народу пришлось очень много. Люди готовы были разорвать его в куски.

Сын Карабаша, Сахай Тахаев, вовремя скрылся. Говорили, что до того, как попасть в отряд отца, он служил в Красной

Армии. На суде Карабаш пытался воспользоваться этим, чтобы добиться снисхождения.

Карабаш был расстрелян.

Где сейчас его сын? Наверно, за границей. Или прячется где-нибудь».

САБАНТУЙ

В ауле Кызылъяр путешественников ждал приятный сюрприз — сабантуй.

Сабантуй — это веселый народный праздник, который бывает у башкир в конце июня, после завершения весенних полевых работ. Во время сабантуя в одном из больших аулов собираются жители целого района и с самого утра до позднего вечера поют и танцуют, в игры разные играют, состязаются в беге и прыжках, устраивают скачки.

Вот и в Кызылъяре на обширной площади — майдане — собралось множество народу.

На самой середине майдана установили длинный шест, к верхушке которого крепко-накрепко привязаны были призовые полотенца, предназначенные для победителей — борцов, бегунов, прыгунов. Рядом с шестом возвышалась временно построенная трибуна из свежеструганных досок. На трибуне стоял большой репродуктор, из которого время от времени доносился голос одного из членов сабантуйской комиссии, объявлявшего программу праздника и называвшего фамилии наиболее известных участников соревнований. Между объявлениями звучала музыка. Люди были одеты празднично. Даже старики, нарядившиеся в старомодные, но сохранившие свою свежесть бешметы, важно и чинно прохаживались по краю майдана.

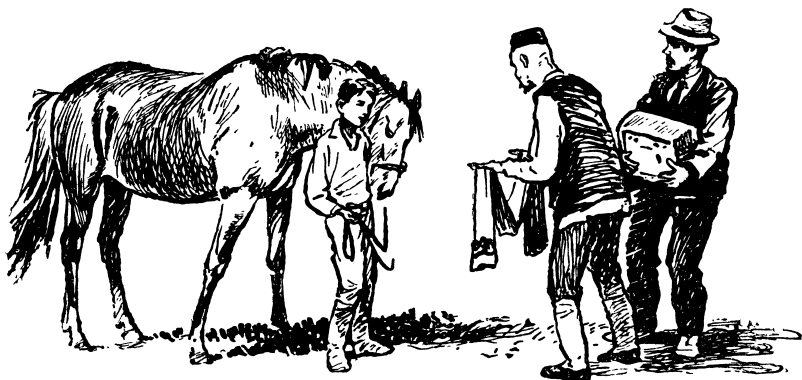
Со своими внуками и правнуками за стариками следовали старушки в нарядных платьях, оригинальных камзолах.

Попарно или небольшими группами стояли и ходили девушки, а где-то рядом под гармонь пели джигиты. Тут и там сновали любопытные, неутомимые, вездесущие дети.

— Бег на тысячу метров! — прокричал голос из репродуктора.

Когда были перечислены участники, по команде «начинай» бегуны вышли на большой, специально для них вычерченный круг и помчались.

Зрители подбадривали их:

— Ахмад, нажимай!

— Давай, давай, Рамазан!

— Быстрей, быстрей!

Но вот один из бегунов стремительно вырвался вперед и, оставив товарищей на почтительном расстоянии, достиг финиша первым.

Тут же, на ходу, бросили ему на шею вышитое полотенце с узорами и подняли на руки.

Весь сабантуй приветствовал победителя.

Его ожидал еще один приз, более ощутимый, — тучный баран. Затем на середину майдана вышли скакуны.

Репродуктор рассказал, из каких колхозов эти кони, какой они породы, назвал имена наездников.

Победил Буланный. Под одобрительный гул всего сабантуя он сорвал ленту финиша.

Коня тоже одарили полотенцем, которым искусно обернули его красивую голову. Наезднику-победителю, мальчику лет четырнадцати, вручили радиоприемник.

Очень понравилась ребятам игра «бой мешков». Два противника уселись друг против друга на подвешенных бревнах и принялись колотить друг друга мешками, наполненными сеном. Когда один из участников игры упал, на его место уселся новый игрок.

Вслед за «боем мешков» начался «бой горшков». К стоящему на земле горшку направился мужчина с завязанными глазами. Ему, наверно, казалось, что горшок рядом, когда он был всего-

навсего на полдороге. Мужчина размахнулся палкой, желая ударить по горшку. Но, конечно, мимо. И, конечно, — хохот всего сабантуя. Со всех сторон посыпались остроты.

Много было и других игр. Но, пожалуй, самым интересным была для ребят башкирская национальная борьба — куреш. Съехались на сабантуй батыры-борцы из разных аулов, сошлись, чтобы помериться силами.

Удар молота служил, по традиции, сигналом к началу борьбы. Открыли состязание два молодых борца. Долго они ходили друг возле друга, словно присматриваясь и приглядываясь, оценивая возможности противника. Но вот в какой-то момент, совершенно неожиданно для публики, один из борцов схватил другого и, оторвав его от земли, перекинул через себя. Майдан зашумел. Кто-то даже одобрительно похлопал победителя по спине. Но победитель недолго торжествовал. Следующий борец уложил и его. Борьба «на победителя», при которой один борец вытесняет другого, длилась несколько часов. Наконец выявился самый упорный батыр, совсем молодой борец из аула Карагайлы по имени Апуш. Он вышел победителем сначала в первом, а потом и во втором туре. Апуш тоже получил почетное полотенце и барана.

После этого объявили борьбу на особый приз. Этот приз был обещан тому, кто сумеет победить Апуша. Если же такового не найдется, то особый приз достанется Апушу, полное имя которого прозвучало так: «Батыр Абдулла Ярмухаметов из аула Карагайлы».

— Батыр Абдулла Ярмухаметов из аула Карагайлы ждет достойного противника!

Майдан ответил почтительным молчанием. В самом деле, кто решится выйти против победителя победителей?

— Желаящие бороться с батыром, выходите!

Казалось, никто так и не выйдет.

Иршат услышал, как один мужчина сказал:

— И чего они тянут? Заработал Апуш свой приз, честно заработал в открытом бою, значит, отдай! Нет, обязательно надо на нервах поиграть!

Но вот гул удивления и восхищения прошел по майдану.

Коренастый старик с загорелым лицом сделал несколько шагов вперед и отделился от толпы.

Подняв брошенное кем-то полотенце, человек, вышедший бороться с самим Апушем, скрутил его с такой силой, что оно едва

не разорвалось. Этим он, видимо, хотел показать, что шутить не намерен.

— Назовите, пожалуйста, свою фамилию! — прокричал репродуктор.

Человек подошел к микрофону, но фамилию свою назвал так тихо и невнятно, что из репродуктора донеслось одно только шипенье.

— Да это же Закирьян! — неожиданно воскликнул Юлай.

И все увидели, что Юлай прав.

Бакенщик стоял в самом центре майдана, и в эту минуту к нему было приковано внимание всего сабантуя.

Апуш, немного оправившийся от нескольких раундов, бодро выбежал на середину.

— Начинайте! — дали команду из репродуктора.

Не прошло и секунды, как Закирьян схватил Апуша за плечи и потащил вниз. Апуш вывернулся. Закирьян снова схватил его, Апуш снова вывернулся. После нескольких таких заходов бакенщика у зрителей стало создаваться впечатление, что Апуш не в состоянии наступать, что «победитель победителей» только обороняется. Это настораживало. Болельщики, успевшие избрать Апуша своим кумиром, приуныли.

И в самом деле, Закирьян уверенно и твердо надвигался на Апуша, а тот выглядел вскоре уже не просто обороняющимся, а жертвой. В какое-то мгновение бакенщик словно вложил в руки свои всю богатырскую силу и, прижав Апуша к себе, ловким движением положил его на землю.

Хотя все видели, что дело идет именно к этому, победа Закирьяна казалась неожиданной и невероятной.

Майдан так и ахнул.

— Не по правилам, не по правилам! — закричали сторонники Апуша. Но кричали они машинально, не имея на то никаких оснований.

— Еще раз, еще раз! С одного раза не выходят в батыры! — не унимались они.

Чувствовалось, что едва ли не весь майдан разделяет точку зрения этих крикунов.

Была бы это борьба официальная, судья тут же присудил бы приз Закирьяну. Но сабантуй — это праздник народный, и на нем решают не только судьи, но и сами зрители.

Апуш поднялся, и противники снова встали друг против друга.

У Апуша был на этот раз жалкий вид. И многим было его жаль: победил столько батыров, а тут на тебе — явился какой-то неизвестный человек и пытается выхватить приз прямо у него из рук!

По сигналу из репродуктора Апуш и Закирьян начали новую схватку. На этот раз Закирьян не изучал своего противника, а сразу бросился на него. Апуш тоже вцепился в бакенщика. Так, ухватившись друг за друга, закружились они на одном месте. Темп был взят высокий и крутой, оба борца натужились и покраснели.

Улучив момент, Закирьян повторил тот же прием, который использовал в первый раз, и снова оказался победителем. Теперь даже самые ярые скептики и недоброжелатели Закирьяна вынуждены были признать, что победа одержана по всем правилам.

Полотенце получил Закирьян.

— Кто хочет бороться с новым победителем? — бесстрастно спросили из репродуктора.

Сторонники Апуша вытолкнули из своей среды здорового, но неуклюжего верзилу. С этим изворотливый и ловкий Закирьян справился быстро и просто.

В настроении майдана почувствовалась перемена. Какая-то девушка даже преподнесла Закирьяну айран.

— Спрашиваю в последний раз: есть ли еще желающие сразиться с батыром? — повторил голос из репродуктора.

И тогда на середину майдана вышел нестарый человек атлетического телосложения.

— Самбосаит! Самбосаит! — закричали наши путешественники.

И действительно, все шло как в сказке: второй борец тоже оказался знакомым.

Самбосаит медленно подошел к Закирьяну, оглядел его с головы до ног, почему-то приподнял его шапку, туго натянутую на голову. Только сейчас заметил Иршат, что даже во время схватки с Апушем Закирьян не снимал свою шапку. Майдан воспринял этот жест Самбосаита как величайшую бестактность. Самбосаит сразу лишился симпатий болельщиков.

Однако Самбосаит был невозмутим.

Уверенно и жестко положил он свои руки на пояс Закирьяна. И так прижал его к себе, что тот едва не закричал. Без особого труда и усилий Самбосаит его уложил.

И снова потребовал майдан, чтобы Самбосаит доказал свою силу еще одним заходом. И снова уложил он Закирьяна, уложил, как мальчишку,— не напрягаясь и не стараясь.

Майдан приподнялся на цыпочки, предвкушая увидеть вручение главного приза.

Но Самбосаит поднял руку, прося слова. Он сказал:

— Товарищи, от приза я отказываюсь. Его должен получить тот, кто его заслужил.

— Вот еще скромность паче гордости! — закричал кто-то.

— Нет, не скромность и не гордость,— спокойно ответил Самбосаит.— Просто-напросто я спортсмен и поэтому не имею права получать приз на любительских играх. Я участвовал в борьбе, как говорят, вне конкурса.

Приз был вручен Закирьяну, но Самбосаит был победителем несколько не меньше, чем он.

Фатима собрала ребят и повела их к трибуне, чтобы там отыскать какого-нибудь ответственного работника, с которым можно будет договориться о жилье и питании.

Но тут снова затрещал репродуктор. На этот раз слышался голос Москвы.

ПРИЗОВОЙ БАРАН И ПРОЧЕЕ

Первыми прибежали к Фатиме, стоявшей недалеко от трибуны, девочки, за ними — Юлай, Иршат и все остальные мальчишки.

Всех охватило волнение. Хотелось поскорее выяснить: не ослышались ли они, не произошла ли ошибка. Ведь фамилию легко перепутать, а то и совпадение может быть...

Переспрашивать никто не осмеливался.

— А вот орденом Красного Знамени могут наградить посмертно? — спросил наконец Мидхат.

— Еще как! — не задумываясь, бросил Юлай.— Посмертно даже звание Героя дают!

— Так то звание, а это орден! Есть правило, по которому не всеми орденами награждают посмертно, а только некоторыми. Понимаешь?

— Не это важно, ребята,— вмешалась Фатима,— а то, что имя героя теперь увековечено. Имя Зината Сайфуллина.

— Вот здорово! — сказал Юлай.— Все это мы запишем в

«Партизанскую книгу». Иршат! Ты где? Давай скорей записывай в книгу указ!

— Не надо! — улыбнулась Фатима. — Ведь все указы публикуются в газетах. Вот мы вырезку и наклеим.

— Эх, портретик бы еще найти! — хлопнул в ладоши Юлай. — Вот было бы здорово!

— Неужели портрет не можете найти? — произнес кто-то из кустов.

Ребята обернулись и увидели бакенщика Закирьяна.

Главный призер сабантуя тоже был чем-то взволнован и нервно дергал за веревку, другой конец которой все еще находился в кустах.

— Что у вас там, Закирьян-агай? — спросил Мидхат.

Вместо ответа Закирьян натужился, изо всех сил дернул за веревку, и тогда показалась из кустов сперва испуганная баранья морда, а затем и сам огромный баран.

— Так это ваша премия! — засмеялась Фатима. — Вот оно что!

— Премию я не заслужил, — мрачно произнес Закирьян. — Ее надо было отдать тому молодцу, который уложил меня так легко.

— Нет, он ведь участвовал вне конкурса, — сказала Фатима. — Премия ваша по праву!

— Да что мне эта премия! Тут вот поинтереснее новости есть! Слышали? Указ какой-то передавали...

— Еще бы — не слышали! Слышали, конечно! — сказал Юлай.

— Что же там? Наградили вроде бы кого-то из наших башкир?

— Точно! Зината Сайфуллина!

— Кого, кого?

— Сайфуллина. Зината. Он разведчиком был. У Блюхера, у партизан.

— Ишь ты! Герой?

— Герой! Да не простой, а особенный!

— Ах ты! Молодец! А что, его самого нет, значит, в живых-то?

— Мы узнали, что он в засаду попал, — ответил Иршат. — Это было... сейчас вот скажу... Где-то около Иглино...

— Где, где?

— В районе станции Иглино, в тысяча девятьсот восемнадцатом году.

— Гм!.. Да ведь там вроде бы и боев-то не было. С чего бы это ему там ходить?

— Как не было? Были! — воскликнул Иршат. — У нас записано!

И он кратко повторил рассказ полковника на пристани Олдяк.

— Ну, коли так, дело другое, — согласился Закирьян. — Вы всюду ходите, ищете, вам и карты в руки. А я... Мне-то откуда знать? В те годы был я совсем еще молодой, да и жил я в других краях. На Каспии воевал, власть нашу Советскую от беляков защищал. Тоже чуть голову не сложил... Да-а, братцы мои, не забывает правительство своих героев. А ведь сколько лет прошло, сколько лет!

Произнеся эти слова, Закирьян повернулся было, чтобы уйти, да тут выступил вперед его призовой баран и заблеял громко, требовательно.

Закирьяна это почему-то очень рассердило, и он дал барану такого пинка в живот, что тот завопил еще громче.

— Что вы делаете! — закричали вместе Нафиса и Айгуль. — Ему же больно!

— А пусть не лезет куда не надо! — зло отрубил Закирьян.

— Так он ведь не понимает! — надулась Нафиса и принялась нежно ласкать животное. — Он же глупенький!

— Ха-ха-ха! Глупенький, умненький, а мясо хорошее. Только вот не знаю, куда девать. В столовую, что ли, в какую или, может, просто вам отдать? А?

— Нет, не надо, спасибо! — сердито проговорила Айгуль.

— Ну, как хотите. А то я бы вам его выпотрошил. Вот, одна минута — сейчас к реке спущусь, и делу конец.

— Ой, не надо! — закричали девочки. — Жалко его!

— Жалко! А чего жалеть-то? Я вам такой плов приготовлю, что пальчики оближете!

— Нет уж, Закирьян-агай, спасибо! — решительно отказалась Фатима. — Баран этот ваш, вы его завоевали, вот и ешьте его на здоровье.

Слушая все эти разговоры, баран жевал траву и смотрел на людей чуть грустными глазами.

Мальчики и девочки набросали ему хлеба, печенья, Нафиса сунула в рот конфету, от которой не привыкший к обходительному обращению баран довольно грубо отказался.

Мидхат не принимал участия в кормлении барана. Он стоял в стороне и усердно перелистывал свою записную книжку.

— Что ты там ищешь? — сказала Фатима. — Иди сюда. Сейчас все пойдем в школу. Там хороший краеведческий музей. Может быть, снова разыщем что-то интересное.

— Ищет! — усмехнулся Закирьян. — Серьезный человек! А! Да это ты, кладоискатель! Привет!

Мидхат нахмурился: ему не понравилось, что бакенщик выбалтывает его, Мидхата, секрет перед всем отрядом.

— Я с вами уже здоровался, — резко ответил он.

— Мидхат, надо быть вежливым, — сказала Фатима.

— Ну как? — продолжал Закирьян, словно ничего не заметил. — Нашел что-нибудь в этом Павловске?

— А я и не искал, — соврал Мидхат.

— И правильно сделал. Чего там искать? Нечего. Мало ли что люди болтают!

— Я болтовне и не верю, — с достоинством произнес Мидхат. — Я по документам ориентируюсь.

— Мидхат! — сердито воскликнула Фатима. — Хватит! Ребята, за мной!

Но Мидхат не понял ее намека.

— Актау — слышали? — язвительно спросил он бакенщика.

— Актау? — переспросил бакенщик.

— Ну да. Озеро или гора, что ли. Ну тут, неподалеку.

— Не знаю, не слышал... Может, не Актау, а Кактау? ¹ Вон ту гору, кажись, так называют. Потому как лысая она, голая, как колено.

— Мы там побываем. Там герои гражданской войны похоронены.

— Вот и хорошо, — кивнул Закирьян.

Он дернул веревку и, таща за собой барана, удалился.

ГИБЕЛЬ ГЕРОЯ

Каждый аул гордится своей историей.

Аул Кызылгяр, расположенный на берегу Караидели, волею судеб стал в годы гражданской войны участником важных событий.

В сентябре 1918 года армия южноуральских партизан под командованием Василия Константиновича Блюхера именно

¹ Кактау (башкир.) — голая гора.

здесь переправилась через Караидель и отсюда пошла на север, на соединение с регулярными частями Красной Армии.

Кызылъяр бережно хранит память об этом. В ауле хорошо знают, что в те осенние дни немало отважных джигитов сложило свои головы на караидельских берегах.

Песни и легенды создал башкирский народ о героях. А о партизанском разведчике Шарафе составлена в Кызылъяре целая летопись.

Писали ее пионеры и школьники аула под руководством своего учителя истории.

Подробный рассказ о гибели Шарафа наши следопыты переписали полностью.

Вот эта запись:

«...Был тихий августовский вечер, когда небольшой отряд, состоявший из сорока трех человек, появился в лесу неподалеку от села Иртакша, где стоял штаб армии южноуральских партизан. Командовал отрядом бывший солдат царской армии Шараф Урмантаев. Осмотрев окрестности, он дал одному из опытных партизанских разведчиков задание — выяснить обстановку в селе, узнать, кто там: белые или красные. Разведчик возвратился в сопровождении вооруженных блюхеровцев, и они препроводили отряд Шарафа к самому командарму.

По приказу Василия Константиновича отряд Шарафа вошел в состав блюхеровской армии, а сам Шараф, как знаток быта и нравов местного населения и тонкостей географии караидельских берегов, определен в разведгруппу.

Поскольку армия Блюхера действовала в тылу врага, без четкой работы разведки нельзя было сделать буквально ни шагу. Разведка велась не только в районах предстоящего наступления, но и на флангах, и справа и слева от них — на расстоянии до десяти — двадцати километров.

Шарафу Урмантаеву часто приходилось бывать в разных аулах и на хуторах, в селах и поселках. Ходил он туда и днем и ночью, и пешком и верхом. И где бы ни был, всюду выполнял особые поручения штаба Блюхера.

Неоднократно при выполнении боевых заданий проявлял Шараф мужество и отвагу, смелость и решительность, находчивость и смекалку.

Армия Блюхера двигалась с юга на север, и где-то в районе станции Иглино нужно было пересечь железную дорогу, а километров через двадцать — переправиться через реку Караидель.

В эти дни роль разведки особенно возросла.

Шарафу Урмантаеву было поручено провести глубокую разведку в тылу врага, в районе Иглино — Кызылъяр.

Шараф взял с собою подростка Зината Сайфуллина, который, несмотря на свой возраст, был отличным бойцом, и смелого партизана Василия Рубцова, который родом был из Белорецка и хорошо знал местность, а третий человек вызвался сам. Это был молодой партизан, примкнувший к отряду где-то в районе Макарова. Нелюдимый, неразговорчивый, он превосходно ориентировался по звездам. Потому-то и взял его с собою Шараф, хотя как следует не знал и в деле не видел.

Группа Шарафа Урмантаева с честью выполнила задание. Нужно было добыть еще кое-какие дополнительные сведения на станции Иглино, где находилась штаб-квартира белогвардейской части. Напуганные стремительным наступлением Блюхера, белогвардейцы лихорадочно укрепляли подступы к станции и к железнодорожному полотну.

Чутьем опытного разведчика уловил Шараф, что разведку нужно вести именно здесь.

Он послал Василия Рубцова вместе с разведчиком-новичком в село. Они пошли через лес, в обход. Сам же Шараф с Зинатом должны были взять под контроль железнодорожную станцию.

Условились: утром, в пять часов, вся группа собирается в лесу, на холме, где три сосны.

Но никто, кроме самого Шарафа, в назначенный час на это место не явился.

Шарафу стало ясно: случилась беда.

Пошел он в ту сторону, куда ушли Рубцов и новичок, и вдруг видит труп, лежащий лицом вниз. Перевернул его и ахнул, опознав своего лучшего друга Василия. Так и не дошел Рубцов до вражеского тыла, погиб раньше времени от удара в спину. Кто же убил его?

Задумался Шараф, и подсказало ему сердце, что скорее всего новичок оказался предателем.

Не хотелось верить, но ведь никто, кроме новичка и Зината, не знал, кто такой Рубцов. В Зинате Шараф был уверен, как в себе самом. Значит, новичок...

А где же Зинат? В тот же день узнал Шараф: попал в засаду парнишка.

И тут совсем уж затосковал храбрый разведчик. Решил все

сделать, что можно и чего нельзя, только бы спасти Зината Сайфуллина.

Да вот под теми самыми тремя соснами самого его настигла вражья засада. Теперь сомнений не оставалось: новичок — предатель. Это он привел беляков к трем соснам. Он же и напал на Шарафа первым.

Подполз, как змея, сзади, хотел связать, да не тут-то было. Дал ему Шараф достойный отпор, даже левое ухо оторвал. Был бы предатель один, отправил бы его Шараф на тот свет. Да что с целым отрядом белых поделаешь!

Схватили Шарафа, повели.

Приводят в штаб.

Думал Шараф, что сразу его расстреляют, но белые ждали какого-то большого начальника, который сам лично пожелал допросить партизанского разведчика. Однако блохеровцы наступали, и белые вынуждены были бежать из Иглино. Отступая, увели они с собою и пленных, в том числе Шарафа и Зината. Неподалеку от Кызылъяра их вывели на сельское кладбище, поставили к каменной ограде. «Делай с ними что хочешь», — сказал белый офицер предателю, который был в числе конвоиров.

Прицелился предатель и выстрелил. Шараф упал.

Затем палач медленно направил дуло своей винтовки на Зината.

Парнишка стоял не шевелясь и в упор смотрел на предателя. А тот почему-то долго целился, не стрелял. Может быть, его чуть-чуть смутил взгляд Зината? Кто знает. Но тот что-то крикнул.

Раздался выстрел.

Но Зинат остался жив.

Он размахивал рукою, поднятой над головой.

— Ты что? — мрачно спросил предатель.

— Часы! Часы возьми, родителям моим передашь! — попросил Зинат.

Ухмыльнулся предатель.

Взял часы.

И, вернувшись на свое место, снова прицелился и снова выстрелил.

На этот раз Зинат упал.

Хоронить партизанских разведчиков белые и не подумали. Во-первых, они вообще не хоронили пленных, а во-вторых, надо

было спасти свою шкуру: блохеровцы были уже в двух-трех километрах от Иглино.

Похоронены Шараф и Зинат в братской могиле».

И СТАРИКИ УМЕЮТ ПЛАКАТЬ...

Как стало ясно из записей, сделанных пионерами аула Кызылъяр, Шараф и его боевые товарищи похоронены были в братской могиле, неподалеку от Кызылъяра.

Место это стало священным не только для жителей аула, но и для многих других.

Братская могила находилась на кургане Кактау.

Отряд юных следопытов не мог пройти мимо этой могилы. Было решено возложить венок и сфотографировать курган для «Партизанской книги».

Девочки собрали цветы и сплели венок, мальчики купили ленту и сделали надпись:

«Героям гражданской войны от пионеров-следопытов аула Тальгашлы».

Солнце стояло низко, и Фатима решила перенести возложение венка на завтрашнее утро.

Курган Кактау был виден издалика. Он возвышался величаво, казалось, облака окутывают его, охраняя вечный покой павших героев.

Настроение у ребят было какое-то особенное, словно они и сами были причастны к великим событиям прошлого.

Один только Мидхат думал о своем. Ему по-прежнему не давали покоя мысли о кладе.

Подойдя к Фатиме, он сказал:

— По-моему, Фатима-апай, нам надо завести еще одну книгу.

— Какую?

— Ну, для записи всяких находок... Ну вот, нашли мы, например, куртку. Надо ведь как-то это записать. А все эти «С. З.»? И о них запись должна быть. А код, который был в ручке ножа? Но, по-моему, надо заносить такие дела не в «Партизанскую книгу», а в отдельную.

— Ну что ж... А ты как думаешь, Иршат?

— По-моему, правильно. А где сейчас этот код?

Мидхат словно только и ждал такого поворота разговора. Ему

все хотелось, но казалось неудобным прямо спрашивать об этом Фатиму, и, собственно говоря, он ради этого и затеял разговор с вожатой об «особой книге». Опередив его, Иршат, сам того не зная, оказал ему добрую услугу. И сейчас, воспользовавшись моментом, Мидхат задал вопрос, который его волновал уже несколько дней:

— А что мы будем делать с этим кодом, а, Фатима-апай? Куда девать? Солить?

— Солить не будем,— ответил Иршат, которого никто не спрашивал,— а хранить надо обязательно.

— А можно на него еще разок взглянуть? — продолжал наступление Мидхат.

— Смотри, пожалуйста,— пожала плечами Фатима.— Но что ты там поймешь? Написано-то арабскими буквами.

— Ну и что? Да ведь в любом ауле найдется старик, который знает арабский шрифт!

— Так-то так, но разве можно первому попавшемуся старику показывать такие вещи! — возразил Юлай.

— Но надо вспомнить места, где зарыт клад,— упрямо произнес Мидхат.— Ведь, может быть, он даже где-нибудь здесь, под нашими ногами...

— Да что ты, спятил? — захохотал Иршат.

— Сам спятил! — обиделся Мидхат.

— Ты не дуйся,— уже серьезно сказал Иршат.— Раз документ секретный, его в милицию надо сдать.

— Нет, пожалуй, не в милицию, а в Институт истории,— заключила Фатима.— Ученые во всем разберутся. На то они и ученые. У них опыт: они ведь и в экспедиции ездят, и раскопки делают.

Нет, нелегко было Мидхату слушать это! Отдай ученым! Им-то что! Все написано черным по белому. Все готово. Иди доставай клад, и, может быть, два или три! Горшок золотых монет... нет — два, три, четыре! Нет — целый бочонок драгоценностей! А когда спросят, кто нашел, ответ будет простой: профессор такой-то, академик такой-то! И во всех газетах будут портреты этих важных стариков, которые сами-то ничего не искали и не нашли! Где же справедливость? Ну ничего, Мидхат сам будет искать и сам найдет! Один, без всякой посторонней помощи! Пускай Фатима держит бумажку в своем чемодане. На здоровье! Впрочем, в конце-то концов можно будет взять с собою кого-нибудь из ребят. Ну, Иршата, например.

Когда все легли спать, Мидхат подошел к Иршату и прошептал:

— Сейчас я иду на курган Кактау. Айда со мной.

— Зачем? Ведь завтра утром мы все туда пойдем,— сказал Иршат и повернулся на другой бок.

— Эх ты, лентяй! — обиделся Мидхат. — Да ведь кто знает, может быть, здесь как раз то тайное место, о котором сказано в коде!

— Знаешь ты кто? — пробормотал Иршат. — Псих психаческий, вот кто! Рехнулся ты на этом кладе.

— Не пойдешь — и не надо. Как бы потом не пожалел! Об одном прошу: язык держи за зубами.

— Нужен ты со своими тайнами! Валяй рой землю! Носом!

Мидхат вышел из палатки и, дойдя до кургана Кактау, направился к его вершине.

Оказалось, что здесь не одна могила, а целое кладбище.

Мидхат никогда не боялся кладбища. Поэтому он шел меж могилами спокойно, как по улице.

Но вдруг замер.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть и попятиться назад.

Перед одной из могил сидел старик, тот самый старик с клинообразной бородкой, который не раз ускользал от Мидхата. Сидел и... плакал.

Мидхат спрятался за каким-то надгробием и несколько минут не мог прийти в себя.

Опомнившись, помчался к Фатиме.

НЕПРИЯТНОСТЬ

После пристани Кызылгяр стала шире Караидель. А став шире, утихомирилась быстрая горная река, угомонилась, словно вырвавшись на свободу, на вольный простор. Тише стала, добрее.

Изменился и пейзаж берегов: вместо крутых отвесных скал все чаще стали появляться атласные полосы лугов, заостренные ели, а сосна уступила место вербе, липе и дубу.

Мирно текла теперь Караидель среди бархатистых лугов. Здесь трудно было ее узнать — настолько другим стал ее характер.

Извиваясь то вправо, то влево, словно выверяя и нащупывая

свой путь, пройденный вместе с юными путешественниками, казалась она если не покорной, то, уж во всяком случае, гостеприимной и радушной. И словно раскрывала перед ребятами несказанное великолепие родных башкирских степей.

Однако умиротворенность укротившей свой поров реки все время нарушалась стрекотанием моторок и катеров, криками плотогонов, гудками пароходов, веселыми возгласами и смехом купальщиков.

Стоянка в этих местах обещала быть веселее, чем в других.

Едва причалив к берегу и встав на привал, ребята бросились кататься по траве, кувыркаться, бороться друг с другом, изображая борцов сабантуя.

— А ну, кто первым добежит до той березки? — закричал Мидхат и сам первым устремился вперед.

Ребята помчались за ним.

Бежали все без исключения, и некому было судить. Когда Иршат вспомнил об этом, никто не захотел быть судьей. Спорили, спорили, наконец Мидхат сказал:

— Есть же у нас капитан, вот он пускай и судит!

Проголосовали. Единогласно решили: Мидхат прав, судить будет Юлай.

Надо отдать справедливость Юлаю — человек он был покладистый, спорить не стал, а сразу приступил к делу и подал команду:

— Бег на сто метров! Становись!

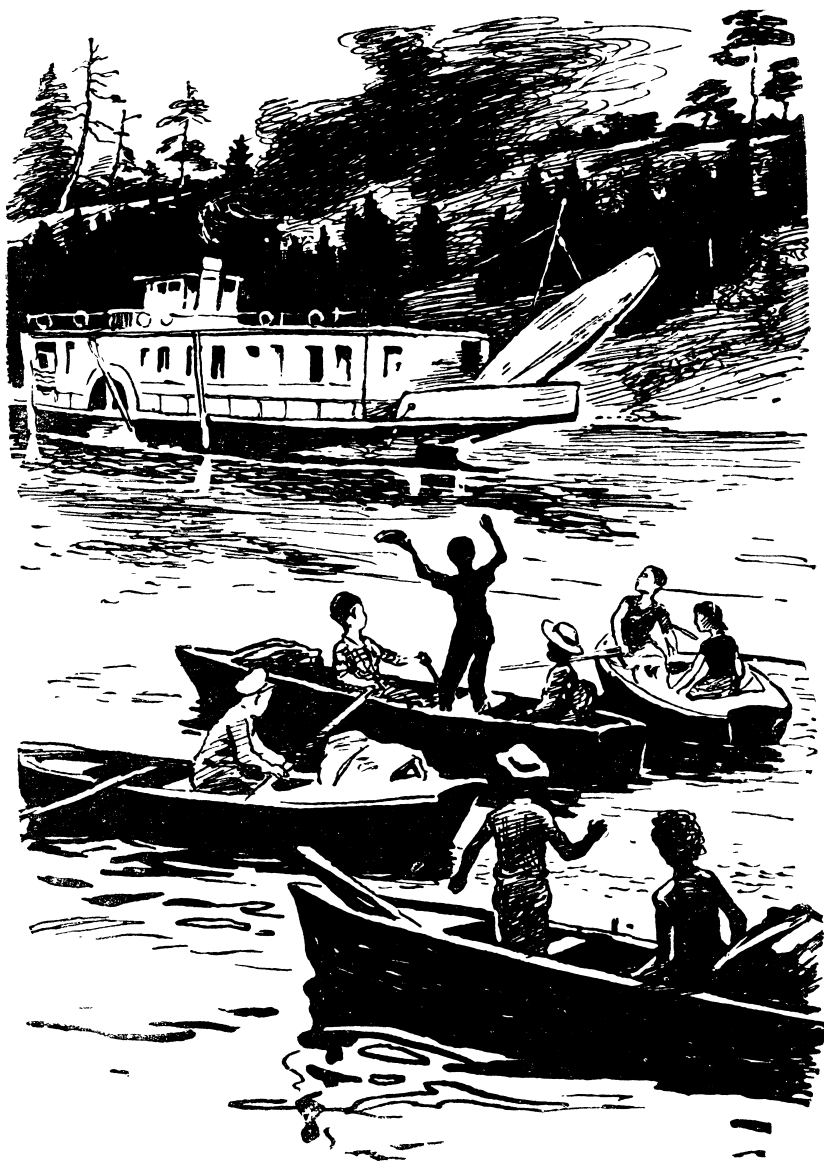
...Пришли к финишу первыми одновременно двое: Малик и Сабит. Повторный забег тоже не определил победителя.

Тогда Юлай, пользуясь правом судьи, назначил соревнование по борьбе.

Девочек он, конечно, в число соревнующихся не включил. С его точки зрения, это было бы нелепо. И те сразу побежали жаловаться Фатиме.

Фатима сидела одна под большим дубом и думала о том, как хорошо, что Самбосаит оказался вовсе не посторонним, а тем самым, кто заботился, чтобы не было никаких недоразумений и чтобы, например, их отряд мог спокойно путешествовать. Тревога, которая в последние дни не отпускала Фатиму ни на минуту, улеглась.

Настроение у вожатой было поэтому хорошее. И когда Нафиса и Айгуль высказали свою новую обиду, она успокоила их не столько словами, сколько лаской и нежностью.

Девочки, девочки, ведь за время похода они так соскучились по материнской ласке, что добрый взгляд Фатимы, обнявшей их и усадившей рядом с собою, сразу успокоил их.

— Пускай борются, на то они и мальчишки! — улыбаясь, заметила Фатима, когда почувствовала, что Нафиса и Айгуль утихли. — А мы зато поговорим о вещах серьезных и важных...

Тем временем на опушке, где собрались мальчишки, разгорелась борьба, пожалуй не менее серьезная, чем на сабантуе. Во всяком случае, самим мальчишкам казалось, что они — настоящие Самбосаиты, Закирьяны и Апуши.

Сперва Сабит уложил Малика. За это он получил от судьи Юлая звание «малыш-батырлиш», то есть «мальчик-богатырь», и, вытащив у него из кармана носовой платок, Юлай обвязал его вокруг головы победителя.

— Это что — полотенце? — спросил Мидхат.

— Конечно, носовой платок — вместо полотенца, — ответил ему Иршат, — а Сабит — вместо лошади.

Действительно, Юлай совсем забыл, что на голову повязывают полотенца только скакунам.

Посыпались шутки, остроты.

Но главным оставалась борьба.

С «мальчиком-богатырем» имел право сразиться только тот, кто тоже победил кого-нибудь. Юлай утверждал, что такова народная традиция.

— А почему же Апуш согласился бороться с Закирьяном, а Закирьян — с Самбосаитом? — допытывались ребята.

Не зная, как им ответить, Юлай сказал:

— Сами выбрали меня судьей, так теперь подчиняйтесь!

Эти слова подействовали, и борьба была продолжена на условиях Юлая.

— Подножки не подставлять!

— За нос не хватать!

— Э-э! Не по правилам!

Освоившись с ролью судьи, Юлай важно похаживал рядом с борцами, внимательно следя за каждым их движением. Время от времени он останавливал ребят, разводил и напоминал, как нужно вести себя.

В третий тур вышли Мидхат и Шакир. Борьба между ними должна была выявить абсолютного чемпиона, и претенденты сражались отчаянно. Мидхат, которого Шакир победил в первом

туре, на этот раз повис на шее противника. Шакир вывернулся и с силой прижал Мидхата к себе, приподнял его, пытаясь перебросить через себя, но Мидхат подставил ему подножку, и Шакир шлепнулся оземь, таща Мидхата за собою.

Мальчишки так увлеклись, что забыли про обед. И только подчиняясь дежурным, прервали они состязание.

Шакир встал, когда все убежали обедать. И сразу ощутил острую боль в правом локте.

За обедом Фатима обратила внимание на то, что мальчик держит ложку левой рукой. Вывих? Перелом?

Впервые за все время похода пришлось воспользоваться походной аптечкой.

Фатима сделала Шакиру спиртовую примочку и крепко забинтовала ему руку. Но эта первая помощь не сняла боли.

Тогда Фатима дала отряду команду немедленно собираться и выйти в путь.

После обеда ребята заняли свои места в лодках.

Ближайшим пунктом была пристань Охлыстино. Там непременно должен быть врач. Надо было спешить туда ради Шакира.

ЕВДОКИЯ МИРОНОВНА

Меньше всех переживал вывих сам Шакир, а больше всех — Фатима. Она ругала себя за то, что разрешила ребятам опасную игру. Юлай тоже считал себя виноватым как судья. Мидхат ходил опустив голову и не мог смотреть Шакиру в глаза.

Все старались хоть чем-нибудь помочь пострадавшему.

Со всех лодок доносились обращенные к нему вопросы:

— Болит?

— Не болит?

— Ноет?

— Повязка не жмет?

— Голова не кружится?

Шакиру все эти вопросы быстро надоели, и он довольно резко отвечал на все одним и тем же кратким, но выразительным «нет».

— Хоть бы перелома не было,— сказала Фатима.

Шакир отвернулся.

Особое внимание оказывали «раненому» девочки. Это раздражало его еще больше: казалось Шакиру, что девчонки

обращаются с ним, как с маленьким, и это унижает его перед мальчишками. И когда Нафиса спросила, не хочется ли ему чего-нибудь вкусенького вроде конфетки, тихоня Шакир взорвался.

— Отстань! — крикнул он каким-то не своим голосом.

Нафиса не обиделась. Она понимала, что к человеку, который страдает от боли, надо быть снисходительным. С ним лучше не спорить, ему нельзя делать замечания.

Так никто и не узнал, каково же все-таки состояние Шакира.

А сам Шакир совсем и не считал себя увечным или травмированным. Острая боль — словно током ударило — пронизывала его локоть, только если он пытался согнуть или разогнуть руку. Немного опухли пальцы. Пустыки!

В конце концов товарищи оставили Шакира в покое.

Но всем без исключения хотелось как можно скорее попасть в это самое Охлыстино, чтобы там оказали ему помощь.

Однако хорошо известно, что, когда куда-нибудь торопишься или чего-то очень ждешь, время тянется дольше. Казалось, Охлыстино на другом конце света — его все не было, не было и не было.

Но вот за поворотом показались в синей дымке дома, прилегающие к пристани с длинным названием.

А следом за ними стало видно большое русское село.

На дебаркадере путешественников встретила женщина в белой фуражке.

— У селектора вас ждет Уфа, — сообщила она Фатиме.

Фатима заколебалась: стоит ли разговаривать, раз нужно срочно отправить Шакира к врачу.

— Потерпишь? — ласково спросила она пострадавшего.

— Конечно, потерплю, — отвечал Шакир. — Мне и не больно совсем.

Вожатая подошла к селектору и сказала:

— Фатима Мансурова слушает.

— Здравствуйте, товарищ Мансурова, — весело послышалось из селектора. — Как дела?

— Спасибо, хорошо.

— Как ребята? Не болеют?

— Нет... не болеют...

— Какие трудности?

— Пока никаких.

— Так уж никаких?

— Да, — сухо ответила Фатима, почувствовав, что предста-

витель Уфимского общества туристов склонен к разговору неторопливому и длительному.

Уточнив день и час прибытия туристов в столицу республики, уфимский товарищ пожелал команде счастливого плавания и распрощался с Фатимой.

— Где у вас больница? — спросила Фатима женщину в белой фуражке.

— Ой, миленький ты мой! — всплеснула руками женщина в фуражке, только сейчас обратив внимание на забинтованную руку Шакира. — Что же это с тобою стряслось? Не змея ли укусила? Или упал?

Она не сказала ни слова о враче, пока не увидела, как повредил руку Шакир.

Но и когда узнала, толку от нее тоже нельзя было добиться.

Болтливые люди! Они не понимают, что праздным своим любопытством, непреодолимым желанием во что бы то ни стало высказаться по поводу того, о чем никто их не спрашивает, они не только понапрасну отнимают время у себя и у других, но часто еще и наносят вред.

— Ой, как же вы хорошо загорели, детки милые вы мои! Какие вы все красивые! Любая болезнь вас испугается и от вас убежит! А знаете, у меня тоже есть племянник — ну точно такой, как вы. Он...

— Простите, — сдержанно, но решительно перебила женщину Фатима. — Но где у вас тут есть врач?

— Ой, хорошая моя, врач-то наш в отпуске. Как на грех! Ему бы летом не уезжать, туристы все-таки, народу много, навигация, а она говорит: «Зимой не отдых». Врач-то — специальность особая. Врач...

— Что же делать? — снова не дала договорить Фатима. — Помогите нам, пожалуйста! Может, в колхоз обратиться, чтобы лошадь дали?

— О-о! Не знаю, не знаю...

— А можно, я в больницу от вас позвоню? — спросила Фатима.

— Можно, девушка, конечно, можно. Да только будет ли толк — врача-то нет на месте.

Фатима сняла трубку и набрала номер. Послышались короткие гудки.

— Да разве дозвонишься? Знаете, как трудно дозвониться!

Вот однажды...— И болтливая женщина начала рассказывать какую-то новую историю.

Фатима снова позвонила, и снова было занято.

— Давай уж я сама позвоню, голубушка,— сказала женщина,— у меня, говорят, легкая рука.

«И язык»,— подумала Фатима.

Женщине повезло, она сразу соединилась с больницей.

— Вот ведь что,— сказала женщина, положив трубку.— Как раз-то, вишь ты, здесь она, у себя, на квартире. Уехать не успела. Бегите прямо к ней домой. Она женщина хорошая, мигом все сделает, что положено. Вот в прошлом году...

Евдокия Мироновна на самом деле приняла ребят очень хорошо.

— Через недельку Шакир будет здоров,— сказала Евдокия Мироновна, сделав ему полужесткую повязку, и дала какое-то лекарство.

Фатима поблагодарила врача и начала прощаться.

— Куда вы торопитесь? Посидите, отдохните! — радушно воскликнула Евдокия Мироновна и, ласково погладив Мидхата по голове, спросила его: — А у тебя что там такое — тоже ранение?

— Да не-е-ет,— смутившись, ответил Мидхат.— Так, чепуха.

— А у тебя почему глаза красные? — обратилась Евдокия Мироновна к Иршату.

— Спал мало.

— Э, нехорошо, дружок, нехорошо! А вы, девочки, какживаете?

Получилось так, что Евдокия Мироновна, как бы между прочим, расспросила и осмотрела едва ли не всех ребят.

А потом прямо в саду на столике, стоявшем среди густой листвы, появился самовар, чашки, стаканы, ложечки, розетки и ваза с вареньем.

— Ступайте, ребятки, руки мыть,— сказала Евдокия Мироновна,— сейчас будем пить чай.

Выглядела Евдокия Мироновна моложаво, хотя еще на пристани болтливая женщина в фуражке сообщила, что врачу под пятьдесят.

— Я очень люблю ребят,— сказала Евдокия Мироновна.— Сама в детдоме воспитывалась.

— Вы из детдома? — почему-то переспросила Фатима.

— Да, попала я туда в голодный год, после смерти родителей, когда было мне восемь лет. Сперва детдом наш находился под Уфой, в бывшем помещичьем имении. Потом перевели его в город Белебей. Оттуда часть ребят отправили в Ташкент, часть — на Украину. Спасали нас, детей, от голода.

— Расскажите, пожалуйста, о ребятах из вашего детдома, — попросила Нафиса.

— Рассказать? — улыбнулась Евдокия Мироновна. — Можно бы, конечно, и рассказать. Да только долго рассказывать. Я думаю иногда — надо бы книгу о воспитанниках нашего детдома написать. Хорошо бы, нашелся писатель такой, чтобы за это взялся...

— А были у вас такие, которые, как, например, Гайдар, на фронте участвовали? — спросил Иршат.

— Да, да! — подхватила Евдокия Мироновна. — Помню, один такой был мальчик. Должна сказать, замечали за ним кое-какие странности. Например, не мог он спокойно смотреть на винтовку. Говорили, что родителей его расстреляли белые. Но ходили слухи и другие — будто бы и самого его хотели расстрелять и даже расстреливали, но он чудом спасся.

— А как его звали? — спросил Иршат, раскрывая «Партизанскую книгу» и доставая авторучку.

— Вот не помню сейчас, — ответила Евдокия Мироновна. — А ведь помнила раньше...

ПРИГЛАШЕНИЕ

Причаливать к пристани Каргино особой необходимости не было. Вообще остановки начинали надоедать. А тут еще узнала Фатима, что в Каргино никаких краеведческих материалов нет — просто потому, что никто их там не собирает и не хранит.

Поэтому ребята охотно поддерживали предложение вожатой плыть дальше. Но на пристани почему-то собралось много народу, и все махали нашим путешественникам руками, платками и шапками. Было бы невежливо не обратить внимание на все эти приветствия, и ребята свернули к берегу. Гул на берегу становился с каждой секундой все ближе и слышнее.

— Эх, надо бы все-таки остановиться! — сказал Мидхат, продолжавший думать только о кладе.

— Опять ты про свое! — усмехнулся Иршат. — Ох, и надое-
ло же это твое помешательство!

В это время из толпы, стоявшей на берегу, донесся знакомый
голос:

— Эй, земляки! Куда же вы?

Присмотревшись, ребята увидели Юсуфа.

— А ну, причаливай скорей! — повелительно кричал старик.

Когда отряд действительно причалил к пристани, оказалось,
что именно он, Юсуф, наделал шума и собрал народ.

Он подробно рассказал каргинцам о походе тальгашлинских
пионеров, не забыв при этом упомянуть, что лодки подготовле-
ны им.

Ребята приветствовали своего старого односельчанина не
как-нибудь, а как положено: выстроились в один ряд и вожатая,
салютуя, отдала ему рапорт.

Затем Фатима подошла к старику уже «неофициально» и
спросила:

— Как вы сюда попали, Юсуф-агай?

— Дорога — что судьба, — отвечал старик, — куда поведет,
туда придешь.

— И все-таки?

— Да вот в Уфу меня вызывают, — не без важности произ-
нес старый Юсуф. — Так уж попутно решил к дочери завернуть.
Зять-то мой человек известный. Его бригада недалеко отсюда
семьсот седьмую скважину бурит.

— Скважину? — удивился Юлай. — Значит, здесь нефть до-
бывают?

— Нет, пока еще не добывают. Но будут добывать, обяза-
тельно!

— Откуда вы знаете? — не удержался от дерзкого вопроса
Мидхат.

— Э! Зять мой, буровой мастер первого разряда Кашаф
Темиргалин, сказал. Понял?

Фатима подумала о том, как хорошо было бы показать ребя-
там нефтяную скважину.

— Ну, а плоты свои сдали? — спросила она Юсуфа. — Все
звенья доставили?

— Премию получили! — сказал старик.

Видно было, что вопрос Фатимы доставил ему удовольствие.

— Поздравляю вас, Юсуф-агай! Наши тальгашлинцы нигде
не подведут!

— Ну ладно, ладно! — неожиданно смутился старый плотогон. Но тут же, оправившись, спросил хозяйским тоном: — Сейчас дальше подадимся или здесь остановимся?

— А вы что, с нами поедете?

— С вами! Ведь скважина семьсот семь отсюда километрах в пяти. Чуть ближе старицы Актау.

— Актау? — переспросил Мидхат, нахмутив лоб и, видимо, что-то вспоминая.

— Актау. Мне туда. Потому-то и ждал я вас, детки мои!

— Вам — самую лучшую лодку, Юсуф-агай! — сказала Фатима. — А потом вы в Уфу, значит, поедете?

— А как же! Приглашенье-то вот!

С этими словами старик достал из кармана завернутый в носовой платок бумажник, развернул, вытащил бумагу:

— Вот она, читайте!

Фатима бережно взяла бумагу и прочла вслух:

— «Тальгашлы, Ахмед-Юсуфу Юлдашеву.

Дорогой товарищ!

Республиканский комитет ветеранов приглашает вас, участника гражданской войны, на торжественное вручение ордена Красного Знамени разведчику партизанской армии южноуральских рабочих Зинату Сайфуллину.

Председатель комитета полковник Муртазин.

Секретарь майор Егоров.

— Непонятная формулировка, — сказал Иршат. — Разве можно вручить орден тому, кто умер!

ЮСУФ ТОРОПИТСЯ В УФУ

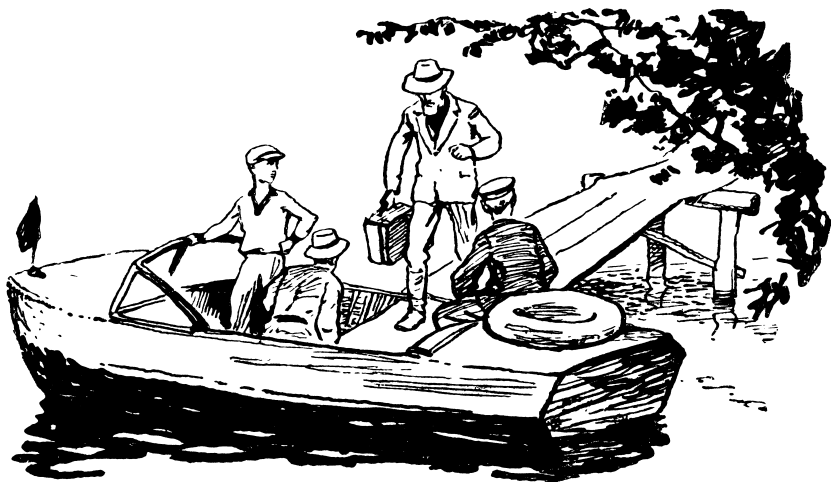
До буровой оказалось не пять километров, как уверял старик Юсуф, а добрых десять.

Старик торопил ребят: хотелось ему побывать у дочери.

Пришлось путешественникам даже пообедать на ходу.

Видя, что пионеры стараются помочь ему, Юсуф, как бы в знак благодарности, рассказывал им разные истории, главным благородным героем которых неизменно был он сам.

Но вот показалаась наконец за поворотом реки ажурная буровая, одиноко возвышавшаяся среди окруженной лесом поляны.

На этой поляне и остановились наши друзья. Напрасно уговаривали они Юсуфа поехать вместе с ними. Старик и думать не мог ни о чем, кроме дочери и внуков. Едва ли не бегом отправился на поиски геологического стана.

Однако рвение его не увенчалось успехом. Спустя каких-нибудь полчаса он снова появился среди ребят, сокрушенно качая седой головою:

— Уехали все, уехали... Эх, не застал я их, не застал!.. Жизнь на колесах, вот и ищи ветра в поле!..

— Ну ничего, Юсуф-агай, — пыталась утешить старика Фатима. — С нами доберетесь до Уфы, а там выясните, куда уехали ваши.

— С вами? Не-ет! У меня в Уфу особое приглашение! Мне надо срочно туда прибыть!

— А катеры здесь не останавливаются? — участливо спросил Иршат.

Не ему одному — всем хотелось помочь старику. Но как?

Юсуф только рукою махнул. Не знал, что через день, ровно в полдень, останавливаются именно здесь специальные катеры, которые развозят нефтеразведчикам почту, продукты и другие предметы первой необходимости.

— Эхма! — проворчал старик. — Дал я маху! А! Не надо

было в Каргино останавливаться. Совсем не надо! Хоть бы кобыленку какую незавидную где-нибудь раздобыть, что ли!

— Все равно опоздали бы,— сказал Юлай.— Лошадь сколько километров в день проходит? Не больше пятидесяти. А еще кормить ее надо в пути, кормить и поить, передышки давать. Так что на лошади, Юсуф-агай, три дня до Уфы протрусили бы, а на катере три часа!

— Ах ты, сыночек,— застонал Юсуф, словно от зубной боли.— Да где же взять-то его, где достать?

И, словно в сказке, словно по щучьему велению, затарахтел совсем неподалеку мотор.

Заволновался Юсуф и захохотал от радости.

Засмеялись и все ребята, и сам старик.

Не прошло и нескольких минут, как Юсуф чинно восседал на катере, а ребята дружно махали ему руками, прощаясь с добрым чудаковатым стариком.

СТАРИЦА АКТАУ

Нет, не думали Мидхат и Иршат, что дело обернется вот так...

Все произошло как бы само по себе.

Мальчишки увлеклись разговором и не заметили, как на изрядное расстояние отошли от поляны, где располагался лагерь.

А разговор у них шел о той самой записке из рукоятки ножа, которая до сих пор оставалась неразгаданной.

Мидхат уверял товарища в том, что места, обозначенные в записке-коде арабскими буквами, находятся где-то здесь, рядом, может быть даже под их ногами.

Он достал свою записную книжку и раскрыл ее на той странице, на которой был начерчен какой-то план-лабиринт, испещренный разноцветными значками и черточками.

Иршат ничего не понял.

— Помнишь,— увлеченно говорил Мидхат,— ты, конечно, должен помнить, что в записке говорилось об озере Актау.

— Не помню,— отвечал Иршат.

— Ну, так я помню! Там было сказано об устье реки Урюш. Река Урюш осталась у нас позади. А вот Актау или Кактау где-то здесь. Ясно? Дошло?

— Ну так что?

— А то, что в коде упоминается южный берег озера Актау. И может быть, что старица Актау — это и есть озеро Актау.

— Как же так? Старица — это одно, а озеро—совсем другое!

— Верно. Но ты учти, сколько времени прошло! Озеро и во все высохнуть могло...

— Все могло случиться,— пожал плечами Иршат,— но... Все-таки мне кажется, что ты выдумщик.

— Да-да-да! Нужно уметь фантазировать! Без этого не может быть настоящего следопыта. И, кстати, настоящего поэта тоже!

— Болтун! — сказал Иршат.

— Хорошо, болтун,— согласился Мидхат, которому было сейчас важнее всего доказать товарищу свою правоту и потому нельзя было обижаться и спорить по пустякам.— Но ты посмотри, посмотри! Вот она, старица Актау! — Он ткнул пальцем в свою записную книжку.— Вот ее южная сторона. А мы где сейчас стоим? Компас у тебя с собой?

Пригодился-таки Иршату отцовский компас!..

Оказалось, что ребята находятся на северной стороне старицы.

— Значит, надо бежать на ту сторону, там отыскать две березки и...— Мидхат замахал руками и запрыгал.— Пошли?

— Подожди...

— Чего там ждать! Может быть, через полчаса в наших руках будет клад! Клад-клад-клад, сокро-о-вище! — запел Мидхат.

— Чего ты радуешься?—усмехнулся Иршат.— «Клад, клад»! А на кой черт он нам нужен? Пусть ищут те, которые этим занимаются.

— Вот чудак рыбак — рыбу ловит, сам не ест! Да ты знаешь, что будет, если мы этот клад найдем? Это же здорово! Все газеты о нас будут писать. Прославимся, как герои!

— Давай всем отрядом пойдем. Пусть весь отряд прославится. Что нам, жалко?

— Так Фатима-то не разрешит.

Пока мальчишки спорили, спустилась ночь.

Хотели было отправиться в лагерь, но тут услышали чьи-то шаги.

Насторожились. На всякий случай спрятались в кустах.

Шаги удалялись.

Ребята вышли из своего укрытия и пошли вслед за уходящими людьми.

Нагнав их, они увидели на фоне темно-серого неба два силуэта: один — длинный, другой — короткий и полный.

— Не рыбаки ли? — шепотом высказал догадку Иршат. — Опять, наверно, темные делишки творят...

— Если они, — так же тихо отвечал Мидхат, — то нам лучше не показываться им на глаза.

— Чепуха! — сказал Иршат.

— Ерунда! — согласился Мидхат.

Они не хотели показывать друг другу, что боятся.

И пошли за силуэтами.

Долго не выпускали их из виду, но вот силуэты исчезли — как в воду канули.

— Что дальше? — мрачно проговорил Мидхат.

— Подождем до рассвета, потом — обратно, — спокойно ответил Иршат.

Только сейчас заметили мальчики, что так и кружится над ними ночная сова, издает какие-то странные, жуткие звуки.

Нет, сидеть в лесу сейчас не так-то приятно и весело!..

Взявшись за руки, снова тронулись в путь, вскоре потеряли ориентировку и вышли в какую-то ложбину.

И вдруг засветился едва ли не рядом с ними фонарик.

Мальчики залегли, спрятались под ветвями густых деревьев.

Проползли по-пластунски несколько шагов вперед и неожиданно увидели человека в черной одежде, который освещал фонариком землю и вглядывался в нее, словно что-то ища.

— Ребята, скажите честно, где нож, — проговорил он, видимо обращаясь к каким-то людям, стоявшим в темноте.

— Какой нож? — слышалось из темноты.

— В той куртке, которую вы у меня утащили, был нож. В рукаве. Да что я вам рассказываю, вы и сами знаете. Хотите сами, одни, без меня, клад отыскать?

— Какой клад?

— Ребята, а ребята! — В голосе человека в черном послышалась мольба. — Отдайте нож, ну отдайте, пожалуйста, мне этот нож!

Молчание.

— Отдайте, я вам половину клада уступлю. Это много, очень много!

— Нам с тобой не по пути! — ответила темнота.

— Как же так? Столько дел вместе понаделали, а теперь — не по пути? Так не бывает.

— Бывает. Мы браконьеры, а ты? Ты кто? А?

— Где нож, где письмо? — вместо ответа задал вопросы человек в черном.

— А кукиш не хошь?

Выстрел.

— Беги к нашим и зови их сюда! — сказал Иршат Мидхату.

— А как же я тебя найду? Темень кругом...

— А ты подавай сигналы. Как в разведке. Сейчас договоримся, какие именно.

— Я крикну, как утка, и ты отвечай кряканьем... ну, как утка. Хорошо?

— Хорошо. Здесь, на старице, утки как раз и водятся.

— Давай попробуем, — предложил Мидхат.

Но как ни старались ребята крякать тихо, ничего из этого не получалось, и в конце концов они выдали себя.

Человек в черном насторожился и направил свой фонарик прямо на ребят. Едва увидев их, погасил фонарик.

В кромешной тьме послышался треск сучьев.

Иршат и Мидхат почувствовали, что человек приближается к ним. Они оцепенели, не решаясь двинуться с места.

Фонарик зажегся теперь совсем рядом с мальчиками, ослепив их. Человек в черном замахнулся лопатой, норовя нанести удар.

Но в это мгновение прорвал ночную тишину властный окрик:

— Стой! Ни с места!

— Стой! Стрелять буду! — донеслось с другой стороны.

Человек в черном отбросил лопату и поднял руки.

Велико было удивление ребят, когда узнали они в нем бакенщика Закирьяна.

Мгновение спустя рядом с бакенщиком появились Самбосаит и какой-то военный.

Они обыскали Закирьяна и приказали ему держать руки за спиной.

— Шагом марш! — приказал бакенщику Самбосаит. И весело сказал ребятам: — Ну, пионеры, выходи! Пошли с нами! Волка сдавать.

— А тут еще двое были... — сказал Мидхат.

— Знаю. И те не уйдут, — улыбнулся Самбосаит.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Милая Наиля!

Скоро мы будем в Уфе.

Там, видимо, всерьез стали интересоваться нашим отрядом. Вчера на пристани Охлыстино вызвали меня для разговора.

Если я сумею отправить ребят из Уфы автобусом, тогда останусь там на несколько дней. Хочу сходить в медицинский институт, чтобы получить подробную консультацию о приеме. Я твердо решила стать врачом. Проверив себя на практике в качестве педагога, пришла к твердому убеждению, что это не мое призвание, хотя я очень люблю детей.

Понимаешь, Наиля, прощаюсь я с профессией, которую не успела приобрести. Но с детворой я не прощусь никогда. Можно ведь, в конце концов, стать и детским врачом. В Охлыстине мы встретили замечательного врача. Эта женщина приняла ребят, как своих детей. Мне хочется стать такой же, как она.

Но хватит о себе.

Ребята мои с нетерпением ждут приезда в Уфу.

Каждый думает о столице по-своему: поэт Иршат мечтает встретиться с «живыми писателями», тихоня Шакир рвется побывать в школе штангистов, Мидхату непременно нужен цирк, а Сабит и Юлай с увлечением рассказывают всем о каких-то фейерверках и аттракционах.

Я, как ты знаешь, буду в Уфе не впервые.

Но и меня влечет и манит наша столица. Люблю в Уфе многое. И прежде всего — место слияния Караидели с Агиделью. Люблю сады и парки Уфы.

Пока еще сохранены в Уфе старые районы — Старая Уфа, Цыганская Поляна, Сутолка, Нижегородка, Дубки, Архирейка. Они по-своему хороши, но прелесть Уфы и в новостройках.

В Уфе бывали Надежда Константиновна Крупская и, конечно, Чапаев. Бывали и писатель Аксаков, художник Нестеров, поэт Мажит Гафури, видный большевик Шагит Худайбердин.

В Уфу, скорее в Уфу!

До свидания, Наиля!

Твоя Фатима.

Р. С. Если удастся поступить в медицинский институт, я обязательно и тебя туда перетащу. Но только ты готовься как следует! Хорошо?

ТАЙНА КАРАИДЕЛИ

В Уфе путешественников ждали новые приключения.

Как только команда переступила порог общежития, отведенного для нее Республиканским советом по туризму, оказалось, что снова исчез Мидхат.

Заволновались все, но больше всех Фатима.

— Вечно этот Мидхат! — зашумели девочки.

— Выговор ему надо влить! — сказал Юлай.

Круглолицая комендантша общежития, не замечая волнения гостей, широко улыбалась и приветливо приглашала их в комнаты:

— Пожалуйста, деточки, пожалуйста! Девочки налево — в восьмую, мальчики — в одиннадцатую, направо по коридору.

— Идите, — сказала Фатима, — а я что-нибудь придумаю.

Ребята неохотно разошлись.

Вожатая присела к столику и закрыла лицо руками.

Звонить по телефону?.. Бежать в милицию?..

В эту самую минуту раздался рядом голос Мидхата:

— Фатима-апай, новость! Потрясающая новость!

— Где ты был?

Встретив строгий и укоризненный взгляд вожатой, мальчик потупился:

— Да там...

— Что «да там»? Кто тебе разрешил?

— Там висит объявление...

— Какое еще объявление?

— Такое большое, во всю стену.

— Ну, и что же?

— Там написано, что сегодня в Доме офицеров будет слет этих самых... куда приехал наш Юсуф-агай... Ну, ветеранов. И там будут вручать орден Зинату Сайфуллину...

— Зинату Сайфуллину? Да ты, наверно, путаешь что-то!

— Честное пионерское, Фатима-апай, собственными глазами видел!

Услышав это сообщение, Фатима забыла, что Мидхата следовало наказать за самовольную отлучку.

— Где, говоришь, слет-то будет? — переспросила она.

— В Доме офицеров. Надо, Фатима-апай, и нам туда пойти. Мы ведь...

— Когда это будет? — спросила Фатима, хотя все еще не могла верить, что это правда.

— Сегодня, в двенадцать часов!

— В двенадцать? — Фатима посмотрела на часы. — Ой, тогда надо трогаться сейчас же! А ну-ка, зови ребят! — И она показала Мидхату комнаты, где разместилась команда.

...По дороге, в автобусе, разговор шел все время о Зинате. Какой он? Высокого роста, наверно. И немолодой. Тут же вычислили, сколько ему должно быть лет.

— Мы сфотографируем его для нашей «Партизанской книги».

— Обязательно! Сначала одного, а потом вместе с нами.

Мидхат подумал: «Хорошо бы мне сняться вдвоем с Зинатом. Он и я!»

Юлай предложил пригласить Сайфуллина в Тальгашлы.

— Ой, ребята, — сказала вдруг Фатима, — надо купить цветы! Обязательно! И кто-нибудь из нас преподнесет ему букет.

— Правильно!

— Ну, а кому поручим такое дело? Называйте кандидатуры.

Едва произнесла вожатая эти слова, как начался невообразимый шум. Водитель автобуса обернулся и покачал головой.

Кандидатуры, конечно, назывались достойные. Но их было много, а выбрать надо было одного или в крайнем случае двоих.

— Вот что, ребята, — подняла руку Фатима, — ничего у нас так не получится. Давайте тянуть жребий!

Тут воспрянули духом те, которые не рассчитывали, что их назовут в числе лучших. Теперь и у них появились шансы. Они закричали:

— Ура, Фатима-апай!

— Вот это верно!

Фатима сняла тюбетеюку и положила в нее «фантики» — автобусные билеты, предварительно их пронумеровав.

— Кто вытащит номер седьмой, тот и выйдет на сцену и преподнесет наш общий букет, — сказала она.

Первым тащил Юлай, за ним — Нафиса, Шакир, Сабит, Малик. Но номер седьмой никому из них не попался.

Но вот запустил руку в тюбетеюку Фатимы Мидхат.

— Седьмой! — закричали ребята, заглядывавшие из-за спины Мидхата в его ладонь.

Инцидент, как говорится, был исчерпан. Теперь оставалось только достать цветы.

— Ты же и пойдешь за цветами,— сказала Фатима.— Вместе со мной. За меня остается Юлай.

Мидхат и Фатима сошли возле цветочного магазина

...В Доме офицеров народу было много.

Когда ребята поднимались по лестнице, они слышали знакомый голос:

— О-о-о, и вы здесь! Вот хорошо!

Оказалось, что это полковник Лапин, тот самый полковник с пристани Олдяк, кто первым рассказал юным следопытам боевую биографию Зината.

На втором этаже, в фойе, встретили ребята Юсуф-агая. Он стоял с важным видом.

— Ну как? — спросил он ребят.— Видели героя?

— Нет еще.

— Пойдемте, я вас с ним познакомлю.

— А это можно?

— Что за разговор! Пойдемте, пойдемте!

...Так вот неожиданно состоялась встреча с человеком, которого они знали до этого только по рассказам и легендарный образ которого успел занять самое почетное место в их сознании. Было даже как-то странно, что это произошло так просто и легко.

Выручил Юсуф.

— Помнишь, как мы в первый раз в отряд пришли? — начал он, обращаясь к Зинату Сайфуллину.

— Как не помнить! Разве такое забывается?

— А ведь я тебя привел в отряд! Я уговорил! Помнишь?

— Ну да, конечно. Нас сперва не приняли.

— А помнишь, как мы собирали отстрелянные гильзы и...

— А помнишь, как ты попросил у одного партизана винтовку и нечаянно выстрелил себе в левое плечо? Тебя увезли в госпиталь, а тому партизану выговор был. От самого товарища Блюхера...

Юсуф перевел разговор на другую тему:

— Где ж ты до сих пор был? И как ты вообще жив остался?

— Сам не знаю. Стреляли, выходит, не попали. Вот и живу.

— Рассказал бы толком. Ребятам-то интересно. Они хотят все записать и запомнить.

Зинат обвел взглядом ребят, и в это время фотографии успели

щелкнуть несколько раз. Почти все ребята попали в объектив вместе с героем. Только Иршат сидел в стороне, над «Партизанской книгой», держа наготове ручку.

— Записывать будешь? — спросил его Зинат. — Не стоит, брат.

— Пускай пишет! — поднял руку Юсуф.

— Можно подумать, что я герой какой...

Тут Юсуф даже с места привстал:

— А кто же! Мы с тобой и в самом деле герои! А? Правильно, ребята?

— Правильно! — закивали головами ребята.

Зинат задумался.

— Кто в тебя стрелял-то? — спросил Юсуф.

— Кто стрелял, не помню. Помню только, что предатель, который ходил с нами в разведку, там был.

— У, гад! — выругался Юсуф.

— Э-э, Ахмед-Юсуф, Ахмед-Юсуф! Самое страшное было не в тот момент, когда стреляли, а после. Понимаешь? Когда я очнулся. Потрогал себя — руки, ноги целы. Встал. Темно. Ни души. Рядом кладбище, и тут же покойники валяются.

— Ну, ну...

— Вот жуть-то где была! Я не помню, что делал. Видимо, закричал и побежал куда глаза глядят...

Юсуф-агай беспрестанно задавал вопросы, как бы вытягивая таким образом нужные для ребят сведения из биографии Зината. А делал это он с умыслом, чтобы Зинат меньше распространялся о его безвинных «грехах» перед ребятами.

— Ну, ну, а дальше? Может, еще какие-нибудь страшные моменты были у тебя? Выкладывай все.

— А потом узнал я, что родителей моих расстреляли колчаковцы. Это по дороге я услышал, когда домой пробирался. Что оставалось делать? Пошел по белу свету бродить. Ходил, пока не нашлись добрые люди и не подобрали меня.

Зинат умолк.

— А сейчас как сюда попал? — спросил Юсуф.

— Это все вот он виноват, — сказал Зинат, указав на человека, на которого ребята обратили внимание только теперь.

Это был Самбосайт, скромно пристроившийся на стуле в углу.

— Обосновался я в Ташкенте, — продолжал Зинат. — Стал механиком. Жил, как говорят, не тужил, ничего не знал и не

думал, детей воспитывал. Вдруг в одно прекрасное время приехал ко мне товарищ Саитов и спрашивает: «Вы такой-то?» Я говорю: «Да, а что?» Показывает он мне свой мандат, значит, капитана государственной безопасности и говорит: «Очень нужно, чтобы вы приехали на некоторое время в Башкирию, пожить в районе реки Караидели. Надо опознать одного преступника, которого знаете в лицо только вы». Вот он-то и раскопал всю эту историю, вытащил, как говорится, на свет божий...

На этом разговор с Зинатом кончился: зазвенел звонок и ребята пошли в зал.

В президиуме, кроме Зината, они увидели и Юсуф-агая, полковника Лапина из Олдяка.

Вот один из ветеранов зачитал указ о награждении и торжественно вручил орден Зинату Сайфуллину. Затем пошли приветствия боевых друзей и знакомых. Ребята уже сидели прямо как на иголках.

Мидхата с Фатимой все не было.

Но вот наконец показались они в дверях, и Фатима, быстро построив отряд, повела ребят прямо на сцену. Спешили, волновались, от этого еще больше путались. В общем, порядка ожидаемого не получилось. На сцене Мидхат выдвинулся вперед. Зажмурился глаза, он поднял букет и стал припоминать свою речь, подготовленную заранее. К ужасу своему, он обнаружил, что ничего не помнит.

Все промелькнуло в его голове в эту секунду: и позорное последствие такого публичного провала, и упреки ребят, и насмешки девочек...

Но вот он открыл глаза и ахнул: перед ним, улыбаясь, стоял тот самый старик с клинообразной бородкой, которого он преследовал все время.

Мидхат онемел и только лишь машинально протянул вперед к нему руку с букетом.

Зинат Сайфуллин с волнением взял букет, крепко пожал руку Мидхату и всем членам команды. Под дружные аплодисменты всего зала команда разошлась по своим местам.

Взял слово полковник Лапин.

— Спасибо, пионеры, за внимание и заботу о героях гражданской войны,— сказал он.— Вы нашли то, что искали. Нашли много друзей. Нашли и врагов. Искали следы героя, а нашли его самого. А самое главное — в дружном походе по местам боевой славы нашли и самих себя.

ЭПИЛОГ

Вернулись ребята в Тальгашлы и написали пионерам-дальневосточникам достойный ответ. Они описали историю своего похода.

Потом они пригласили в школу писателя, чтобы рассказать эту историю и ему.

Писатель все выслушал, изучил записи, документы, фотографии и написал книгу. Эту книгу.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Гилемдар Рамазанов. Об авторе этой книги</i>	3
Три друга	5
Суды-пересуды	9
Первый день и первая ночь	11
Бакенщик Закирьян	14
На острове	16
Серая куртка	20
Речники в белых фуражках	22
Мидхату не спится	24
Баит	28
«Ах, такие-сякие!..»	29
Капитан остается на месте	31
Шишка на лбу	35
Снова старик	37
Акберды-агай	41
Рыбаки	45
Ливень	49
Ящик с минералами	52
Шпионское снаряжение	55
Психологический опыт	57
Ханский фарман	60
Толстяк-обманщик	62
Шежерé	65
«Указ красного генерала»	69
Урок самбо	74
Крупный разговор	78
Письмо директору	82
Утро в лесу	83
Зинат Сайфуллин	85

Эскадрон имени Шарафа	91
На старых развалинах	94
Сами с усами	97
Раненый медведь	101
Белужья уха	103
Собрание сочинений	107
Авария	109
Кладонскатели	112
Базар в Красном Ключе	115
Карабаш и его сын	119
Сабантуй	121
Призовой баран и прочее	126
Гибель героя	129
И старики умеют плакать...	133
Неприятность	135
Евдокия Мироновна	139
Приглашение	143
Юсуф торопится в Уфу	145
Старица Актау	147
Последнее письмо	151
Тайна Караидели	152
Эпилог	157

Для среднего возраста

Кирей Мэргэн

ТАЙНА КАРАИДЕЛИ

Ответственный редактор Г. Р. Каримова. Художественный редактор В. А. Горячева. Технический редактор И. Я. Колодная. Корректоры Е. Б. Кайрукитис и Т. П. Лейзерович. Сдано в набор 19/VI 1972 г. Подписано к печати 24/VIII 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 10,13. Усл. печ. л. 8,7. (Уч.-изд. л. 8,97+1 вкл.=9,01.) Тираж 75 000 экз. ТП 1972 №415. Цена 42 коп. на бум. №1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» №1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Суцевский вал, 49. Заказ 4373.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской книги.*

Кирей Мэргэн.

К 43 Тайна Караидели. Повесть. Пер. с башк. А. Твер-
ской. Рис. Г. Юмагузина. М., «Дет. лит.», 1972.

159 с., с ил., портр. 75 000 экз., 42 к., в пер.

Во время летних каникул семиклассники из башкирского аула Тальгашлы во главе с вожатой отправились на лодках в поход по реке Караидели. По пути они познакомились с родным краем, встречались с народными сказителями и записывали у них песни, а главное — собирали воспоминания участников гражданской войны и рейда Блюхера.

Поход прошел интересно, с тревожными приключениями, о которых ребята не могли и предполагать.

7—6—3
415—72

С (Башк) 2

Цена 42 коп.